

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ЯНВАРЬ
2012**

ТЕВЕТ 5772

№ 1(237)

ЛЕХАИМ 1/237
выходит с 1991 года

Главный редактор
Борух Горин

Административный директор
Яков Ратнер

Ответственный секретарь
Елена Калло

Художественный редактор
Евгения Черненькова

Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова, Ишайя Гиссер, Галина Зеленина, Александр Иличевский, Ирина
Мак, Афанасий Мамедов, Йеуда Рабейко, Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский

Корректор
Виктория Рябцева

Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев

Художники
Иосиф Островский (с. 18); Павел Шевелев (с. 42); Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(с. 77, 83, 84); Оскар Рабин (с. 92)

Фотографы
Andrea Robbins, Max Becher (с. 4) Rafael Herlich (с. 6); из архива внучки В. Медема О.
В. Борисовой (с. 20, 23); из архива русского общества друзей еврейского университета в
Иерусалиме (с. 26); Central Zionist Archive (с. 28); из архива Владимира Хазана (с. 32, 34); Вадим
Бродский (с. 48, 51, 102); Марк Гондельман (с. 50);
Николай Бусыгин (с. 52); Александр Ларцев (с. 56); Jill Kremetz (с. 98)

Фото предоставлены агентствами
Из архива еврейской общины Николаева (с. 12); Zoom 77 (с. 31); «РИА-Новости»,
Илья Питалев (с. 45); Фото ИТАР-ТАСС, Валерий
Шарифулин (с. 46); Schauspiel Frankfurt (с. 124)

На обложке
Несанкционированная акция протеста на Триумфальной площади 7 декабря 2011
года. Предоставлено агентством «ИТАР-ТАСС».
Фотограф Александр Чернавский

Подписано в печать 16.12.11.
Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.
Объем 16 печ. л. Цена договорная
ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2011

**Адрес редакции: 127018, Москва,
2-й Вышеславцев пер., 5а.**

Тел.: (495) 710-88-03

E-mail: [lechaim \(@ \) lechaim.ru](mailto:lechaim (@) lechaim.ru)

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

СТЫД И ГОРДОСТЬ

Атдоо Атдои

Нет, никак не привыкну к эре Интернета. Жизнь ускорила за несколько лет в разы. То, что раньше становилось предметом общественной дискуссии через неделю после события и обсуждалось месяцами, теперь становится гласным в самый момент события и обсуждается в прямом эфире Интернета в лучшем случае два дня — за это время все позиции высказаны и скорректированы!

Опубликовав в блоге несколько абзацев своих мыслей о вовлеченности евреев в общественные процессы в современной России, я, конечно, понимал, что кому-то они близки, кому-то глубоко чужды, но представить себе не мог, что за три дня в русском Инете появится более 1000 откликов на них. Очевидно, что наиболее спорным моим тезисом было рассуждение о «гостях», о том, что еврей должен чувствовать себя в России в гостях и соответственно вести себя. Как это в гостях, у кого в гостях? Мне думается, лучше всего понять ход моих мыслей можно, кратко проследив историю моей семьи.

Горины в Россию не приехали, это Россия, «передвинув забор» в конце XVIII века, присоединила в том числе и их подольскую деревню. Думаю, перемены пошли им на пользу, поскольку уже в 1830-х годах они стали владельцами бессарабской табачной плантации, на которой и работали до большевистских преобразований. Надо сказать, к тому времени на плантации работали исключительно мой прадед Иешуа-Элозар и семеро его сыновей. По семейному преданию, землю свою экспроприаторам они легко отдать были не готовы и неделю с помощью припрятанного пулемета держали круговую оборону, а потом разбежались в разные города и веси новой страны, чтобы «кулацкую банду» трудней было найти. Там братья и остались жить.

В 1939 году мой дед Яша был призван на Финскую войну. В том же году родился мой отец. Со своим отцом он познакомился уже шести лет от роду, потому как гвардии ефрейтор Горин от первого до последнего дня Великой Отечественной общался с семьей только через полевую почту. Но ему, конечно, несказанно повезло — он вернулся живым. А два его брата остались лежать в солдатских могилах под Ленинградом.

Бабушка рассказывала, что дед о войне говорил очень мало. Не было в его рассказах ни героизма, ни романтики. А самым ярким эпизодом было нахождение в окружении: евреи и коммунисты прятали документы, и сосед с ухмылкой сказал: «Яшка, ну зачем ты прячешь бумажки? Я же тебя все равно сдам!»

Они прорвали тогда окружение, дед дошел до Праги, вернулся к семье в Одессу. Но это уже была другая Одесса. Даже я застал еще времена, когда пальцем показывали на соседей, выдававших евреев во время оккупации, дворников, в момент облавы закрывавших ворота от бегущих евреев. Куда мне деться от этой истории массового предательства соседей? Не было этого? Каково было деду, потерявшему братьев, отшагавшему весь путь к Победе, слышать разговорчики о том, что евреи воевали в Ташкенте? Каково мне, его внуку, читать похожие рассуждения отца русской демократии Солженицына.

Я горд тем, что наша семья потом и кровью связала себя с этой землей. Я горд и тем, что среди моих предков не было членов партии и сотрудников НКВД. Но, когда мне с пеной у рта говорят, что мы здесь не гости, я не могу не видеть перед глазами хронику «марша смерти» по красавцу-Киеву: сотни тысяч евреев, идущих ко рвам Бабьего Яра на глазах у торжествующе улыбающейся публики. Я горд тем, что среди семерых, вышедших на Красную площадь 25 августа 1968 года спасать честь страны, изнасиловавшей Прагу, было «непропорциональное» количество евреев (хотя мне и кажется это неестественным), но я не могу забыть того, что Солженицын, очень многим лично обязанный евреям-правозащитникам, посчитал возможным укорять евреев в излишней общественной активности. Я горд, что мои соплеменники внесли непропорциональный вклад в русскую науку, но не могу забыть о черном двадцатилетии мехмата МГУ — интеллектуальном геноциде, по меткому определению Валерия Сендерова.

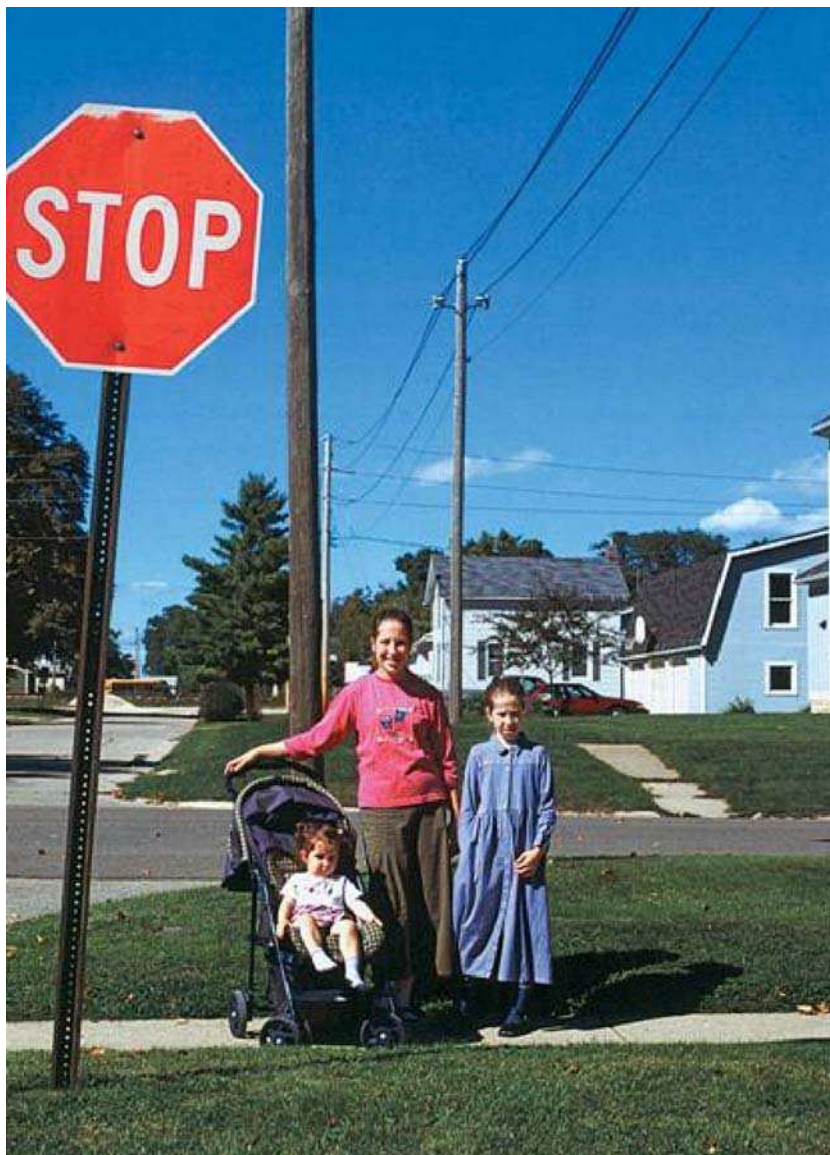
Однако не только гордость наполняет меня, когда я думаю о евреях России. Мне стыдно за моих соплеменников — лубянских извергов, убийц венценосных детей, за проходимцев и кликуш, которых тоже было непропорционально много в этой истории. Мне кажется чудовищной ошибкой целых поколений евреев готовность принести в жертву химерам интернационализма собственное национальное самосознание (кстати, именно подобные прожекты я, вдохновленный Булгаковым, назвал в своей статье «далекими оборванцами»). Мне кажется верхом бестактности, когда еврейские публицисты высмеивают очереди желающих прикоснуться к христианской святыне.

Все это я призываю не забывать. Дать себя обуть мороку, будто всего этого нет, — немного глупо и совсем непродуктивно.

Где проходит грань между тактичностью и безразличием? Не знаю, мне ее подсказывает внутренний камертон. Он, конечно, может и фальшивить.

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

נְתִיבָה לְעֵשֶׂה אֵלֶיךָ אֱלֹהִים

נְאִי וְב

עֲרֵבָה עֲשֵׂה לְךָ 5736

<...> Этот год провозглашен «годом образования» — для того, чтобы усилить и расширить педагогическую работу среди молодых и пожилых, включая тех, кто, несмотря на почтенный возраст, все еще «юн» во всем, что касается знаний о Торе и заповедях.

Уже неоднократно подчеркивалась важность религиозного образования для девочек, особенно с учетом того, что именно на матери, практически полностью, лежит бремя воспитания детей в нежном возрасте, да и позднее, когда дети подрастают, домашняя атмосфера, прямо или косвенно, в значительной степени определяется женой и матерью — хозяйкой дома.

Поэтому нет необходимости лишней раз напоминать о важности религиозного образования для девочек или пространно рассуждать об особой значимости школ системы «Бейт-Ривка», где еврейских девочек готовят к роли жены, матери и, во всех смыслах, хозяйки дома.<...>

5 סיון 5739

<...> Я уверен, что уже писал Вам о важности использования преимуществ раннего подросткового возраста (11–13 лет), когда закладывается фундамент дальнейшей взрослой жизни. Для того чтобы противостоять влиянию нееврейского окружения, нужно иметь твердую почву под ногами. Это исключительно важно, поскольку евреи, особенно религиозные, являются очень небольшим меньшинством. Независимо от того, в какой стране вы живете, включая Страну Израиля, подростку необходимо получить как можно больше аутентичных еврейских знаний, особенно относительно самого главного, т. е. Торы и заповедей, о которых сказано: «Долгоденствие, годы жизни и мир они прибавят тебе»[1]. Разумеется, это касается и всего остального: чем бы ни занимался еврей, он должен руководствоваться двумя основополагающими принципами: «Все, что ты делаешь, делай во имя Небес»[2] и «Познавай Его во всех твоих путях»[3].

Если это справедливо для всех подростков, то это тем более верно в отношении молодой девушки, которая готовит себя к важной и почетной миссии — стать со временем хозяйкой дома. Стать той, от которой будет зависеть жизнь и атмосфера еврейской семьи: настоящей еврейской матерью, на которую возложена забота о детях, начиная с момента их рождения, и которая оказывает на них колоссальное влияние, даже когда они становятся старше. Поэтому каждое дополнительное усилие, предпринятое для укрепления своего еврейства, Б-гобязанности и любви к Всевышнему, со временем многократно отразится на атмосфере Вашего дома, жизни Ваших детей, внуков и последующих поколений.

В свете всего сказанного — какое значение могут иметь личные трудности в сравнении со столь великим благом? <...>

3 יאר 5732

<...> Я своевременно получил Ваше письмо от 11 апреля. Как Вы просили, я помолился о том, чтобы исполнились все Ваши сердечные пожелания, и в первую очередь — чтобы каждый из ваших детей был для Вас источником настоящего еврейского нахес.

Что касается способов влияния на ребенка, то, как показывает опыт, в наше время наиболее успешным оказывается влияние друзей и знакомых, а не родителей. Дети не слишком охотно прислушиваются к советам, указаниям и наставлениям своих родителей, поскольку им кажется, что родители считают их слишком маленькими, навязывают им свою волю и т. д. Поэтому было бы правильно уговорить кого-либо из друзей Вашего сына, чтобы он поговорил с ним. Разумеется, это следует сделать так, чтобы сын не заподозрил, что друг говорит с ним по поручению родителей.

Поскольку еврейская семья образует единый организм, очевидно, что дополнительные усилия одного из ее членов в изучении Торы и соблюдении заповедей пойдут на пользу всей семье.

Это тем более верно, когда речь идет о родителях, которые в любом случае должны показывать детям пример поведения. Излишне добавлять, что всегда можно сделать больше, когда дело касается Торы и заповедей, поскольку их источник — Эйн-Соф[4]. И хотя <соблюдение заповедей > должно быть бескорыстным, это также служит «сосудом», чтобы получить и насладиться всевозможными благами, даруемыми Свыше. <...>

25 àà 5740

<...> В іїѳѳ:ѳѳ Аàѳà іѳїї і іѳ 30ѳѳѳ, ààÀú іѳѳàѳà і іàїàї і ѳàѳѳàї іїїà

Учитывая серьезность сложившейся ситуации, я убежден, что Вы не ограничитесь тем, что было сделано до сего дня, но, совместно с Вашим мужем, используя поддержку друзей семьи, сделаете все, что в Ваших силах, чтобы избежать трагедии. Когда речь идет о еврейском сердце, никогда нельзя знать заранее, как и когда наступит «момент истины» и адекватной реакции.

Если Вы сообщите мне еврейские имена всех членов Вашей семьи, для которых Вы просите моего благословения, вместе с еврейскими именами их матерей, как того требует обычай, я смогу упомянуть каждого из них в своих молитвах.

Я также считаю своим долгом сказать нижеследующее и надеюсь, что мои слова будут услышаны. Все члены еврейской семьи образуют единый организм. Поэтому, когда один из «органов» нуждается в особом уходе, можно идти двумя путями: если это возможно, воздействовать на него напрямую, если же нет, то опосредованно, укрепляя другие органы, и в первую очередь те, которые контролируют жизнедеятельность всего организма. Если говорить о вашей ситуации, следует помнить, что главу семьи на еврейском языке называют бааль а-байт, хозяин дома, а его супругу — акерет а-байт, основа дома. Поэтому, если один из родителей станет более усердно соблюдать Тору и заповеди, это окажет благоприятное воздействие на всех членов семьи.

Разумеется, порой это сопряжено с определенными трудностями, вызванными необходимостью внести изменения — возможно, даже радикальные изменения — в привычный образ жизни. Однако, с другой стороны, оценив долговременные результаты, — а когда речь идет о детях, какое значения могут иметь какие-то трудности, которые к тому же чаще всего преувеличивают! — еврей обязан следовать воле Всевышнего, тем более когда нуждается в особом благословении.

Кроме того, существует гарантия, что, какими бы ни были повседневная жизнь и поступки еврея в прошлом, он всегда может раскаяться и начать новую жизнь, совершив тшуву к своему истинному предназначению. <...>

І ààààà іàї àѳѳѳѳѳ, ѳàѳѳà ѳ ѳàѳѳà

ѳàѳѳѳ Àїàѳѳàѳà, Èàààú Ààѳѳѳàѳà, Ààààı ѳѳ Èààѳà, Ҁѳѳ Ҁѳѳѳѳà

«ОГРАДА ДЛЯ ТОРЫ»:

ПУСТЬ ВСЕ ОКАЖУТСЯ ВНУТРИ!

Ааде Еацад

Первая мишна «Пиркей Авот» завершается перечнем задач, которые поставили перед нашим народом члены Великого собрания. Эти указания сформулированы так: «Когда судите — проявляйте умеренность; увеличивайте число учеников; делайте ограду для Торы».

Казалось бы, все просто: «судите умеренно» — это призыв объективно решать споры между людьми; «увеличение числа учеников» — вполне понятный призыв расширить круг евреев, глубоко знающих Тору. Что касается «ограды для Торы», то это постановление трактовалось обычно как призыв выполнять заповеди максимально строго, ограждая себя от малейшей опасности нарушить заветы Торы.

Но тогда возникает вопрос: в чем особая важность именно этих поучений? Почему «Пиркей Авот» отводит им место в самом начале трактата? Надо обратиться к еврейской истории и вспомнить, что такое «Великое собрание». Этот институт возник в один из самых тяжелых моментов нашего прошлого, после вавилонского пленения, когда раввины и учителя нашего народа вернулись в Страну Израиля и обнаружили, что абсолютное большинство евреев в той или иной степени ассимилировалось, забыло о Торе и не соблюдает заповеди. Тогда 120 крупнейших законоучителей взяли на себя ответственность за судьбу народа, приступили к выполнению задачи возрождения еврейства. Это и были «люди Великого собрания» — «каншей кнессет агдола». Именно от них пошло название парламента еврейского государства, «кнессета», состоящего из 120 членов.

Именно для решения задач духовного возрождения особое значение приобретают три составляющие: «судить умеренно», «увеличивать число учеников» и «сделать ограду для Торы». В середине прошлого века Ребе дал объяснение, как эти три задачи связаны между собой. Ребе сравнил ситуацию после вавилонского пленения с положением нашего народа после Холокоста. Здесь и там — множество убитых, люди вынуждены скрывать свое еврейство во враждебном окружении, полное разрушение традиционных еврейских институтов, системы образования. В результате — дух еврейства в массах потерян, утрачено даже желание быть евреями.

Такова реальность. Поэтому, если вы хотите возродить народ, как это решили сделать члены Великого собрания, то первым указанием для вас будет: «судить умеренно»! Прежде чем судить еврея, отошедшего от Торы и заповедей, надо понять, в каком положении он находился все прошедшие годы. Нельзя судить его строго по формальным критериям: наоборот, надо найти возможность поговорить с каждым, помочь каждому... По сути, это указание перекликается с известной талмудической мудростью: «Не суди ближнего, пока не оказался сам на его месте»!

Сейчас мы вновь сталкиваемся с той же проблемой, когда наша молодежь, возвращаясь к Торе и еврейству, порой проявляет излишне критическое отношение к старшим поколениям, которые всю жизнь не соблюдали заповедей. Эти поколения тоже надо «судить умеренно»: они десятилетиями жили под властью безбожного режима, подавлявшего любые проявления еврейства! Неудивительно, что многие отделились от нашей традиции. «Судить их умеренно» — значит понимать, что в каждом человеке есть позитивный потенциал, обращаться к нему и постепенно возвращать в лоно нашей веры.

Именно в этом контексте следует рассматривать и второе указание Великого собрания — «расширять число учеников». Кто-то говорит, что брать в еврейские школы, колели, ешивы надо лишь тех, кто достаточно религиозен. Мы говорим: надо брать всех, даже если они ассимилировались. Наша задача — вернуть даже тех, кто очень далеко ушел от Торы.

Наконец, третье указание — «строить ограду для Торы». Традиционно его понимают как необходимость дополнительных ограничений, имеющих целью свести к минимуму опасность нарушения Закона. Например, нам нельзя мешать мясное с молочным, — а традиция велит даже на стол не ставить одновременно мясные и молочные блюда, чтобы даже по ошибке человек не нарушил заповедь. Однако

«ограда» — это еще и место, где собираются, чтобы обрести защиту. В этом контексте указание Великого собрания означает: соберите максимальное число евреев вокруг Торы, «в ограде». Не отделяйте светских евреев от религиозных, привлекайте их к делам общины! Именно поэтому мы не ограничиваем общинные центры синагогой, а создаем в них курсы языка и компьютера, спортивные секции и детские кружки. Чтобы человек научился соблюдать Закон, он должен находиться возле Закона — «в ограде». И наша цель — собрать внутри этой ограды всех евреев!

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)
ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН

Хана Шнеерсон

Продолжение. Начало в № 11, 12 (235, 236)

Вид на Лубянку с Кузнецкого моста. 1930-е годы

יֵאָאָוֹאָאִי וְעֵיִי עֵיִי אוֹ

Время летело быстро, и вот уже подошел месяц тишрей. На канун Рош а-Шона и Йом Кипура выпали дни, когда мужу разрешалось получить передачи, и я очень обрадовалась этой возможности послать ему еду — мясо и рыбу, — которая могла бы хоть немного напомнить ему о праздничных трапезах, устраиваемых дома.

Перед Йом Кипуром мне под большим секретом передали, что еврей-доктор, который работал в тюрьме, на днях должен осмотреть мужа. Так и произошло: вечером на исходе Йом Кипура, уже после авдолы, доктор зашел в камеру мужа, угостил его папиросой (царский подарок в тех обстоятельствах) и провел с ним немного времени, наблюдая, как он ест после поста.

В один из дней месяца мархешван к нам в дом вошел молодой человек. Он поднялся по лестнице, зашел в квартиру и направился прямо в столовую, не задавая никому вопросов, как будто прекрасно знал расположение комнат. Молодой человек уселся на стул и в качестве предисловия предупредил, что, если я хоть кому-то расскажу, что он здесь был, мы оба — и он, и я — окажемся в серьезной опасности.

В столовой в тот момент кроме меня находилась Рохл — девушка, которая много лет жила в нашем доме.

(Эта Рохл была настолько предана нашей семье, что умоляла энкавэдэшников забрать ее вместо раввина — она всем сердцем готова была отсидеть за него весь срок, к которому его бы присудили.)

Увидев девушку, молодой человек сказал, что ее присутствие его не беспокоит. Затем он передал привет от Лейвика Залмановича. Я не в силах выразить чувства, которые охватили меня в тот момент!..

Гость рассказал, что муж мой подробно описал ему расположение нашей квартиры, чтобы не пришлось задавать никаких вопросов соседям, которые могли бы обратить на него внимание. «Л<ейвик> З<алманович> 32 дня просидел в одиночке[1], — рассказал он, — а на 33-й день меня посадили в ту же камеру».

Этот человек был инженер-нееврей, которого выпустили из тюрьмы после шестимесячного заключения. Перед освобождением он дал мужу слово: сразу после того, как попадет домой и снимет одежду, в которой был в тюрьме, он отправится ко мне передать привет. Так он и сделал.

Они провели вдвоем в одной камере весь месяц тишрей, и гость рассказал мне, как муж провел Йом Кипур[2]:

«Его Судный день я никогда в жизни не забуду. Он целый день плакал и рыдал, читал наизусть псалмы. До позднего вечера он мне ни слова не сказал, я его не трогал, у меня не было смелости заговорить с ним».

Позже, уже в ссылке, муж рассказал мне, что, не имея в тюрьме ни сидура, ни махзора, он произносил те из святых текстов, которые помнил наизусть. Этого ему вполне хватило на весь день.

Я спросила: в чем же они обвиняют моего мужа? Гость объяснил: «Он построил “мыку” во дворе синагоги, вот это дело ему и пришили. И служка что-то на него наговорил»[3].

Тогда и в самом деле шло обсуждение вопроса, строить ли в синагоге микву. Шамес[4] рассказал, что раввин собрал на строительство большую сумму денег. Также на допросе он показал, что у нас дома на Симхас Тойре был организован сбор денег в помощь вдовам Тухачевского и Бухарина[5] и что инициатива в этом начинании принадлежала моему мужу.

Чтобы подкрепить свидетельские показания, была устроена очная ставка. Но когда шамес и шойхет[6], который тоже был арестован, увидели моего мужа, они отказались от своих слов, заявив, что их принудили дать такие показания.

В конце своего визита инженер попросил меня найти способ — поскольку передавать записки в тюрьму запрещается — как-то сообщить мужу, один день или два празднуется в этом году рош койдеш месяца кислев[7]: «Что-то его мучает вопрос с новолунием, и это связано с праздником Маккавеев»[8].

«אָדוֹי יָא אֵלֵינוּ יְיָ»

Начался кислев. Время шло, и я все искала способы спасти мужа от судилища. Несколько раз я пыталась поговорить с начальником местного управления НКВД, но он, хотя сам был евреем, каждый раз отказывал мне с крайней жестокостью. От прокурора я узнала, что следствие намерено организовать дело о «контрреволюционной религиозной группе во главе со Шнеерсоном[9]». Эта новость меня ужасно испугала.

Пытаясь найти пути к спасению мужа, я отправилась в Москву с прошением на имя генерального прокурора. Отыскав его приемную, каждый день я просиживала там по несколько часов, пока, наконец, не попала на прием. Генеральный прокурор принял меня в целом доброжелательно и пообещал, что дело мужа будет пересмотрено, пролистав при этом некоторые документы из папки, на которой я успела заметить надпись: «Группа Шнеерсона». Я почувствовала, что его доброе ко мне отношение не было искренним. Тем не менее, когда прокурор сказал мне возвращаться домой и ждать ответа из его ведомства, хотелось надеяться, что результат окажется положительным.

Итак, я вернулась домой с надеждой в сердце.

Дело передано в «Особое совещание»!

Прошло немного времени, и поползли слухи о том, что дело мужа передано в Москву — в «Особое совещание»[10]. Это означало, что «суд» над ним будут вершить четыре представителя высших военных и гражданских органов, которые заранее, еще до начала слушания дела, решили, к какой категории преступников относится обвиняемый. И это после всех прошений, которые я подавала властям, после всех телефонных переговоров с прокурором и следователем!..

В конце концов мне прислали повестку явиться в местное НКВД. Когда я пришла, мне сообщили, что они уже собрали все «материалы» на моего мужа и отправили их в Москву, в «Особый отдел». В заключение мне было сказано издевательским тоном: «Видите, какой великий человек ваш муж! Мы его дело в столицу отправляем».

Из всего этого становилось понятно: мужа собираются приговорить к ссылке. Для меня это было крайне неприятным предположением, с которым трудно было смириться. Согласно документам, мужу было уже под семьдесят лет[11], и имелось заключение врачей о том, что у него «грудная жаба» (стенокардия). Я затратила много сил на то, чтобы добиться для него специальных условий при этапировании в ссылку. После множества ходатайств я получила ответ: все будет в порядке, он доедет до места назначения здоровым. А когда я попросила, чтобы мне разрешили положить в посылку, которую я собирала ему в дорогу, более четырех килограммов продуктов, мне ответили: его здоровье настолько улучшилось, что я даже не узнаю его при встрече! А все потому, что «он съедает всю еду, которую ему дают».

Впрочем, когда уже был назначен день отправки мужа к месту ссылки, следователь все-таки сказал мне приготовить что-нибудь для него в дорогу, поскольку за все время он в рот ничего не взял из тюремной пищи...

Приговор: пять лет ссылки в Среднюю Азию

В конце месяца кислев пришла бумага из местного НКВД: я должна явиться к ним в понедельник, такого-то числа, к девяти утра. После всех моих усилий, после обещаний, полученных от высокопоставленных лиц, и после некоторых сведений, переданных мне из места, где находился мой муж (приветы от людей, которые его видели, и тому подобное), я надеялась, мне сообщат, что его решено освободить.

Как обычно, я пришла точно ко времени. Свой паспорт я оставила в бюро пропусков — в обмен на бумагу, дающую разрешение войти. Мне представлялось, что после девяти месяцев, в течение которых я не видела мужа, и после всех переживаний мне, наконец, позволят с ним повидаться. Вместо этого меня провели в какую-то комнату и, забрав пропуск, захлопнули дверь! Я оказалась полностью в их власти...

После часового ожидания меня пригласили в другое помещение, где сидели четыре человека в военной форме. Старший из них, как я потом выяснила, являлся ответственным за этапирование всех заключенных нашей области. Мне было объявлено, что муж приговорен московским «Особым совещанием» к ссылке в Среднюю Азию на пять лет[12]. Когда я спросила их: «Как человек в таком плохом состоянии и в таком преклонном возрасте сможет все это перенести?» — мне ответили: там, куда будет отправлен мой муж, вполне приличные условия жизни. Он останется практически полноправным гражданином — только лишь обязанным находиться именно в том месте, куда его ссылают. Его даже не лишат права голоса, сказали мне. «Все, что вам остается сделать, — это собрать ему в дорогу то, что он просит».

Один из тех, кто готовил мужа к отправке к месту ссылки, оказался евреем, и именно ему поручили ознакомить меня со списком вещей, которые нужно было приготовить. Он тут же сообщил мне, что когда-то в детстве учился в хедере и ему знакомо практически все из того, что значится в записке Л<ейвика> З<алмановича>. В первую очередь муж просил талес, тфилин, сидур и Теилим, а также том, в котором содержались бы все пять книг Пятикнижия. Только один пункт из списка был ему незнаком — книга «Танья», о которой он до того никогда не слышал. Кроме всего перечисленного, муж попросил также гаргл[13]. «Когда вам сообщат о дне отправки вашего мужа, — сказал мне этот человек, — принесите все это на тюремный двор, у вас это заберут и передадут ему».

После всех этих новостей мне также пообещали, что разрешат попрощаться с мужем перед его отъездом. О дне свидания мне сообщат дополнительно.

Ï ÁÐÁÀΒ ÁÑÒÐÁ×Á

В «группе» моего мужа, кроме него самого, было еще три человека — два шойхета и шамес синагоги, в которой он молился...

В назначенный день я взяла продукты, которые разрешили собрать мужу в дорогу для улучшения состояния его здоровья. Чтобы я не шла в тюрьму сама, меня сопровождал молодой человек [14] из числа наших добрых друзей — сын одного из польских ребе, который учился вместе с нашими детьми.

Во время свидания мы были разделены железной решеткой. Рядом стоял вооруженный тюремный охранник, который следил за тем, чтобы мы разговаривали по-русски.

Не могу передать словами, как изменилось лицо мужа за эти десять месяцев! Первыми его словами, обращенными ко мне, был вопрос: «Слава Б-гу, что мы смогли повидаться! Скажи, сколько дней был рош койдеш кислев — два или один? Я должен это знать из-за Хануки...»

Свидание длилось всего несколько минут, но даже за это короткое время охранник трижды делал нам замечания (точнее, орал на нас): «Говорите по-русски!» Муж сильно нервничал, и когда мы попрощались, со слезами на глазах просил у меня прощения, словно в предсмертный час: он считал, что этапа не переживет... Я оставила ему передачу, сказала слова прощания и отправилась домой.

ЧАСТЬ II. О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ						
Л Е Т А		Кто совершал обряд обруче- ния и бракосочета- ния (хтану)	Ч И С Л О И М Ъ С Я Ц Ъ		Главные акты или записи и обязатель- ства между вступаю- щими в брак и свидетелями брака	Кто женился с кем и куда уехали, также имена и состо- яние родителей
Мужского	Женского		Христиан	Еврейства		
8	25	20	Рабинович	26	11	Актон на 200 дочери св. священник почитаемый отцом Мох раб Давидов Лейбуш Верхотей на Займанов Шней- дерман Абраам А- сирский дочери земледельца Мох. Романович Ке- ра Шейман Яков- ичаго

Çáïèñí î ðáí à î áèáó Èááè-Èóòèèí è ðáííé Ñíááðñí

Ï ÎÁÇÁÈÁ Á ÕÁÐÚÈÎÁ

Следующие несколько дней я провела в хождениях по разным инстанциям, пытаюсь выяснить точную дату отправки мужа в ссылку. Конечно, я всюду обращалась официально, но куда более важным делом было отыскать родственников тех людей, которые так или иначе были связаны с отправкой этапов, и попытаться что-нибудь выяснить через них. Тесть прокурора, тетя тюремного доктора и другие — каждый обещал мне свою помощь, но когда я в конце концов добралась до человека, ведавшего этапами, он сказал мне, что муж не значится в списках арестантов, подлежащих отправке!

Буквально на следующий день я получила от мужа открытку из Харькова — он находился там, в пересыльной тюрьме [15], адрес которой муж также указал в открытке. Я тут же решила ехать в Харьков.

В тот год стояли сильные морозы, все вокруг было засыпано снегом. Железная дорога работала не по расписанию — нельзя было угадать, когда поезд придет на станцию или отправится дальше.

За день до отъезда, где-то около полуночи, мне удалось раздобыть курицу и я понесла ее к шойхету. Чтобы добраться до него, нужно было пройти несколько километров, преодолевая обледеневший подъем в гору. Но я добралась.

На следующий день ко мне домой пришли некоторые из наших близких друзей, которые раньше регулярно бывали у нас. Они стали отговаривать меня от поездки, убеждая, что мне все равно не разрешат повидаться с мужем. Однако я была намерена ехать в любом случае и стала искать возможность приобрести билет на поезд.

В то время билеты на поезд в день отправления практически не продавались — их надо было покупать заранее, за несколько дней. С большим трудом удалось все-таки раздобыть билет — его принесли мне на дом около часа дня, а поезд отправлялся в три. В Харьков по расписанию он должен был прийти в 11 вечера.

Поездка была непростым делом — в том числе и потому, что я совершенно не была знакома с Харьковом. Менди Рабинович, один из наших друзей, телеграммой предупредил своего брата Гирша [16] о моем приезде, и он должен был встретить меня.

Из-за сильного снегопада поезд задержался на четыре часа. Гирш тем не менее встретил меня на вокзале. Было три часа ночи, стояла кромешная тьма и жуткий холод. Всю дорогу я тоже сильно мерзла, так как вагоны не отапливались... Гирш привел меня к себе домой, соблюдая меры предосторожности, чтобы меня не увидели ни его квартирная хозяйка, ни соседка. Меня усадили в угловой комнатке рядом с небольшой печкой, дали стакан горячего чая, и я чуточку согрелась.

В семь утра мы принялись за дело. С большими усилиями, преодолевая враждебное отношение, мы добились разрешения для адвоката на посещение арестованного в его камере, в надежде, что адвокату удастся каким-то образом улучшить его положение. Я заплатила прокурору 75 рублей, и он дал разрешение. А вскоре после этого выяснилось, что это был последний день пребывания этапа в Харькове, и сегодня же заключенных отправят дальше!

Так как раздобыть продукты в городе было очень сложно, Рабинович дал мне из своих запасов сахару и немного сливочного масла. Потом мне сказали, что я могу передать мужу мыло, а главное — папиросы, которые он просил много раз, но в Днепропетровске мне запрещали их приносить. Я постаралась собрать мужу в дорогу все, что могла, потратив на беготню и приготовления целый день.

Когда все было готово, мы с Гиршем отправились в тюрьму, которая, как обычно, находилась на приличном расстоянии от города. Было очень скользко, я три раза падала, но к трем часам дня мы все-таки добрались до места. Там нас встретил адвокат, который рассказал, что договорился с доктором, чтобы тот осмотрел Лейвика Залмановича и определил, можно ли по состоянию здоровья отправить его вместе с остальными заключенными. Доктор нашел его вполне здоровым (позднее выяснилось, что все это было неправдой — с мужем перед отправкой не виделся ни адвокат, ни доктор).

После беседы с адвокатом я получила разрешение повидаться с мужем и передать ему продукты и другие вещи, которые собрала.

יִשְׁרָאֵל הַיְיָ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵי אֲבוֹתֵינוּ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵי אֲבוֹתֵינוּ

[1]. Это слово в рукописи ребецн написано по-русски.

[2]. Следующий абзац в рукописи написан по-русски, затем ребецн приводит его перевод на идиш.

[3]. Эта фраза в рукописи написана по-русски. «Мыка» — очевидно, искаженное от «миква» (ритуальный бассейн). Из пояснения ребецн ясно, что миква еще не была построена, раввину инкриминировали лишь намерение строить ее и сбор денег с этой целью.

[4]. Синагогальный служка.

[5]. Михаил Тухачевский (1893–1937) — советский военачальник, Николай Бухарин (1888–1938) — партийный и советский функционер. Оба были репрессированы.

[6]. Человек, совершающий шхиту — ритуальный забой скота.

[7]. Рош кодеш месяца кислев может длиться один или два дня. Только зная, когда точно начинается месяц, можно определить день начала праздника Ханука (25 кислева).

[8]. Эта фраза в рукописи написана по-русски с последующим переводом на идиш.

[9]. Вероятно, имеется в виду рабби Йосеф-Ицхок Шнеерсон, шестой Любавичский Ребе.

[10]. См. записки раввина Леви-Ицхока о его заключении и ссылке (напечатаны в предисловии к «Ликутей Леви-Ицхок» на книгу «Танья», на раздел «Берешит» книги «Зоар» и др.): «Мое дело было передано в “Особое совещание” НКВД. Об этом мне сообщили в ночь Гойшана раба, незадолго до рассвета, в днепропетровской тюрьме».

«Особое совещание» при НКВД СССР — внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в общественно опасных преступлениях и выносить приговоры по результатам расследования.

[11]. Рабби Леви-Ицхок Шнеерсон родился 18 нисана 5688 года (1888 год по нееврейскому летосчислению), однако в различных его документах были указаны другие даты. Из одного из них явствовало, что в 1937 году (за два года до описываемых событий) ему было 66 лет.

[12]. См. прим. 10: «Я был сослан на 5 лет <...> Дело мое разбирало “Особое совещание” НКВД СССР <...> и они приговорили меня к пяти годам ссылки, как указано выше».

[13]. Специальный поясок, которым, по хасидскому обычаю, женатые мужчины подпоясываются во время молитвы.

[14]. Рав Ландман, см. «Толдот Леви-Ицхок», часть 2, с. 583.

[15]. Эти слова в рукописи ребецн написаны по-русски.

[16]. См.: «Толдот Леви-Ицхок», часть 2, с. 633.

СВЯТЫНЯ В ПЕРЕВОДЕ

Евгений Левин

Как известно, общественный пост 10 тевета был установлен в память о несчастьях, постигших еврейский народ 8-го, 9-го и 10-го числа этого месяца. (Поэтому и ныне некоторые праведные люди постятся в каждый из этих трех дней.) 9 тевета умерли Эзра и Нехемья, которые вели за собой Израиль во время возвращения из вавилонского плена. 10 тевета Навуходоносор, царь Вавилона, начал осаду Иерусалима, закончившуюся падением города и разрушением Храма. А 8 тевета был завершен перевод Торы на греческий язык.

Отрицательное отношение к переводу Торы на нееврейские языки, сформулированное впервые в трактате Софрим (сочинение эпохи гаонов) — не единственное мнение в еврейской традиции. Более того, евреи сами неоднократно переводили Писание на разные языки, причем в числе переводчиков были великие раввины и праведники, чьи познания в Торе и благочестие не вызывали сомнений (например, Саадья Гаон, который перевел Тору на арабский)[1]. Тем не менее неблагоприятное отношение к идее перевода вполне понятно. Во-первых, Тору невозможно перевести адекватно — пропадают многозначность слов и аллитерации, источник многочисленных толкований. А во-вторых, переведенное на другие языки, Писание не только становилось «всеобщим достоянием», но и могло быть использовано в антиеврейских целях.

Еще более отрицательным было традиционное отношение к переводу Талмуда. Во-первых, по большинству мнений, нееврею запрещено изучать Устную Тору[2]. Во-вторых, в Талмуде можно найти высказывания мудрецов, не слишком лестные для неевреев, что при тенденциозной интерпретации могло быть использовано в антиеврейской пропаганде. А в-третьих, перевод на современные языки делал возможным самостоятельное изучение Талмуда «профанами», что многие раввины считали неприемлемым.

Тем не менее за последние двести лет Талмуд, целиком или частично, был несколько раз переведен на немецкий, английский, французский и другие языки. Об истории этих переводов мы и поговорим.

Первый частичный перевод Талмуда был осуществлен д-ром Эфраимом-Моше Пиннером (1800–1880), уроженцем Пруссии, учеником известного раввина Яакова из Лисы, автора трактата Нетивот а-Мишпат. Даже оппоненты Пиннера признавали его глубокие познания в Талмуде, о чем свидетельствует, в частности, письмо р. Акивы Эгера. В 1831 году Пиннер опубликовал перевод избранных отрывков из Вавилонского и Иерусалимского Талмудов, а в 1842 году издал в Берлине немецкий перевод трактата Брахот. Издание содержало оригинальный текст с комментариями Раши и Тосафот, а также немецкий перевод и комментарий Пиннера.

Перевод Пиннера вызвал немалый интерес среди евреев и неевреев. Среди подписчиков оказались даже коронованные особы, в том числе император Николай I. Его весьма заинтересовал проект Пиннера, и он пообещал значительную субсидию для продолжения работы: император надеялся, что перевод Талмуда поможет разоблачению талмудических «предрассудков» и «мракобесия», тормозящих еврейскую интеграцию. Но, поняв, что Пиннер преследует прямо противоположные цели, царь утратил интерес к его работе, и из-за нехватки средств Пиннер был вынужден прекратить свой труд.

В еврейских кругах проект Пиннера приняли неоднозначно. Когда переводчик обратился за аскамой («одобрением») к лидеру венгерской ортодоксии Хатам Соферу, тот заявил, что одному человеку не под силу адекватно перевести столь обширный и сложный материал. А глава амстердамской общины р. Цви-Гирш Лерин сказал, что если ортодоксы протестовали против Торы в немецком переводе Мендельсона, напечатанного еврейскими буквами, то перевод Талмуда на литературный немецкий тем более недопустим.

Следующую попытку перевести Талмуд на немецкий предпринял д-р Лазарус Гольдшмидт (1871–1950), учившийся в знаменитой литовской ешиве «Слободка», а затем в Берлинском университете. По словам Гольдшмидта, его попросили перевести Талмуд несколько аристократов, дабы положить конец многочисленным инсинуациям, вызвавшим даже несколько судебных процессов[3]. Гольдшмидт, в отличие от предшественника, довел свой труд до конца. Несмотря на то что он не был религиозен, его перевод высоко оценили германские ортодоксы, например р. Меир Гильдесгеймер, декан берлинской Раввинской семинарии.

Первую попытку перевести Талмуд на язык Шекспира предпринял уроженец России Михаэль-Леви Родкинсон, человек сомнительной репутации (когда он жил в Вене, местная еврейская газета обвиняла его в помощи известному юдофобу Августу Роллингу в написании его антисемитскихopusов). Перебравшись в Нью-Йорк, он приступил в 1896 году к изданию десятитомника, который он назвал «New edition of the Babylonian Talmud»[4]. В отличие от Гольдшмита, Родкинсон не намеревался перевести Талмуд целиком — в частности, он сознательно исключил из своего перевода те места, которые счел «повторами».

Однако его работа заслужила крайне низкую оценку как в ортодоксальных, так и в научных кругах. Родкинсона обвиняли в неверном понимании текста, произвольности сокращений, плохом владении материалом. Все же его труд не пропал даром, поскольку убедил англоязычных евреев в необходимости полного качественного перевода Талмуда.

Такой перевод появился между 1935 и 1952 годами в лондонском издательстве «Сончино» под редакцией д-ра Исидора Эпштейна, библиотекаря, а затем декана лондонского Еврейского колледжа. Предисловие к изданию написал д-р Герц, главный раввин Великобритании с 1913 по 1946 год, послесловие — р. Израэль Бройде, главный раввин Великобритании с 1948 по 1965 год.

Естественно, у перевода «Сончино» нашлись и противники, например р. Шмарьяу-Менаше Адлер. Многие годы он вел войну с Эпштейном и его сотрудниками и спонсорами, полагая недопустимым издавать перевод, предназначенный, по его мнению, в основном для того, чтобы произвести впечатление на нееврейскую публику. Впрочем, как вынужден был признать сам Адлер, в Англии его протесты остались гласом вопиющего в пустыне.

Написанный на смеси арамейского и иврита Талмуд непонятен и большинству современных израильтян. За время существования еврейского государства были предприняты попытки создать перевод на современный иврит, но ни один из них не был полным и не получил широкого распространения. Исключением стал проект израильского раввина Адина Штейнзальца, хасида Хабада, который в 1960-х годах начал переводить Талмуд на современный иврит, а затем и на английский и французский. Первое время перевод не встречал серьезных возражений, хотя настоящие талмудисты считали «неспортивным» пользоваться этим изданием. Скандал разразился в 1989 году, когда лидеры израильской «литовской» ортодоксии (р. Шах, р. Шейнберг и др.) предали херему[5] все сочинения р. Штейнзальца, которого считали вольнодумцем. Р. Шах негативно отозвался и о самом переводе, заявив, что он делает изучение слишком легким, лишает текст святости, позволяя читателю относиться к нему как к памятнику светской литературы.

Реакция на херем была смешанной. В некоторых ешивах (например, в иерусалимской «Ешиват а-котель», которую возглавлял р. Невензаль) было решено отнести все книги Штейнзальца в генизу. Однако в большинстве ешив и синагог не «литовского» направления, где пользовались изданием Штейнзальца, херем проигнорировали, а сам р. Штейнзальц продолжил свою работу. В 2010 году полный перевод Талмуда на современный иврит был завершен трактатом Хулин. Для десятков тысяч светских евреев это издание стало пропуском в мир подлинного иудаизма.

А после скандала с Талмудом Штейнзальца издательство «Art Scroll», придерживающееся «литовской» идеологии, в ответ на труд Штейнзальца приступило к коллективному переводу Вавилонского Талмуда (The Schottenstein Edition). Этот труд — скорее пособие по изучению Талмуда на уровне ешивы. Работа над английским переводом заняла 14 лет: первый том, трактат Макот, увидел свет в 1990 году, последний — в 2004 году. 9 февраля 2005 года все 73 тома были торжественно подарены Библиотеке конгресса США. Параллельно продолжается работа над переводом Талмуда на современный иврит — уже вышло в свет более 20 томов; опубликованы и французские переводы восьми трактатов.

Итак, несмотря на многочисленную критику, в XX веке появилось несколько полных переводов Талмуда на современные языки. И этому можно только порадоваться. В мире сегодня слишком много евреев, не способных даже просто читать Гемару в оригинале. Без современных переводов Талмуд так и останется для них книгой за семью печатями. К сожалению, на русском языке стараниями р. Штейнзальца были изданы только фрагменты из Талмуда, «Антология агады», и лишь один трактат — Таанит — издан полностью. Остается надеяться, что и русскоязычным читателям в будущем станет доступна эта сокровищница иудаизма.

[1]. *Подробнее см.: М. Яглом, М. Левинов. Язык Яфета в шатрах Шема.*

<http://www.lechaim.ru/ARHIV/207/humash.htm>.

[2]. Подробнее см.: Е. Левин. Можно ли обучать Торе нееврея.
<http://www.lechaim.ru/ARHIV/208/levin.htm>.

[3]. См.: J. S. Bloch. *Israel and the Nations*. Berlin–Vienna, 1920.

[4]. В 1918 году труд был переиздан как: *The Babylonian Talmud*. Translated by Michael L. Rodkinson. <http://www.sacred-texts.com/jud/talmud.htm>.

[5]. Запрету и отлучению.

«НАША ВЗЯЛА!»

Йеуда Векслер

День пятого тевета 5747 года[1] в здании всемирного центра Хабада в Бруклине начался обыденно. Но около одиннадцати часов утра раздался громкий клич — он нарастал, приближался, его подхватывали все новые и новые голоса, и, наконец, он зазвучал со всех сторон: «Дидан ноцах!!!»[2] Всеобщее ликование взорвалось пением и пляской, подобной которой не видали уже давно. Так у любавичских хасидов появился новый праздник, и отмечается он с тех пор каждый год.

*ע'י ע"ע א'י צ'אדו'א'ר'ו'י' ע' ד'א'א'
23 י'י'א'ד' 1987 א'י'א'*

Чтобы понять, что же произошло в тот день, следует вернуться на полтора года назад, к праздничному дню двенадцатого тамуза 5745 года[3], когда во время своего выступления Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон сообщил о беспрецедентном происшествии. Для того чтобы эта весть раньше времени не распространилась широко, он заговорил о случившемся лишь глубокой ночью, когда закончилась прямая спутниковая трансляция праздничного фарбрэнгена[4].

Надо отметить, что неясные слухи о некоем экстраординарном событии появились в хасидской среде еще двумя неделями раньше, когда к Ребе были внезапно вызваны все руководители Всемирного объединения хасидов Хабада, после чего он дал указание срочно основать в Израиле библиотеку-архив. Однако ничего определенного не было известно до тех пор, пока сам Ребе не рассказал о произошедшем во всеуслышание.

Оказалось, что три человека (и среди них — близкий родственник самого Ребе) похитили из библиотеки Всемирного объединения хасидов Хабада ряд уникальных книг и редчайших рукописей и продали их за огромные деньги. Причем часть из них попала в Ватикан — место, диаметрально противоположное и святости Торы, и вообще всему подлинно еврейскому.

На этом Ребе закончил фарбрэнген и уехал домой, а зал синагоги всемирного центра Хабада превратился в бурлящий котел. Было ясно, что урон, нанесенный библиотеке — это удар по всему Любавичскому движению, осквернение святынь и посягательство на непререкаемый для хасидов авторитет Ребе! Очевидно было и то, что действовать надо незамедлительно — но вот как?

Через два дня Ребе поехал на могилу своего предшественника. «Азкир аль ацион» («Упомяну, когда буду на могиле [Раяца, ребе Йосефа-Иццока]») — так обычно обещал Ребе, когда к нему приходили с трудными проблемами, туда же он приносил десятки тысяч обращений с самыми разнообразными просьбами, которые ему присылали со всех концов света... А на этот раз возвращения Ребе с кладбища все ожидали с особым нетерпением.

Он вернулся поздно ночью и сразу после молитвы обратился к собравшимся в зале. Голосом, в котором звучала скорбь и боль, Ребе произнес, что эта кража — прямое оскорбление всех наших учителей, глав хасидизма Хабад и буквально «новые похороны ребе Йосефа-Иццока»! Против обыкновения Ребе устно назвал тестя по имени, которое было написано над входом всемирного центра Хабада: «Дом

Объединения хасидов Хабада — Шатер Йосефа-Иццока, Любавич», а в Кфар-Хабаде в Стране Израиля Ребе распорядился построить точную копию этого здания.

И началась серия выступлений, в которых Ребе использовал беспрецедентно жесткие формулировки, говоря о поругании чести Хабада. В частности, он предупредил всех, кто так или иначе оказался причастным к похищению книг: пусть каждый из них знает, что эти книги — «бомба замедленного действия, в высшей степени опасная, способная причинить страшный вред и ему, и всей его семье!».

Но это было лишь преамбулой к пятому, последнему выступлению, которое продлилось больше семи часов. Хасиды были потрясены тем, что в конце выступления Ребе, вопреки традиции, обратил лицо в сторону, понизил голос и начал говорить речи, которые могли расслышать лишь очень немногие, а поняли и того меньше. Хасиды, пытаясь объяснить действия Ребе, предполагали, что в эти минуты он выступал перед Небесным судом...

Это мнение подтвердилось, когда Ребе назвал духовную причину, породившую несчастье: «В Небесном суде предъявлено обвинение любавичским хасидам и их деятельности во всем мире, и вследствие этого ангел-обвинитель отправил своего посланника — низкого вора, проникшего в царский чертог и выкравшего из него сокровища!»

Последующих два месяца Ребе на эту тему публично не высказался ни разу. Был создан особый комитет, который должен был установить, где находятся уже проданные книги и рукописи, и сделать все, чтобы их вернуть. Однако любые детали деятельности комитета держались в строжайшей тайне.

Тем временем главный вор был пойман с поличным. Этот человек был внуком ребе Раяца и сыном его старшей дочери. Оказалось, что он занялся своим преступным делом задолго до того, как пропажа была обнаружена. В его доме нашли десятки (!) коробок с бесценными книгами и рукописями. Было очевидно, что обращаться в раввинский суд бесполезно: его решения воры проигнорируют. Поэтому иск был подан в американский Федеральный суд: лишь у него было достаточно полномочий, чтобы принудить воров вернуть украденное и компенсировать ущерб.

Началось долгое судебное разбирательство. Ответчик предъявил соображения принципиального характера: речь шла о праве на наследство. Он утверждал, что раз он прямой потомок и, следовательно, наследник Ребе Раяца, то сокровища, собранные в библиотеке Любавичского движения, законно принадлежат ему по праву рождения, и он взял лишь свое наследство. Таким образом, обвинение в воровстве по сути своей несостоятельно и является оскорблением и клеветой. В качестве прецедента он привел историю раздела библиотеки Цемаха Цедека между его сыновьями.

По этому поводу Ребе разъяснил, что по отношению к праведникам, цадикам обычные юридические нормы, регулирующие получение наследства, не релевантны. Цадик не умирает в обычном смысле слова — как сказано[5]: «Яков, отец наш, не умер». Он продолжает жить в своих учениках, уподобленных сыновьям, в своем учении, в своих свершениях, и потому наследие его — совершенно особого свойства. Его невозможно получить автоматически, будучи лишь потомком. Иронически заметив, что с такими людьми бесполезно вести разговоры о духовных вопросах, Ребе привел самый простой довод: сыновья Цемаха Цедека, руководители групп хасидов, поделили между собой книги и рукописи отца вовсе не для того, чтобы торговать ими, но для того, чтобы их изучать!

В ходе предварительного следствия и последующего судопроизводства воочию выявилась помощь Всевышнего: каждый этап процесса заканчивался для хасидов успешно. Так, с самого начала ответчики пытались вызвать Ребе в суд для дачи свидетельских показаний. Их целью было низведение процесса до уровня внутрисемейного конфликта, профанируя само понятие «Ребе». Однако этому воспротивился судья. Оказалось, что этот бесстрашный и невозмутимый пожилой афроамериканец понимал, кто такой Ребе, лучше, чем ответчик, прямой потомок всех глав Хабада!

Вместо Ребе выступила его супруга, ребецн Хая-Мушка, как дочь Раяца, права которого на библиотеку не оспаривались никем. От имени своего отца ребецн недвусмысленно заявила: как сам Ребе принадлежит хасидам, так и все, чем он владеет, также принадлежит им. Следовательно, библиотека Всемирного объединения хасидов Хабада — не личное, а всеобщее достояние, на которое никакое частное лицо не имеет права претендовать. Само это уникальное собрание было создано благодаря хасидам, которые добровольно отдавали принадлежащие им бесценные сокровища своему главе, Ребе.

Это заявление произвело очень сильное впечатление на судей и в значительной степени предопределило их приговор.

В дни праздника Ханука, когда судебное разбирательство закончилось и оставалось только ждать окончательного решения, Ребе в своем выступлении снова указал на духовные причины происходящего. По его словам, Любавичскому движению недостает активности и оно обвиняется в Небесном суде в том, что недостойно сокровищ своей библиотеки. Чтобы заставить обвинителя замолчать, Ребе призвал всех своих хасидов в разных концах земли осветить мир светом ханукальных огней: повсюду водрузить огромные ханукальные светильники и зажечь их при стечении максимального количества людей. Это и будет самым сильным «оправдательным документом»!

Через три дня после Хануки, пятого числа еврейского месяца тевет, суд признал иск Любавичского движения справедливым по всем пунктам и обязал противную сторону возвратить все похищенные книги и рукописи. О веселье, поднявшемся тогда среди хасидов, можно сказать только словами Мишны[6]: кто не видел его, «не видел веселья в своей жизни». И с тех пор «дни эти вспоминаются и отмечаются в каждом поколении, в каждой семье, в каждой стране и в каждом городе, <...> и память о них не исчезнет»![7]

Порой задают вопрос: почему вокруг этой истории поднимают столько шума? Разве, празднуя годовщину победы над злоумышленниками, тем самым не напоминают о весьма постыдном преступлении, о котором, казалось бы, лучше забыть? И раз книги и рукописи вернулись в библиотеку, то все в порядке, для чего тревожить прошлое?

Но ведь то же самое можно сказать и об остальных хасидских праздниках, и в первую очередь о самом главном из них: о Новом годе хасидизма, 19 кислева. Тогда все началось с противодействия хасидизму, когда тот обрел силу благодаря выдающимся раввинам, знатокам Торы, истинным праведникам! А история ареста и освобождения Ребе Раяца! Ведь и там главными действующими — и злодействующими — лицами были евреи, пусть отщепенцы и предатели своего народа, но все же евреи![8] Значит, отмечая эти даты, даты явных чудес, мы ворошим весьма нежелательное прошлое?

Говорят мудрецы, что наше время, время последнего изгнания, характеризуется тем, что «даже тот, с кем происходит чудо, не узнает чуда, произошедшего с ним»[9]. Человек отдает себе отчет в том, что ему помог Всевышний, и благодарен Ему, однако до поры не понимает значения определенных событий. Лишь постепенно, иногда спустя много лет анализируя случившееся, он начинает осознавать его истинный смысл.

Так и здесь: когда история с похищенными сокровищами Хабада разворачивалась непосредственно перед глазами, оскорбительные частности, вызывая острую боль, заслоняли целое. Хасиды были потрясены, слыша беспрецедентно острые выступления Ребе, страдали за него, следили, затаив дыхание, за ходом процесса, молились и читали Теилим, но не могли тогда задуматься о том, какой же вывод из всего этого следует сделать. Конечно, все понимали, что речь идет о чем-то гораздо большем, чем о праве на книги из любавичской библиотеки, — тем более что Ребе не раз подчеркивал, что все происходящее имеет духовные корни. Однако, в силу природы человека (да отчасти и по хасидскому ощущению, в котором преобладала боль за Ребе), внешнее заслоняло суть. Вероятно, точно так же обстояло дело и в то время, когда Алтер Ребе сидел в заключении: хасиды прилагали все усилия — физические и духовные — для его освобождения и, поглощенные текущими событиями, не особенно задумывались об их первопричинах. Так было и во время заключения Ребе Раяца, так же было и в дни «библиотечного процесса»: во всех испытаниях хасиды вершили свое служение добрыми делами и цдакой, молились о справедливом исходе дела, и потому достигнутая победа в очень и очень большой степени зависела от них.

Что же касается внутреннего — духовного, то есть истинного, — смысла всех этих событий, то главы Хабада начали открывать его лишь спустя годы. Стало ясно, что появление, а в особенности распространение учения хасидизма сопровождалось столь сильным сопротивлением раввинов потому, что раскрытие сокровенных тайн Торы вызвало на Небесах большое недовольство, и арест Алтер Ребе был следствием того, что в Небесном суде он был обвинен в распространении сокровенного учения. Обо всем этом рассказал Раяц, открыв хасидам вещи, которые прежде не выходили из дома Ребе.

И вот теперь, глядя на эти события с некоторой дистанции, стало возможным понять их значение, отделить главное от второстепенного, осмыслить, что явилось самым важным уроком, о чем надлежит помнить и размышлять, а что следует вспоминать лишь в той мере, которая необходима для понимания главного. И лишь тогда по-настоящему оценить чудеса, которые совершил Всевышний.

Алтер Ребе, выйдя на свободу, начал развивать и распространять учение хасидизма по-новому: подробно, с детальными объяснениями, понятными даже совсем простым евреям. Его второй арест и новое освобождение — в дни третьего и пятого ханукальных светильников — ознаменовало еще более высокую ступень его деятельности. Подобно этому, после избавления Ребе Раяца от смертельной опасности и освобождения из тюрьмы тот самым активным образом принялся за распространение хасидизма по всему миру.

Все 20 месяцев «книжного процесса» Ребе не разъяснял своих исследований учения хасидизма, маамаров. Однажды он прямо сказал, что сейчас ему очень трудно даже изучать Тору: «Я открываю Гемару, Рамбама — но сердце так болит, что не дает сосредоточиться...» Однако немедленно после приговора суда, в субботу, когда читают раздел Торы «Ваигаш», Ребе возгласил: начался новый, завершающий этап деятельности, нужно активно распространять знания о Торе, о хасидизме, о приходе Машиаха по всему миру — даже (и в особенности) среди неевреев.

Аёл ад Даяа Етї еў пее ої аабое XIX ааеа

Теперь, через четверть столетия, на первый план выступает именно внутренний смысл тех событий. Главный вопрос, вставший тогда во всей своей остроте: является ли хасидизм Хабад движением, возглавляемым подлинным лидером поколения, великим праведником и провидцем, или, в конце концов, он сам по себе, а движение — само по себе? Если верно последнее — то, конечно же, есть различие между имуществом Хабада и личным имуществом его руководителя, и тогда правомочно утверждение, что в определенный момент может появиться вопрос о наследстве. Однако именно против этого утверждения Ребе выступил со всей силой. Еще в самом начале процесса, когда адвокаты любавичской стороны пришли к Ребе за указаниями, на каком пункте обвинения поставить главный акцент, Ребе подчеркнул, что в основе хасидизма лежит принцип, что Ребе, хасидизм и хасиды не существуют порознь, но являются единым целым. Они представляют собой истинное, реальное и живое единство. И поскольку оно существует непрерывно, к нему не применимо понятие наследства. «И Ребе, и книги принадлежат хасидам».

Это и есть тот самый урок, который дает нам памятная дата «Гэй тейвейс», «Пятое тевета»; это — суть всего, что выразилось лишь в двух словах: «Дидан ноцах». И сегодняшняя реальность наглядно демонстрирует, что любавичский хасидизм существует и живет и, подобно всему живому, непрерывно растет и обновляется. Это — миссия, которую возложил на нас Ребе и которую мы обязаны выполнять.

[1]. 6 января 1987 года.

[2]. «Наша взяла!» (арам.). Дословно: «Наше [дело] победило!»

[3]. Тогда этот день совпал с 1 июля 1985 года. 12 тамуза отмечается освобождение предыдущего Любавичского Ребе, Раяца, из советской тюрьмы.

[4]. Так принято называть собрание хасидов, в ходе которого обсуждаются актуальные события и духовные вопросы. Зачастую фарбринген проходит в неформальной обстановке и сопровождается застольем.

[5]. Таанит, 5б.

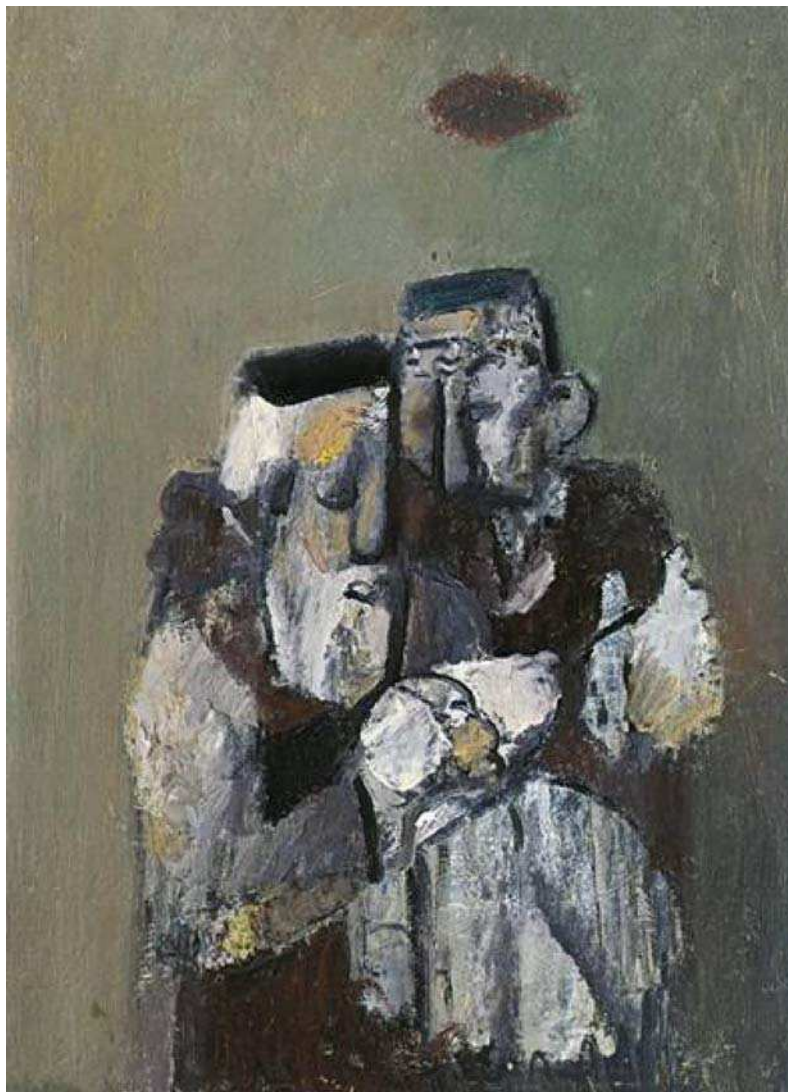
- [6]. *Сукка, 5:1.*
- [7]. *Эстер, 9:28.*
- [8]. *Как сказано (Сангедрин, 44а): «Еврей, хотя и согрешивший, — еврей он».*
- [9]. *Нуда, 31а.*

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

УТЕШЕНИЕ НЕДОСТОЙНЫХ

Марина Карпова

В еврейской традиции утешение скорбящих считается одной из основополагающих заповедей, из числа тех, что регламентируют человеческие отношения. Навещая родственников умершего и оказывая им моральную поддержку, человек, по словам мудрецов (Вавилонский Талмуд, Сота, 14а), не только выполняет одно из предписаний закона, но и уподобляется Творцу, который лично утешал Ицхака после смерти его отца Авраама, как сказано: «И после смерти Авраама Всевышний благословил его сына Ицхака...» (Берешит, 25:11). По словам мидраша, эта заповедь столь важна, что душа исполняющего ее даже может быть избавлена от посмертного наказания (Колет раба, 7:18).

Однако можно спросить: распространяется ли она на всех без исключения? Должны ли мы поддерживать каждого, кто потерял близкого человека, или же только определенную категорию людей, — скажем, только праведников или только евреев? Возможна ли ситуация, при которой не рекомендуется утешать кого-либо из скорбящих?

Прежде всего, уже во времена Талмуда мудрецы постановили, что евреи обязаны (!) в случае необходимости погребать умерших иноверцев и утешать их скорбящих. Как сказано в Тосефте (Гитин, 3:18), так следует поступать «ради мира», то есть добрых отношений с соседями. Мудрецы в этом вопросе не ограничивались теорией. Например, когда у некоего философа Абнимоса из Гадары умерла мать, рабби Меир (II век н. э., ученик рабби Акивы) нанес ему визит соболезнования. Впоследствии он повел себя так же, когда ушел из жизни отец философа (Мидраш Рут раба, 2:13).

Предписание хоронить умерших иноверцев и утешать нееврейских скорбящих вошло в Мишне Тора Рамбама (Законы траура, 14:12), Шульхан арух рабби Йосефа Каро (Йоре деа, 367:1) и другие

законодательные своды. И в Государстве Израиль по соседству с еврейскими кладбищами есть специальные участки для неевреев, находящиеся в ведении еврейских похоронных братств «Хевра кадиша».

Согласно еврейской традиции (и этим она отличается от иных вероучений), все праведные люди, и евреи, и неевреи, имеют «удел в мире Грядущем», где их ожидает посмертное воздаяние за добрые дела. Однако даже евреи, по словам мудрецов, могут лишиться себя этого удела: «Вот те, у кого нет доли в Будущем мире, кто будет отрезан и уничтожен и судим вечно за величину своих злодеяний, это: “миним” (еретики); “эпикорсим” (отступники); отрицающие Тору; отрицающие воскресение мертвых; отрицающие приход Машиаха; ренегаты; вводящие в грех многих людей; отрекшиеся от общины; нагло грешащие на виду у всех, как Йеояким (царь Иудеи, который отказался оплатить работу строителям своего дворца. — М. К.); доносчики; наводящие ужас на общество не ради Небес; убийцы; клеветники; восстанавливающие крайнюю плоть [после обрезания]» (Рамбам, Мишне Тора, Законы раскаяния, 3: 14 [6]).

Следует ли исполнять заповедь утешения скорбящих и в отношении этих людей? Ответ на этот вопрос дает мидраш, главный герой которого, р. Йоси бен Халафта, также был учеником р. Акивы и жил во второй половине II века. В палестинском городе Сепфорисе жил богач-отступник. Когда у него умер сын, рабби Йоси отправился к нему с утешениями. Увидев, что хозяин погружен в мрачные думы, рабби неожиданно рассмеялся. Это, естественно, удивило и возмутило скорбящего отца, который потребовал объяснений. Р. Йоси ответил: «Мы уповаем на Творца Небесного и верим, что в будущем — после воскресения мертвых — ты вновь увидишь своего сына» (Берешит раба, 14:7). Иными словами, заповедь утешения распространяется даже на еретиков, отрицающих основы веры, и при этом посетитель вовсе не должен скрывать свои религиозные убеждения.

В раннем Средневековье в Багдаде появилась секта караимов, признававших лишь Письменную Тору. Поскольку поначалу караимская пропаганда среди евреев была довольно успешна, у некоторых законоучителей возникли сомнения, не следует ли относиться к караимам даже жестче, чем к обычным еретикам. За разъяснением обратились к Рамбаму, жившему в египетском Фостате, по соседству с наиболее многочисленной и активной караимской общиной. Маймонид постановил, что к караимам, живущим в Но-Амоне (Александрии), Дамаске и других мусульманских странах, следует относиться вежливо, по крайней мере, пока они сами дружелюбны к евреям. Среди прочего, иудеи, по мнению Рамбама, могут и должны делать обрезания сыновьям караимов, а также хоронить их покойников и утешать их скорбящих (Тшувот а-Рамбам, изд. Блау, гл. 371).

Единственная категория, на которую не распространяется заповедь утешения скорбящих, — это апостаты, то есть евреи, сознательно перешедшие в другую веру. Соответствующий вопрос был задан еще р. Йеудаю Гаону, в VIII веке возглавлявшему знаменитую ешиву в Суре: «Если у еврея есть родственники-апостаты и они справляют траур, нужно ли приносить им пищу, как другим скорбящим?» Ответ раввина был лаконичен: «Такой заповеди нет». Причины подобного отношения вполне понятны. Апостат сознательно порвал связь с еврейской общиной. Вполне логично, что этот шаг избавляет бывших единоверцев от каких-либо моральных обязательств, связанных с этим человеком.

Впрочем, есть ситуации, когда закон не рекомендует утешать даже самого праведного и благочестивого еврея. Так ведут себя во время эпидемий, когда счет умерших идет на сотни и даже тысячи. Как объяснял этот закон раввин Яков бен Моше Молин (Маариль), утешать скорбящих следует только тогда, когда большинство членов общины сами не справляют траур. Если же плачут почти в каждом доме, то тогда, увы, утешать становится некому. Сегодня столь разрушительных эпидемий больше нет. Однако, возможно, этот закон действует и в случае других бедствий, сопровождающихся массовыми жертвами: ураганов, цунами, землетрясений. Но поскольку в источниках это прямо не сказано, то с конкретными вопросами следует обращаться к компетентным раввинам.

Не принято выражать соболезнования тем, кто ходит на работу во время первых траурных дней («шива»), поскольку такое поведение свидетельствует о том, что этот человек не слишком скорбит об утрате. Как писал итальянский раввин Зифкия бен Авраам Анав, живший в XIII веке, его учитель, узнав, что сразу после смерти близкого родственника некий ремесленник-бондарь делает бочки, отказался навестить его с утешениями и соболезнованиями.

Наконец, как пишет р. Моше Иссерлес (Рама), запрещено утешать человека, который считает тебя своим врагом, поскольку тот может решить, что утешающий пришел порадоваться его горю (Йоре деа, 335:2). Этот запрет восходит ко временам Второго храма. Согласно Талмуду, если умер кто-либо из родственников первосвященника, то его предшественник не должен приходить с утешениями, чтобы его визит не было истолковано как злорадство (Сангедрин, 19а).

Комментируя этот закон, р. Шабтай Коген, Шах (Вильно, XVII век) писал, что запрет не распространяется на похороны врага: поскольку «это удел каждого живущего», то не может считаться проявлением радости по поводу утраты, выпавшей на долю другого. Однако если враг заболел или справляет траур по близкому родственнику, то не стоит его навещать. Впрочем, как справедливо заметил тот же автор: «Все зависит от причины вражды, а также от того, что за человек твой недруг» (Шах к Йоре деа, 335). И действительно, достойный человек вполне может оценить благородный поступок своего недоброжелателя. В этом случае подобный визит может не только прекратить вражду, но даже стать началом дружбы. И к счастью, в еврейских общинах таких благородных людей хватало. Так что раввин Шалом-Шахна из Погребища мог смело написать: «В наше время враги навещают друг друга во время болезни или траура, чтобы заключить мир между собой».

Áεάάει εδ Ἰ ááái

«Ἰδού, ἡ γέ ἐπάει ὑά αἰδύ ἰάαἰάάάα çääääääè ἡ γεί ἡάάάάι ».

Áεάάει εδ Ἰ ááái ἡ ἰδῆάάέά ἡ Ἀέἰἰ ἡῶ, 1903 ἡἡ

Ádórtételek és emlékeztető

Áteli átérp +eòàòàëÿ ïðààààààòòñÿ òðàà àí òù èç àíññíí eíáíéé àeáííã ïíèèòè:-àíèíã àáÿòàëÿ eííòà XIX — íà:-àèà XX ààèà, èèààðà è eáàíèíã Áóíáà Áèààèí èðà Áààèáíáe:-à Ì àáú à (1879—1922) «Óóí ï àeí èáúí» («Èç ï íáe æeçíe»), çàèíí:-áííúò èí ïáðáá íàí íé àá àáçàðáí àí ííé eíí:-eííé.

×àeíáàé eíðàèèèáíòíúé, àíññòíðííá íáðàçááíúé, íáñòíÿúeé ðññèéé àðeñòíeðàò (ðíàeòàèè eðáñòèèè àá à ïðàáííeààèà àúá ï eáááíòáí, íáíèíèúeéò áíáé íò ðíáò), íí ïíðáíáííí ïñçáàò ïñáÿ àáðááí, èáí è áúé ïí ðíàeáíeð. È, àðíáÿ á àáðeñòáí, íí, ïí àá ïeíááí, «àíçáðáúáàòñÿ àíí íé». Óàèà:-áííúé àáðeííeèí ðááí:-èí àáèàáíeáí àúá á ïòóááí:-áíèèá áíáú, íí ïííáÿúáàò ÿòíí ó áíð ïáíð eíðíòeçð ÿðeçð æeçíú (íí òí áð á 43 áíáà íò íáeçá:-èí íé òííáà áíeáçíe — íáòðeòà). Áeòeáíí ðááíòáÿ á òíèúeíí :-òí çàðíáeáeáí ïñ Áóíáà, íí, eçáááÿ ïñíèeé á Ñeáeðú, àíí ðeááí àáèàòúí çà àááí eóç á Óáèeóàðeð.

Á Óáèeóàðeè íí — á óáíòðà áóðeÿúáé æeçíe ðññèeííeèò ïíèèòè:-áíèèò ÿí eáááí òíá íàí úò ðàçíúò àçáÿáíá è òá:-áíeé. Çááíí ïáðáá íeí ðáíeðúááàòñÿ øeðíeíá ïíeá àáÿòàèúú ïíðè. Íí áúé í:-áíú ïííeçÿðáí è èðáeí èðáúú è, ÿòí áúé +àeíáe ñ íáíáúeííááííúí +óáñòáíí ðííðà è íááÿíeáí. Áeáñòÿúeé íðàòíð è ïíeáí èñò, íí ïíeíðÿé òúñÿ:-íúá àáèeòíðeè.

Çáíeí áÿ óeá àíññèèá ïíñòú á íáðòeè, íí ó:-áñòáíáè à ïñçáàò ðÑÁÐÍ (á çáí àíeòíí «íáíáàeíeòàèúú íí» ïñçáà á Èííáííá á 1907 áíáò íí áúé á ïðàçeèeòí á ïñçáà àí áñòá ñ Èáíeíúí), á Àí ïòáðááí ïeííí ïñçáà Ñíóeáeèñòe:-áíèíã Èíðáðíáeèííáeà Á àá àíññíí eíáíeÿò ïñááðeáòñÿ ï áðeèá, ïíðíe íáíàeááííúá ïíðòðáòú-ðáðáeòáðeíðeèè òàeèò èðááé, èàé ðíçà Èðeíúí áóðá Áeíðáí Èáòíèeé, Íeáááííá Èáíeí, Òðíóeèé è áð

Все, что было «русским» — поведение русских, их образ жизни, — было решительно чужим и странным для него. Молодые девушки, которые покинули свои дома и уехали за тысячи верст, чтобы учиться в Университете! Что-то неслыханное, ничего подобного не могло быть среди швейцарских девиц. А их образ жизни! А их поведение! Молодые люди приходят к девушкам. Хуже того, случается, что и девушки заглядывают в квартиру молодых людей, и иногда даже вечером. Для Швейцарии это было более чем неприемлемым — это было абсолютно недопустимым. В таких случаях швейцарец поднимает шум и выселяет девушку с парнем. Это — нарушение порядка, нарушение спокойствия. Ночью, когда другие хотят спать, «колонисты» гуляли по улицам, разговаривали, кричали, пели и свистели под окнами уважаемых людей и так далее и тому подобное. Поэтому появлялось враждебное отношение к нам и даже больше — грубые надписи на дверях домов, где сдавались комнаты: «Не для русских!» или по-другому: «Не для славян!» Швейцарец, увы, был недостаточно сведущ в этнических вопросах, он был уверен, что черные вьющиеся волосы и длинный нос определяют славянскую нацию. Их познания о евреях были скудными. Однажды хозяйка квартиры заметила: «Конечно, все русские — евреи!»

Вот так мы жили на островке, окруженные чужими людьми. Отношения со швейцарскими коллегами были очень странными даже в Университете, а близкая дружба с кем-нибудь из местных жителей была редким явлением. В общем, мы жили своей, отдельной жизнью. Хотя мы проживали годами в самом центре Швейцарии, мы не имели представления о том, на что похожа швейцарская жизнь. Даже язык мы не знали как следует: во время экзаменов обращались за помощью к маме лощи^[1] и повышали его «литературное» качество количеством выразительных древнееврейских слов, вкрапленных в него. Все это порождало множество анекдотов, которые, к сожалению, не были записаны.

Не связанные с внешним миром, окруженные холодностью и отстраненностью, мы жили жизнью «колонистов», и сама колония изнутри была штетл. Люди поддерживали чрезвычайно близкие связи между собой, ощущая потребность держаться вместе. В стороне оставались только единицы. Большая толпа составляла единую массу, общий однородный союз. На самом деле «большая» масса была совсем маленькой, а штетл реально был маленьким штетлом. Он был переполнен людьми, однако был полон и сердечностью. Мы все были собраны вместе, как много разных ягод в одной корзине, так что индивидуальности стирались, зато было удобно и уютно. Все время до того момента, пока это стало очень давить на меня, душить, притуплять, мне нравилась такая сердечность. Бездомные, покинутые, одинокие люди нашли для себя убежище. Помню, как близкая подруга, которая провела несколько лет в бернской колонии, писала после своего возвращения в Россию: «Как сильно я хочу оказаться дома — в Берне».

***Ὁ ἐὸν αἰὲν ἐξ ἐλῆς Ἀεῖαῖ ἐδὴ Ἰ ἀαῖ ἀ «Ὀὸ ἰ ἀεί ἐαῖ» («Ἐξ ἰ τῆς ἀεῖ»).
Ἰ ἴφ-Ἐἶ δὲ, 1923 ἄἰ***

Официальным представителем Бунда в колонии был Абрам Мутник[4], известный под именем Глеб, один из самых ранних лидеров Бунда. Другие известные фигуры Бунда появлялись периодически.

Сионисты организовали отдельную колонию. Они отдельно готовили пищу, отдельно ели, и держались в стороне. Самой заметной фигурой среди них был Шмуэль (Самуил) Розенфельд, позже он отошел от сионизма и стал издателем «Дер Фрайнд» («Друг»), но недавно вернулся в сионизм. В те дни Розенфельд был одним из лидеров так называемой Демократической фракции внутри сионизма. Доктор Хаим Вейцман, главный лидер фракции, а теперь президент Всемирной сионистской организации, жил в это время в Женеве, но часто приезжал в Берн. Его прежняя невеста — милая студентка — жила здесь. Мы дружили с ней, и, несмотря на острейшие разногласия, я сохранил прекрасные отношения с ее кругом в целом. Я также поддерживал сердечные отношения с Вейцманом все те годы. Через несколько лет он уехал в Англию, и я уже никогда больше его не видел. Другой хорошо известный сионист — доктор Кисин, который потом уехал в Эрец-Исраэль (тогда еще Палестину). Вместе с целой группой я обычно очень часто ходил на их собрания. Но моя позиция по отношению к сионизму не изменилась, несмотря на теплые личные отношения.

Среди социалистов колонии вокруг каждого идеологического течения образовывалось ядро, свой «кружок» многих сочувствующих. Бунд пользовался широчайшей поддержкой в колонии.

Вспоминаю, как в самые первые мои дни в Берне Теумин[5], указав на кого-нибудь на улице, говорил мне: «Это бундовец!» Тогда, вначале, я был еще незрелый и не знал, что это значит. Это слово было странно для меня, мы никогда так не называли себя в России. В таком городе, как Минск, например, или Вильно, люди внутри движения говорили: работать в Бунде — это было само собой разумеющимся. Но что значило быть бундовцем в Берне, в Швейцарии, где не было еврейского рабочего движения? Однако я быстро понял, что здесь тоже можно работать в интересах Бунда, изыскивая материальные средства, издавая литературу, подготавливая людей для организационной работы по возвращении домой. Важнее всего — иметь хорошо подготовленную интеллигенцию. В самом деле, предыдущий съезд Бунда, который прошел, когда я был в тюрьме, заострил особое внимание на работе с интеллигенцией, а студенческие колонии за границей представляли готовое поле такой деятельности. Собравшаяся в Берне группа энергичных и преданных делу активистов и их старания были залогом большого успеха. Берн стал настоящим оплотом Бунда, и многие из тех, кто втянулся в движение в это время, стали впоследствии ценными деятелями, принесшими много пользы в России.

Через несколько месяцев после моего приезда, когда люди в Берне уже знали меня, меня пригласили вступить в бундовскую группу. Эта заграничная бундовская группа была усиленно законспирирована. Не только ни один человек вне ее не имел представления, кто был членом группы, но и самое существование группы представляло глубочайший секрет. И когда кто-то предложил мне войти в ее состав и спросил: «Готовы ли вы войти в Бунд-группу?» — я, естественно, ответил утвердительно — и погрузился в деятельность.

А́О́І́А́Е́Є́І́

В своем стремлении стать полным хозяином на социал-демократической арене «Искра» столкнулась с Бундом с самого начала, и как результат затем последовала постоянная озлобленная борьба.

Ленинский план построения партии был по принципу «сверху вниз». Рабочие организации, которые возникали раньше, игнорировались или вовсе вычеркивались. Это было необходимо, чтобы расчистить поле деятельности и на свободном пространстве расположить сеть агентов «Искры», которые будут исполнять приказы заграничного центра. Этот план практически не встретил какого-либо реального сопротивления. Организации, существовавшие до этого, были слабыми и разрозненными, избавиться от них оказалось легко. Но серьезное сопротивление неожиданно для искровцев оказал Бунд. Бунд был самой большой и самой сильной организацией в стране. Распространенная в десятках больших и малых городов, прочно сплоченная в мощные коллективы, сильная партия широких рабочих масс — это был единый живой организм огромной жизненной силы, со своим лицом и особенными требованиями. Этот организм не хотел и не мог допустить, чтобы его разогнали и превратили в прах для того, чтобы оставить после него бесплодную пустыню, по которой расхаживали бы агенты «Искры». Бунд был костью в горле искровцев. И они решили проглотить или уничтожить нас любой ценой.

Это было как раз тогда — в апреле 1901 года — когда проходил Четвертый съезд Бунда, один из наиболее важных в его истории. Это был тот самый съезд, на котором среди прочих была принята резолюция относительно места Бунда в рядах РСДРП.

Бунд был одним из основателей руслендер партий, как называлась на идише Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). На Учредительном съезде 1898 года было решено, что Бунд войдет в партию как автономный компонент. Четвертый съезд пошел дальше и заявил, что партия может строиться на федеративных принципах; что она состоит из ряда национальных организаций — русской, польской, еврейской, литовской и т. д. и что они все вместе составляют общую партию. Это было абсолютно правильное решение. Более того, это был единственный способ создать крепкую массовую партию. Но искровцы придрались к слову «федеративный» и нашли, что это слово недопустимо и вызывает возражения, даже больше, чем возражения. (А сейчас слово «федеративный» можно найти даже в названии Российской Советской Республики. Сейчас оно вполне допустимо!) И начали озлобленные нападки на Бунд, обвиняя его в так называемом стремлении к сепаратизму, бундовском национализме, шовинизме и в чем угодно!

Этот самый съезд Бунда принял еще и другую, гораздо более многозначительную резолюцию. Это была программа национальной культурной автономии внутри Российской империи. Это была декларация того, что евреи тоже образуют нацию. Эффект был сильнее взрыва.

Искровцы (подобно большинству русских социал-демократов вообще) имели чрезвычайно слабую концепцию национального вопроса. Абсолютно не принимая его во внимание, они утверждали, что это все — буржуйские выдумки. Но что касается евреев в частности, то и в их рядах было достаточное количество расположенных к совершенной ассимиляции; они и были наиболее озлобленными противниками еврейской национальной идеи: евреи — не нация; идиш — гадкий «жаргон» и т. д. и т. п. Бунд, смело выдвигая национальный вопрос, становился мишенью для постоянных обвинений в национализме и шовинизме.

Так были начаты жесткие, безжалостные нападки. Больше того, требования Бунда были плохо или неправильно поняты и, что хуже того, были неправильно истолкованы, и атмосфера непримиримости порождала жгучую враждебность и ожесточенную полемику. Борьба продолжалась годами и привела к ситуации, в которой Бунд был буквально выкинут из партии в 1903 году. Но искровцы были недостаточно хорошо подготовлены, чтобы надеяться на успех. Напротив, «бундовская идея» неожиданно всплывала в этой особенной борьбе чрезвычайно ясно и все с большей силой.

В этой атмосфере полемики и конфликта дух «бундовского патриотизма» очень сильно охватил и меня. Раньше, во время работы в Минске, мне никогда не приходил в голову вопрос: «Нужен ли Бунд?» Это было совершенно очевидно, само собой разумеющимся. Бунд — как здоровье: он должен быть, даже если человек не осознает этого. Но здесь, вне страны, были люди, которые действительно ставили вопрос и фактически отвечали на него: «Нет!» Такой ответ был, да и по сей день остается для меня абсурдным и глупым. Во враждебности к Бунду было что-то сродни той зависти, которую чувствует больной к

здоровому. Удерживать душевное равновесие мне помогали работа над газетой и сделанный мною вывод, что мы здоровы. Я стал еще глубже обдумывать сущность Бунда, и чем глубже я погружался в размышления, тем более убежденным становился.

עיי אדאז אעו אבי אא. י א אדאז מ'אדאז אאז: «Аа çадааио ааио Ей Аади аде й ае!», «Айя аи ее аади ее ее аади ее м'рç а Ее аа, I ieu а е Ди ие «Аа а»», «Аа çадааио ааио ааи ер ае!»

На расстоянии иногда лучше видна перспектива. Расстояние иногда усиливает чувство. Так получилось, что только среди Швейцарских гор, за тысячи верст от еврейской рабочей улицы, образ Бунда предстал передо мной во всем величии и красоте.

Бунд решил ту жизненно важную задачу, о которой я однажды говорил на борту лодки где-то под Минском. Не принятый с должным вниманием вопрос, как соединить два течения — идеологические размышления и рабочее движение, вопрос о том, «сверху вниз» или «снизу вверх», — этот вопрос Бунд решил. И в те дни только один Бунд во всей российской социал-демократии был единственной силой, способной сделать это.

Почему честь быть блистательным исключением выпала именно еврейским рабочим, я не знаю. Но это произошло. Бунд был даже тогда уже партией, а не тайным собранием интеллигентов. Любыми путями, сверху ли вниз, от интеллигенции, или вверх от широких массовых низов, попадаешь в биение пульса жизни рабочего класса. Бунд представлял собою большой единый организм с единой великой душой. В условиях нелегального существования тех лет только он был настоящей организацией широких рабочих масс. Бунд — единственный — состоял из рабочих.

Одновременно он воплощал совсем другое качество. Он был как одна огромная семья. Я был поражен этим на одном из бундовских съездов. Несколько десятков людей, прибывших из разных городов и местечек, были совсем незнакомы друг с другом; они встретились впервые на заседаниях съезда. Но когда съезд закрылся, при расставании перед отъездом они целовались. Чувство братства!

Это только один типичный штрих, один пример. Главное качество, которое я хочу отметить, заключается в каком-то необъяснимом и особенном складе души преобладающего количества бундовцев.

Благодаря этому необычному духу, Бунд стал не только рабочей партией, не просто массовой организацией, но настоящим живым существом с уникальным, единственным в своем роде лицом, со своим особенным характером, как человек, которого любят и лелеют и о котором заботятся. Эта коллективная личность была действительно любима, и поддержать ее для бундовцев было священным и драгоценным долгом. Отношение к Бунду было больше чем преданность идее и делу, это была буквально личная «влюбленность».

Другие издевались над нашим «Бунд-патриотизмом». Опять зависть! Мы по праву гордились своими чувствами. Те, в ком чувства остались до сего дня, должны хранить их, как бесценное сокровище.

יִדְּוּוֹתַי הַיְיִדִּישִׁית אֶי אֶעֱבֹדֶנּוּ לְעַמִּי אִיִּדֵּנְאִי

[1]. *Родной язык (идиш).*

[2]. *Великие, выдающиеся (идиш).*

[3]. *Семен Акимович Ан-ский (наст. имя — Шломо-Занвл Раппопорт; 1863—1920) — российский еврейский писатель, революционер, этнограф, автор пьесы «Диббук».*

[4]. *Абрам Яковлевич Мутник (Мытникович; 1869—1930) — член Бунда и его ЦК с 1897 года, член Заграничного комитета Бунда.*

[5]. *Ицхак Теумин (1877—1937) — публицист, политик, один из лидеров Бунда, руководитель бундовских органов печати.*

ИЕРУСАЛИМ VS АЛЬ-КУДС: РАЗДЕЛИТЬ НЕДЕЛИМОЕ

Èðeíà Áàðeéíà

Èaðííæeí çà áíeáá ÷áí òðáðòóíí÷:æéíðíðð èíðíðeð ì ííáðeðáðíí íáðáðíæeé eç ðeé á ðeé. Ñí áíýeéíí eí íáðeé, íðáæeðáeé, æeíáíðeé, íí çóíò áðíá ííðáæeéíí áíæáæeéíííí æéý íðáíðáæeðáeé ðáçeé-ííð èííeðáííeé, èíeíðíá íáæeýeé áá íáýíáíííí ðáðeðíí. Èæeí è òíeíeí ýíeðáðáí è íe íáðáæeéé áá: «áðíá Á-á», «áðíá íí ðááíæeéáííeé», «íðáeðáíí íe áðíá», «áðíá òðáð ðáeéæeé». Ííæeéé, áíííeááí áí ýíeðáðá è íeðííðá òðááæeéý áðíáá

У трех религий давно сформировалось четкое представление об Иерусалиме как о сакральном центре. Для мусульман Иерусалим (Аль-Кудс) — один из трех святых городов, и в этом не последнюю роль играет легенда об аль-мирадж — небесном путешествии пророка Мухаммеда. Для христиан Иерусалим — исторический центр христианства, где произошли ключевые события рождения религии и хранятся ее святыни. И наконец, для иудеев Иерусалим — столица древнего царства, место, где располагались оба Храма, символ возвращения из изгнания. Стремление к обладанию Святым городом, к контролю над святынями — вот что заставляло воевать за город столетиями.

Недавно в газете «Маарив» была напечатана заметка, в которой крупный израильский писатель, лауреат государственной премии по литературе, иерусалимец в пятом поколении А. Б. Иегошуа предлагает разделить Иерусалим: «Восточная часть Иерусалима может стать столицей палестинского государства, право на существование которого признало нынешнее израильское правительство. Западная часть города останется столицей еврейского государства». Это, по его мнению, предоставит «этому городу статус, которого он достоин». Однако А. Б. Иегошуа пока в меньшинстве. Большинство же как израильтян, так и палестинцев не готовы делиться. Прошел почти век с того момента, как турки, правившие Святым городом с XVI века, зимой 1917 года оставили ключи англичанам, а статус города по-прежнему до конца не определен.

Óðáí íáý áðá Èaðííæeí

«Ā NĒĀĀŌP ŪĀĪ ĀĪĀŌ ĀĒĀDŌŅĀĒĒĪ Ā»

Долгие столетия для евреев Иерусалим оставался религиозным символом, стремление к нему было скорее метафизическим, чем политическим. Он оставался одним из четырех городов, где традиционно селились евреи, куда приезжали молиться и умирать, но не стремились обладать им. Ситуация изменилась с развитием сионизма (как идейного, так и политического). В Землю обетованную стали приезжать люди, которые хотели возродить «историческую родину», создать «национальный очаг», и Иерусалим все больше интересовал их как обязательный будущий центр этого очага.

Предоставляя в 1920 году Великобритании мандат на управление Палестиной, Лига наций возложила на нее и ответственность за обеспечение доступа к святым местам, а также потребовала в кратчайшие сроки создать специальную комиссию для изучения претензий различных религиозных сообществ и урегулирования спорных вопросов.

В годы британского мандата Иерусалим был административным центром подмандатной Палестины. Взаимоотношения арабов и евреев очень скоро стали головной болью для новых хозяев. Именно с Иерусалима начинаются все арабо-еврейские столкновения в 1920-х годах XX века, бо́льшая часть их происходила на религиозной почве, что виртуозно использовали лидеры мусульман (например, печально известный муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейн) в своих политических целях. Основные обвинения, которые выдвигались муфтием и его сторонниками по отношению к евреям, касались статуса Храмовой горы, на которую якобы посягали новые поселенцы. На Всемирном исламском совете, который муфтий Хадж Амин организовал в Иерусалиме в 1931 году, он даже демонстрировал фотографии евреев, штурмующих мечети на Храмовой горе. Фотографии, разумеется, оказались фальшивыми. Используя религиозные чувства братьев-арабов, аль-Хусейн не просто позиционировал себя как защитник мусульманских святынь, но и зарабатывал политические очки как национальный лидер.

Постепенно конфликт, начавшийся с религиозных притязаний, выходит на политическую и идеологическую арену. Иерусалим становится не просто религиозной святыней — как для мусульман, так и для евреев, — но символом их национального движения.

После окончания второй мировой войны настало время, когда ООН должна была принять решение о дальнейшей судьбе Палестины в целом и Иерусалима в частности. Как известно, обсуждалось два варианта. Первый (так называемый «план меньшинства») предусматривал создание двунационального государства с еврейской и арабской провинциями. Авторы этого плана предлагали разделить Иерусалим на два отдельных муниципалитета. Сторонники второго плана («плана большинства») исходили из убеждения, что арабы и евреи не могут жить совместно, поэтому необходимо создание двух независимых государств: еврейского и арабского. Согласно «плану большинства», Иерусалим выделялся в международную зону, которая должна была перейти под управление ООН. Именно этот план и был поддержан 29 ноября 1947 года Генеральной ассамблеей ООН и закреплен в резолюции № 181. Однако резолюция так и не была выполнена. Началась первая арабо-израильская война, которая смешала все карты.

DAĀĀĒ ĒĀDŌŅĀĒĒĪ Ā

В ночь с 14 на 15 мая 1948 года войска Арабского легиона по мосту Алленби пересекли реку Иордан и двинулись к Иерусалиму. Перед трансйорданским королем Абдаллой стояла конкретная цель: захват Иерусалима. Это могло бы стать для него компенсацией за утраченные его отцом Хусейном Мекку и Медину и поднять его реноме как хранителя исламских святынь. Цели своей он добился. В результате войны 1948–1949 годов Иерусалим был разделен на две части — Западную, которая осталась под властью Израиля, и Восточную (включая Старый город и Храмовую гору), которая отошла к Трансиордании и была ею аннексирована.

В апреле 1950 года было ратифицировано решение короля Абдаллы об аннексии Западного берега реки Иордан (включая Восточный Иерусалим) и о переименовании Трансиордании в Иорданию. И хотя в руках израильтян осталась гора Скопус (Ар а-Цофим), анклав в восточной части Иерусалима, это не могло компенсировать потерю Старого города. Почти все синагоги, ешивы и общественно-благотворительные учреждения в еврейском квартале Старого города были разрушены, еврейское кладбище на склонах Масличной горы — осквернено. Почти на 20 лет евреи лишились возможности молиться у Стены Плача — вплоть до Шестидневной войны.

Ī à dēēōāō Çai āāī īā Ēādōñāēēī à ā ī āā 1948 āāā

ĪĀŪĀĀĒĪĀĪ ĒĀ ĒĀDŌÑĀĒĒĪ Ā

Шестидневная война 1967 года была чрезвычайно значимой для Израиля: молодое государство не только отстояло позиции перед лицом превосходящих сил врага — израильской армии удалось занять территории, втрое превышавшие размеры страны, но главным итогом, конечно, стало воссоединение Иерусалима.

7 июня 1967 года израильские солдаты вступили в Старый город со стороны Масличной горы, пройдя через Львиные ворота, и вскоре взойшли на Храмовую гору. Арабы уже не защищали город, войска были накануне выведены, и в нем остались лишь добровольцы. Для израильской армии это было не завоеванием, но освобождением. Как сказал командующий Центральным округом генерал Узи Наркис: «Иерусалим захватывался 37 раз за свою историю десятками завоевателей. 7 июня 1967 года мы впервые освободили город, надеясь, что это уже навсегда»[\[1\]](#).

Несмотря на то что израильский флаг развивался над мечетью Куббат ас-Сахра (или Купат а-Села, или Купол скалы) недолго — генерал Моше Даян приказал убрать его, чтобы не провоцировать насилие, — праздник воссоединения Иерусалима можно сравнить с днем обретения Израилем независимости. Прибыв на торжественную церемонию у Стены Плача, Моше Даян торжественно произнес: «Мы объединили Иерусалим, разделенную столицу Израиля. Мы вернулись к самым святым для нас местам, чтобы не уходить вовеки»[\[2\]](#).

К вечеру 7 июня в руках израильтян оказались Иерусалим, Хеврон и вся Святая земля. Для евреев всего мира это было исполнением вековых мечтаний. После войны бригадный генерал Эзер Вейцман заметил: «Вы должны понять, почему Израиль создан здесь, а не в Уганде или Канаде. Мы никогда не могли бы сражаться так, как мы сражались, за еврейское государство, созданное в какой-нибудь другой части света. Иерусалим, Западный берег Иордана и фактически вся Палестина имеют очень глубокое значение для нас. Это — основа сионизма»[\[3\]](#).

Спустя три недели (27 июня 1967 года) израильский кнессет принял Закон об охране святых мест. Этот закон позволил правительству Израиля распространить на Восточный Иерусалим израильскую юрисдикцию и административное управление, то есть аннексировать «освобожденный город». Границы города были расширены, в результате чего площадь Иерусалима увеличилась почти в три раза: с 38 до 108 квадратных километров.

Международное сообщество так и не признало Иерусалим столицей Государства Израиль, оставив свои представительства, дипломатические и торговые миссии в Тель-Авиве. Сразу после окончания Войны за независимость, стремясь укрепить статус города как политического и административного центра страны, в Иерусалиме начинают строить комплекс правительственных зданий, новое здание кнессета, здания общественного значения: Дворец наций, мемориал «Яд ва-Шем», Израильскую академию наук, корпуса Еврейского университета в Гиват-Рае и др. По этой же причине после Шестидневной войны в Восточный Иерусалим были перенесены некоторые административные органы: Министерства строительства и юстиции, Верховный и Иерусалимский комиссариаты полиции, Областной суд и др.

Дабы окончательно закрыть вопрос о принадлежности города, 30 июня 1980 года был принят Основной закон о статусе Иерусалима, согласно которому он был определен как «единая и неделимая столица Израиля».

Закреть вопрос в одностороннем порядке все же не удалось. Организация Объединенных Наций осудила Израиль за принятие Основного закона и провозгласила его недействительным. Руководители национального движения «Организация освобождения Палестины» (ООП), поддерживаемые арабскими государствами, всеми силами стремились отыграть ситуацию в свою пользу. В ноябре 1988 года на Девятой сессии Палестинского национального совета лидер ООП Ясир Арафат провозгласил «Государство Палестину» со столицей в Иерусалиме. И хотя этот демарш был, скорее, рекламным ходом и реальных последствий не имел, палестинцы еще раз заявили о том, что не согласятся с утратой своего Аль-Кудса.

В ходе палестино-израильских переговоров 1990-х годов, так называемого «процесса Осло», было принято решение отложить обсуждение будущего Иерусалима, однако тайные переговоры в этом направлении велись начиная с 1994 года. Одновременно с этим палестинская администрация активно развивала свою инфраструктуру — в виде культурных, образовательных, профсоюзных и других учреждений — на территории Восточного Иерусалима. В результате к концу 1995 года в восточной части города располагались одиннадцать учреждений палестинской администрации, включая Министерство по делам религий, Совет по радиовещанию, Экономический совет по развитию и реконструкции и др.

Израильское правительство, в свою очередь, проводило политику расширения города. В 1994 году правительство Ицхака Рабина начало масштабное строительство в иерусалимском районе Ар-Хома и на склонах Масличной горы. По плану Рабина, который он представил кнессету в 1995 году, город должен был включить в себя такие поселения, как Маале-Адумим, Гуш-Эцион, Эфрат, Бейтар-Элит и Гиват-Зеэв. Ожидалось, что такая «естественная экспансия» укрепит позиции Израиля в предстоящих переговорах о статусе Иерусалима.

В силу наличия в израильском обществе определенного консенсуса в отношении будущего Иерусалима, политики, как справа, так и слева, оспаривали не столько вопрос сохранения города, сколько то, в какой мере будут расширены его границы и насколько будет закреплён его статус израильской «единой неделимой столицы». В свою очередь арабская сторона спланировала ряды в борьбе за «возврат Аль-Кудса».

10 ἰουλίου 1967 ἡμετέρας

ἸΣΡΑΗΛΙΤΑΙΔῶΝ ἘΑΪ Ἰ-ΑΥΑΕΑ

Согласно Декларации о принципах, подписанной в 1993 году Израилем и палестинцами в лице Организации освобождения Палестины, соглашение об окончательном статусе (включая статус Иерусалима, проблему беженцев, проблему безопасности, вопрос о «территориях») должно было быть достигнуто к маю 1999 года. Однако, учитывая срыв графика переговоров о предварительном статусе и неготовность израильского общества к изменению положения Иерусалима, переговоры по наиболее острым проблемам были перенесены на июль 2000 года. Саммит в Кемп-Дэвиде стал первой официальной встречей, где израильтяне и палестинцы обсуждали вопрос об изменении статуса Иерусалима.

Премьер-министр Эхуд Барак, представлявший Израиль на этой встрече, изначально заявил, что не готов обсуждать изменение статуса Иерусалима. Перед своей поездкой 9 июля 2000 года, выступая перед кнессетом, он определил «красные границы» правительства: неприемлемыми объявлялись отход к границам 1967 года, перспектива иностранного присутствия на Западном берегу реки Иордан и «признание с израильской стороны юридической и моральной ответственности за создание проблемы беженцев». Премьер-министр подчеркнул, что статус «единого Иерусалима под израильским суверенитетом» не будет изменен, а поселенцам, живущим на территориях Иудеи, Самарии и сектора Газа, гарантировалось, что поселения не будут тронуты.

Однако в ходе переговорного процесса Эхуд Барак более чем продвинулся по пути уступок. Он выразил готовность передать под палестинский контроль 91% территории Западного берега, а также компенсировать еще 1% территорий передачей палестинцам незаселенной местности возле границ сектора Газа, находящейся в пределах «зеленой черты». Кроме того, Израиль в лице Барака согласился — впервые с 1967 года — обсуждать раздел Иерусалима, пойдя на беспрецедентные уступки в этом направлении. После того как палестинцы отвергли идею передачи им суверенитета над населенными арабами районами Восточного Иерусалима при введении режима международного контроля над Старым городом, Барак согласился и на раздел Старого города, а также на палестинскую «доверительную опеку» над Храмовой горой. Но палестинцы отвергли и эти предложения.

23 декабря 2000 года президент США Билл Клинтон вновь собрал израильских и палестинских представителей. На этот раз от Израиля требовалось отступление с 97% территорий Западного берега при условии раздела Иерусалима и полном суверенитете палестинцев над Храмовой горой. Стена Плача сохранялась за Израилем, вопрос о Кедронской долине, включающей Город Давида и могилы пророков у входа на Масличную гору, остался нерешенным. Через три дня правительство Израиля, из которого вышли все партнеры по коалиции, большинством голосов утвердило эти предложения. Однако палестинцы вновь ответили отрицательно.

После начала интифады Аль-Акса в сентябре 2000 года переговоры практически сошли на нет. Миротворческие инициативы, такие, как «Дорожная карта», опубликованная Госдепартаментом США в апреле 2003 года, откладывали решение проблемы Иерусалима, не предлагая никаких реальных шагов. За последние годы усилено давление на Израиль со стороны международного сообщества и США, в частности с тем, чтобы прекратить строительство в новых иерусалимских кварталах, таких, как Ар-Хома, однако конструктивно проблема не сдвинулась с мертвой точки.

Разделенный город. 1969 год

ÈÀÈ ÐÀÇÁÀÈÈÒÛ Í ÁÁÁÈÈÌ ÍÁ?

В поисках решения проблемы Иерусалима предпринимались и весьма неординарные шаги. Например, вопрос о суверенитете над Храмовой горой, Харам аль-Шариф, пытались решить путем «вертикального разделения». Хасмонейский тоннель, как известно, проходит в том числе под Храмовой горой, часть его используется как туристический объект. Осенью 1996 года было принято решение открыть второй выход, ведущий на Виа Долороза (улицу на территории арабского квартала Старого города). Открытие сквозного прохода могло бы иметь для Израиля стратегическое значение, кроме того, этот шаг еще раз подчеркивал, что, хотя Храмовая гора находится в практически полном распоряжении палестинской стороны (ВАКФа, Совета по попечительству над исламскими святынями), подземная ее часть остается под полным контролем стороны израильской. Однако открытие тоннеля спровоцировало беспорядки. Палестинцы посчитали этот шаг посягательством на целостность их святыни. Результатом беспорядков стали жертвы как среди израильских военнослужащих, так и среди протестующих. Выход был замурован. В то же время не меньшее беспокойство среди израильских ученых вызывает перманентное строительство на Храмовой горе (в том числе и строительство подземной мечети). Ученые опасаются, что арабы таким образом могут уничтожить важные археологические артефакты.

Премьер-министр Израиля Ицхак Рабин и президент США Билл Клинтон. 1994 год

Решение проблемы Иерусалима упирается в твердое нежелание сторон пойти по пути компромисса в столь принципиальном для них вопросе. Иерусалим давно уже не просто Святой город, религиозный символ, но и вопрос большой политики. Хотя в последнее время в Израиле звучат предложения передать палестинцам деревни, находящиеся в черте «большого Иерусалима» восточнее Старого города. Целесообразность этого шага аргументировалась тем, что государство сможет таким образом избавиться от неблагоприятных в социальном плане кварталов. Однако эта позиция остается малопопулярной. Судя по опросам общественного мнения, среди израильтян лидирует точка зрения, что разделить «единую и неделимую столицу Израиля» невозможно. Палестинцы же настаивают на признании своего государства со столицей Аль-Кудс — подразумевая полный контроль над Старым городом и Храмовой горой.

[1]. *Цит. по: Наркис У. Иерусалим единственный. Иерусалим, 1978. С. 335.*

[2]. *Цит. по: Носенко Т. В. Три религии — три мира. М., 2006. С. 446.*

[3]. *Цит. по: Черчилль У. и Р. Шестидневная война. Иерусалим, 1989.*

НЕИЗВЕСТНЫЙ АНДРЕЙ СОБОЛЬ

Владимир Хазан

Жизнь и творчество Андрея Соболя, одного из первых, если не первого, переводчика Шолом-Алейхема на русский язык, писателя с широко и разнообразно представленной еврейской тематикой, еврейскими персонажами и еврейскими заботами и переживаниями, практически не изучены. Трудно понять, почему при столь обостренном и вроде бы непоказном интересе, который вызывают сегодня русско-еврейская литература и русско-еврейские писатели куда меньшего калибра и масштаба, затонувшая литературная Атлантида Соболя до нынешнего дня не встретила подобающего исследовательского и издательского внимания и сочувствия.

*Аי אדאָס נײַאָרעוּ (יאָאַאַרעאַ אײַ אדאָנאָ).
אַרעוּ אַ, 1906 אײַ*

Кратко напомним биографию писателя. Андрей (он же Юлий, а еще аутентичней — Израиль) Михайлович (Моисеевич) Соболев родился в Саратове в 1888 году. Рано потерял отца и 14-летним подростком начал самостоятельную жизнь. Жизнь в основном бродяжническую, безытную, без определенного плана и замысла, но зато богатую с точки зрения накопления впечатлений. Как и многие его сверстники-соплеменники, с ранних лет оказался окутан романтической революционной дымкой и героическими легендами о кровавом терроре, жаждущем отмщения сильным мира сего за унижения и страдания. В 16 лет стал революционным агитатором, не только писал пламенные стихи о свободе, но и числился членом эсеровской организации, и вооруженная борьба с самодержавием была для него не одной лишь красивой метафорой, хотя впоследствии он рассказывал об этом не без эстетического флера: «...разъезжал по еврейским городкам и местечкам, очень милым девушкам рассказывал о французской революции, “разъяснял” Энгельса, цитировал Блосса». 5 июля 1906 года состоялся совсем не метафорический Виленский военно-окружной суд, который приговорил Соболя к четырем годам каторги «за хранение оружия для доставления средств необнаруженному преступному сообществу, имевшему целью вооруженное восстание против верховной власти». Местом отбывания наказания была определена Восточная Сибирь — Амурская колесная дорога, Горный Зерентуй, откуда он в 1908 году бежал и, умудрившись пройти в качестве беглого каторжанина весь гигантский путь с востока на запад, добрался до Западной Европы. После этого Соболев и Европу избородил как Россию. В анкете, заполненной годы спустя, на вопрос: «Были ли в эмиграции, где, когда и сколько?» — он ответит: «1909–1914. Повсюду, кроме Англии, Испании и Португалии»^[1].

В годы первой мировой войны Соболев тайно вернулся в Россию, без которой своей жизни не мыслил. Именно этим всепожиравшим его чувством российского *genius loci* только и можно объяснить то, что он, эсер с младых, что называется, ногтей, заклятый антибольшевик, когда Русь стала советской, не ушел в эмиграцию, а в качестве весьма заметного творческого деятеля остался служить большевистской тирании. Внешне его жизнь сопровождал литературный успех — «удачно» складывавшаяся карьера советского писателя: в 1920-х годах его много печатали, он был членом правления Всероссийского

писательского союза, членом бюро секции работников печати, входил в Общество политкаторжан и пр. Еще не наступил в стране тот кровавый кошмар, когда все эти должности и звания, наряду с чувством удовлетворения творческих амбиций и воплощения карьерных притязаний, рождали чувство животного страха и неуверенности, что положение сие ненадежно и продлится очень недолго. Наступления подлинной «советской ночи» Соболев не дождался: 8 июня 1926 года при очередном припадке «черной меланхолии», которыми страдал едва ли не всю жизнь и которые выражали его тяжелейшие внутренние кризисы, он покончил жизнь самоубийством.

Две нижеследующие заметки посвящены одному маленькому документу: недавно найденному в Израиле его письму, по существу, записке, предположительно датированной 1913 годом.

1

Рассказ «Встань и иди» (1918) Соболев создал путем соединения двух своих ранее написанных рассказов — «Нечаянно» (1916) и «Старая история» (1915), внося лишь маргинальную текстовую правку. По сюжету рассказа, главный герой Александр Гомельский, он же Яков Балцан, он же Сурайский (обычный для Соболева прием ономастической мультипликации героя), крестился, чтобы соединиться с любимой женщиной-христианкой. Однако в ходе разгоревшейся между ними ссоры жена бросает ему в лицо оскорбительное «жид», которое тот перенести не может. В результате произошедшего разрыва (хотя об этом ничего не говорится, но понятно само собой, что речь идет о среде политэмигрантов, в которой существовал сам Соболев после бегства с каторги) начинаются странствия героя по белу свету: он оказывается то в Салониках, то в Париже и, наконец, в Италии, приобретая в напарники ослика, древний символ скитания.

Рассказ этот был впервые опубликован в сборнике «Сафрут», вышедшем в 1918 году в революционной Москве под редакцией еврейского поэта, переводчика и общественного деятеля Л. Яффе, который два года спустя покинет Россию и отправится в Палестину. В 1922 году в переработанном и измененном виде издание «Сафрута» было повторено в Берлине, в перебравшемся тогда в немецкую столицу издательстве С. Зальцмана. Венгерская исследовательница еврейской литературы на русском языке Жужа Хетени, одна из немногих, уделившая внимание данному соболевскому рассказу, датирует его именно этим, вторым, изданием, т. е. 1922 годом[2]. Справедливо обращая внимание на его центральную тему — антисемитизма, пробирающегося в самые интимные и заповедные уголки человеческого существа и существования (любовные, семейные отношения) и совершающего там свою грязную и предательскую работу, — ученый показывает, как Соболев безбоязненно идет на заострение темы: юдофобия не только выплата дани вековым общественным предрассудкам, но глубокая душевная болезнь, поражающая всех и вся на своем пути. Она разрушительна по самой своей сути, и для нее нет преград — она рвет любые наипрочнейшие человеческие связи, будь то приязнь, дружба или даже любовь.

Оказавшись в Париже, герой соболевского рассказа в поисках заработка поступает в кочующую по градам и весям еврейскую театральную труппу, разыгрывающую перед зрителями спектакль «Мендель Бейлис» о знаменитом, шагнувшем за пределы России и приковавшем к себе внимание всего мира кровавом навете — обвинении киевского приказчика М. Бейлиса в убийстве в 1911 году с ритуальными целями христианского подростка Андрюши Ющинского. Герой «Встань и иди», совершивший отступничество от веры предков, играет в этом спектакле роль евреененавистника Пранайтиса, литовского ксендза, выступившего на процессе Бейлиса в роли богослова-эксперта: он не только по внешним данным «до смешного похож на ксендза из Литвы — высокий, худой, жилистый, длинноногий»[3], но и как бы по внутренней сути, совершенным в реальной жизни переходом в христианство, соответствует «масштабу» исполняемой роли.

Встреча рассказчика с Гомельским-Балцаном-Сурайским, которого он знал по его старым местам обитания — Швейцарии и Франции, происходит в Италии, где тот, купив вышеупомянутого ослика, а к нему тележку и старую шарманку, «которая шипела, как шипят иногда разозлившиеся дряхлые кошки»[4], стал добровольным скитальцем, что, как можно думать, на языке соболевской метафоры должно означать возвращение в прежнее — еврейское — состояние. Иудейскую коннотацию, несомненно, содержит и само название рассказа, на что справедливо обращает внимание Ж. Хетени: используемая в самом тексте форма ашкеназийского иврита «лех лейхо» корреспондирует не с «встань и иди» («кум леха», Ион., 1:2), а восходит к началу 12-й главы книги Бытия: «И сказал Г-сподь Авраму: пойди из земли твоей...»[5]

Однако рассказ этот, судя по всему, заключает в себе некий еще более глубокий, таинственный и донныне не прочитанный подтекст, который ассоциативно связан с возвращением в еврейство конкретной личности — Петра (Пинхаса) Моисеевича Рутенберга.

*אָעפּ יאָדווע. יאָדאָיאַיאַ פּאַיאַיעפּ י יודאָיעאָדוועיע אַפּוואַעוו פּווע אַפּאַא ע אַ דאָפּאַאַ-אַיע אַפּאַו
יאַיאַ-אַוואַיאַ אַ אַפּאַאַפּאַיאַ אַפּאַיאַ.*

Это было официальное признание не просто произошедшей политической катастрофы или фактически несмываемого нравственного позора, но некое деяние, которому трудно подыскать прецеденты как в российской, так и в мировой истории. В литературе такая тема оказалась бы по плечу разве что Достоевскому.

Азеф, по-видимому, заинтересовал Соболя именно с этой, литературной, стороны — как своего рода «минус-герой» большой исторической драмы. В том же самом письме-записке, о котором шла речь в первой заметке, он сообщает Рутенбергу о задуманном им романе об Азефе. Свой замысел молодой писатель передавал в предельно сжатой форме, богатой в то же время достаточно глубокими потенциальными смыслами. Обращаясь к Рутенбергу, он, как думается, искал одобрения своим мыслям у одного из тех, кто Азефа, к своему великому несчастью, очень хорошо знал лично:

*י י פּאַ יאַ אַפּאַיאַ יאַ אַ פּווע-אַא פּאַפּאַו יי, — יענאַ נאָיאַעוו פּווע אַאפּאַא — יוֹד אָד, אָד ייעעוועפּ
ע ידאָפּוואַעוו אָד אָדווע יאַפּע, אָד אָדווע אַפּאַו יאַ פּאַ יי אַפּאַ ע אַפּאַ-אַפּע ייפּאַיעע אַ אָ יודאָיעאָדווע
יוֹד אַפּאַ אַפּאַ אַפּאַ יאַפּע ע אַפּאַפּע אַפּאַ אָד יאַ פּאַפּו. אַפּאַ פּאַפּאַ יי י ייע, יאָד י יעפּאַפּע? יוֹד אַא
אַפּאַ אַפּעאַ אַפּאַ פּאַפּאַיאַ אַא דאָפּ-אַיאַ יוֹד ע אָפּע ייע, ע אַפּאַפּאַ פּווע אָד יאַ אַפּאַ אַ יאַע פּאַפּ אַפּאַפּ. ע אַפּאַ פּאַפּ
עפּאַ-יאַ, אָד ייע פּאַפּו, ע יודאָיעאָפּ אַפּאַווע «אַפּעיאָפּ» אָפּע י י אָפּאַ אַ אָדווע-אָד אַפּע ע פּווע יוֹד
יאַ-אַפּע ייע ע אָפּאַ-אַפּע אָדווע. אַפּו אַפּ אַפּאַפּאַ יאַ אַפּאַווע אָד י אָדווע, אַפּ אַפּאַ יוֹד פּווע-אַפּע יי*

Роман об Азефе Соболю не написал. Вероятнее всего, это был один из тех случайных и летучих литературных замыслов, которые так же быстро оставляют писателя, как и овладевают им. Не исключено, однако, что замысел об Азефе предшествовал и в какой-то мере стимулировал роман «Пыль», над которым Соболю, судя по всему, начинает работать именно в это время. В нем отразилась жизнь революционеров-террористов с довольно неожиданной стороны: антисемитизм захватывает не только семейную сферу, но проникает в лагерь политических единомышленников и разводит по разные стороны бывших «товарищей по оружию». Впрочем, в рассказе «Встань и иди» данный смысловой оттенок тоже присутствует: неспроста ослик Гомельского окрещен «товарищем Михаилом» — по имени брата жены героя, его вчерашнего партийного соратника. Интересно, если это когда-нибудь окажется возможным, выяснить, как звали рутенбергского ослика и не воспользовался ли Соболю и здесь каким-то не измышленным, а вполне реальным источником сюжетостроения.

[1]. ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Ед. хр. 2762. Л. 2.

[2]. См.: Хетени Жужа. Андрей Соболю, русско-еврейский писатель // Русско-еврейская культура. М., 2006. С. 75; то же: Hete nyi Zsuzsa. In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose (1860–1940). Budapest; New York, 2008. P. 197, 198.

[3]. Соболю Андрей. Встань и иди // Сборники «Сафрут». Кн. 1. М., 1918. С. 47.

[4]. Там же.

[5]. Хетени Жужа. Андрей Соболю, русско-еврейский писатель. С. 77.

[6]. Хазан Владимир. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2-х томах. Т. 1. Иерусалим; М. <2008>. С. 289.

[7]. ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 31.

[8]. Национальная библиотека Израиля (Иерусалим). Arc. Ms Var 322/4.

[9]. Роман Соболю «Пыль» печатался в первых четырех номерах журнала «Русская мысль» за 1915 год.

[10]. Хазан Владимир. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. С. 213.

МАРГИНАЛИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИВРИТА

בְּצִוֵּי הַאֲבֹתִים אֵלֶיךָ אֲנֹכִי יְיָ עֹשֶׂה אֲוֵרֵי עֵשֶׂה אֵלֶיךָ אֵלֵי עֲוֹנוֹתֵינוּ

Зоя Копельман

Возрождение иврита в последней четверти XIX — первой четверти XX века в самых общих чертах можно представить как два вида деятельности: создание новых слов по существующим морфологическим моделям и наполнение новыми смыслами слов, почерпнутых из еврейских классических текстов. Примером первого случая является обогащение парадигмы существительных, обозначающих болезни (не без влияния европейских языков, как, скажем, превращение инфлюэнцы в шапаат, где ивритский корень ш-п-а имеет семантику «лить», или «fluere»). Примером второго служит заимствованное из мистического видения Б-жественной колесницы слово хашмаль (Йехезкель, 1:4), получившее в новом иврите значение «электричество». Известно, что первый вид деятельности особенно вдохновлял Элишера Бен-Йеуду, тогда как Хаим-Нахман Бялик выступал его противником и ратовал за второй путь. Можно условно назвать сторонников Бен-Йеуды новаторами, а сторонников Бялика — архаистами, хотя, как кажется, именно архаисту в тех условиях требовалось наиболее дерзкое воображение.

הַאֲבֹתִים אֵלֶיךָ אֲנֹכִי יְיָ עֹשֶׂה אֲוֵרֵי עֵשֶׂה אֵלֶיךָ אֵלֵי עֲוֹנוֹתֵינוּ
ה'תש"ט, 1919 א"ה

В формировании же литературного иврита огромна роль русской поэзии и прозы и русского литературного языка: начиная с XIX века они служили эталоном художественного письма, в частности, пополняли язык образов, который, как я собираюсь показать, и в XX столетии создавался с оглядкой на русских писателей.

Возьмем двух авторов — Элишеву и Лею Гольдберг, в чьих биографиях и творчестве много общего. Москвичка Элишева[1] (Быховская, в девичестве Елизавета Ивановна Жиркова; 1888–1949) и жительница Ковны Леа Гольдберг (1911–1970) писали на иврите стихи и прозу. Таланты их неравны, но литературные симпатии сходны: обе боготворили Блока, любили Ахматову и на раннем этапе сочинительства пробовали ей подражать. Элишева, как кажется, была первой, кто написал на иврите пространный очерк об Ахматовой, и Гольдберг посвятила ей статью[2]. Обе они писали также о Блоке[3], стараясь понять секрет его магического воздействия на их души. Перу каждой принадлежит роман о жизни творческой интеллигенции, в том числе и еврейской. Ареной действия обе избрали крупный европейский

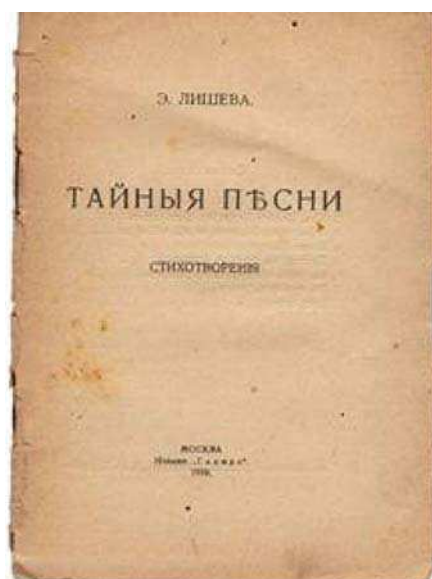
город в судьбоносный для него период: в романе Элишевы «Переулки» («Симтаот», 1929) это Москва времен окончания нэпа и установления советской диктатуры, в романе Леи Гольдберг «Утраты» («Аведот», писался в конце 1930-х, издан по архивным материалам в 2010-м) — Берлин в 1932–1933 годах. Необходимо добавить, что Леа Гольдберг была также литературоведом и с 1952 года — профессором, преподавала русскую литературу в Еврейском университете в Иерусалиме. И первая критическая заметка Леи Гольдберг была откликом на вторую книжку ивритских стихов Элишевы «Харузим» («Стихи», а возможно, и «Четки», 1928). Элишева тоже выступала как литературный критик, обозревая новинки ивритской литературы, а также посвятила несколько эссе русским писателям.

Цель настоящей статьи — показать, как калькирование русских хрестоматийных метафор и прочих тропов служило Элишеве и Гольдберг средством обогащения образного ряда в прозе и поэзии на иврите. Поскольку чтение на русском языке с детства формировало мышление и культурные представления обеих писательниц и продолжалось и в годы их жизни в Стране Израиля, неудивительно, что ощущение скудости ивритской образности, с одной стороны, и неисчерпаемости языка образов в русской словесности — с другой, побуждало их расцветивать иврит собственным творчеством кальками любимых фразеологизмов и поэтических строк.

Зависимость литературного произведения от круга чтения его создателя дважды декларируется Гольдберг на страницах романа «Утраты». В первый раз это делается, дабы пояснить выбор необычной метафоры для описания волос героини, метафоры, ставшей меткой образа на всем протяжении романа. При первом появлении Антонии повествователь сообщает: «Девушка с медными волосами — то была тяжелая медь, как шлем на голове воина, как тот блестящий таз, что увенчал голову Дон Кихота. По правде говоря, это второе сравнение ей подходило больше...»[4] Ссылка на Сервантеса, как кажется, призвана была отчасти нейтрализовать странность авторского эпитета — «медный таз» (гигит а-нехошет). Другой пример — метапоэтический комментарий Гольдберг к описанию пейзажа: «Вот это утро и плывущая в нем лодка, как сказано в старинном японском стихотворении...»[5] Гольдберг словно хочет подчеркнуть, что модели мироздания в художественном произведении кочуют из литературы в литературу, и неизбежная при этой трансплантации новизна в случае удачи обогащает принимающую словесность.

Взгляд на действительность сквозь призму литературы отличает и роман Элишевы «Переулки». Так, главного героя, еврея Даниэля Ройтера, другие персонажи называют Петером Шлемилем, героем повести Шамиссо: «Вот и вы так же: крутитесь тут среди нас, словно что-то ищите, и места себе не находите...» — а повествователь сравнивает своих героев — декадента Витковского и поэтессу Вибин — с Пьеро и Коломбиной из «Балаганчика» Блока[6].

Теперь обратимся к примерам, которые для четкости я распределила по группам, хотя некоторые случаи не очень поддаются сортировке.

De o'ceim ne eeno naidi eea Yeeo'ani «Da'ei na i'ani e». E'qia o'ceim o'at «A'bo'ea». I' n'ea, 1919 a'a

ÊÀËÛËÈÐĬĂĀĬ ÊĂ ВСÛËËĂÛÛ Ì ĀÒÀÛĬÈ ÒÐĂĀĬËĬĂËĀ ĬĂ

При таком калькировании банальное русское словосочетание на иврите обретает первоизданную яркость и выразительность. Перевод здесь реализует то самое «остранение», о котором писал в 1919 году Виктор Шкловский. Это явление наблюдается широко и имеет свои курьезы. Например, библейское слово хермеш, «коса», то есть орудие с длинной палкой и насаженным на нее закругленным лезвием, в синодальном переводе под действием контекста ставшее серпом: «как появится серп на жатве» (Втор., 16:9), побудило Бялика создать кальку хермеш а-яреах, «серп луны». Поэт не мог не знать, что хермеш в европейской иконографии является атрибутом Смерти, но, видимо, эвфония нового словосочетания (а возможно, и его ритм, двустопный амфибрахий) оказалась сильнее буквализма. Элишева приняла эстафету и создала свой образ: «золотой серп на серебряном поле — / взошла весенняя луна» (хермеш заав би-сде а-кесеф — / ала йереах а-авив)[7].

Другим и более плодотворным новаторством Бялика стал перенос глаголов с семантикой «лить» на субстанцию света, то есть калькирование метафоры, присущей русскому языку. Интересно, что среди его поэтических метафор находим глагольные формы, заимствованные из Библии и хранящие память о своем изначально буквальном употреблении в связи с жидкостями, в первую очередь — водой. Так, в псалме читаем (я перевожу дословно, поскольку синодальный перевод вольный): «...я вошел в глубины вод, и водоворот затопил [возможно: смыл] меня» (бати бе-мамакей маим ве-шиболет штафатни; Теилим, 68:3), а у Бялика в стихотворении: «затопил меня свет!» (штафатни а-ора). Это стихотворение — «Бесенята утренней зари» (Цафририм), первое из написанных поэтом в Одессе летом 1900 года, объясняет читателю предпринятую автором смену контекста: «...в жидком свете, льющемся, изливающимся на мою спину». Собственно, Бялик рисует здесь солнечный свет утра и природу вообще в позитивном тоне, а не как было принято в религиозной традиции и воспитании детей[8], отчего сатанинские бесы (цафририм) утренней зари (цфира) превратились у него в милых игривых бесенят. Бялик видит их игру на всем, что блестит и отражает свет и зовет их: «Очистите меня, омойте меня...»

Тему волшебных существ света Бялик разовьет в поэме «Зоар» («Сияние», или «Зори» в переводе В. Жаботинского; Одесса, февраль 1901), название которой повторяет название важнейшего корпуса еврейской мистики. Об этих существах (Жаботинский называет их «малютки-лучи солнечного света») поэт скажет: «Из плаванья в солнечном свете на пути к воде и ниве мимо меня <...> они прошли». Эта поэма закрепит и разовьет новое для иврита употребление «жидкостных глаголов» и их производных при описании света. Иврит, носителями и творцами которого в рассматриваемый период были в немалой степени люди с русскоязычным мышлением, усвоил эти поэтические новшества Бялика, и вскоре их метафорическая окраска стерлась от частого употребления, как то произошло и в русском языке. Неудивительно, что Элишева и Леа Гольдберг широко пользуются подобными словосочетаниями, каждое из которых можно счесть калькой с русского.

У Элишевы в романе «Переулки» множество подобных примеров, вот три на малом пространстве текста: «потoki света прорывались наружу», «лампа лила белый свет», «сад, затопленный солнечными лучами»[9]. А вот пример из поэзии: «...свет лучей / затопил все...»[10] В двух последних случаях Элишева использует тот же глагол штаф, который мы выше видели в псалме в применении к воде и у Бялика в применении к свету.

Огігітдодіо Еіе Агеіііііііі

Другие примеры калькирования фразеологизмов и метафор у Элишевы и Гольдберг:

1. «Страх заползает в душу» — фразеологизм[11], подсказавший Элишеве метафорический глагол: «страхи, которые <...> поползут к ней из темноты углов»[12].

2. Эпитет «вольный» применительно к существительному «ветер» у Элишевы калькируется многократно и вариативно: (а) а-руах а-хофши («вольный ветер», причем существительное «ветер» у нее, как у многих мыслящих по-русски, мужского рода, тогда как норма иврита требует женского); (б) с использованием конструкции смихут: руах хофеш аль-пней а-маим («ветер воли над водой»)[13].

3. Фразеологизму «мысли теснятся», как кажется, не более двух столетий. «Словарь» Даля (1882) не дает возвратной формы глагола «теснить» (через «ять»), но в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» читаем: «Эта повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные».

Элишева калькирует выражение (меняя управление глагола: устаревший винительный падеж «в голову» на предложный — «в голове»): «...мысли, теснившиеся у него в голове и противоречившие одна другой»[14].

Глагол «тесниться» (нидхак) в современном языке получил значение «вытеснять», используемое в психологии, а потому в наши дни не знакомый с этим русским фразеологизмом читатель, скорее всего, понял бы предложение Элишевы неверно либо не понял бы вообще[15].

4. Леа Гольдберг калькирует идиому «солнечный зайчик»: «И маленькая солнечная зайчиха (арневет а-шемеш а-ктана), лежащая на дверном пороге, была растоптана ее широкой туфлей»[16]. Однако даже при богатом воображении трудно понять смысл ивритской фразы, если не знаешь этой русской идиомы.

5. В том же романе калькируется идиома «печать бедности»: «Печать бедности, которая не сотрется никогда»[17] — а также сопряженный с нею глагол «стирать (написанное)».

6. Эпитет «угловатый» неоднократно используется Гольдберг при описании худеньких девочек и девушек. Этот эпитет содержит в себе намек как на внешние контуры еще не сложившейся фигуры, так и на некоторую неуклюжесть движений. Гольдберг образует его от ивритского слова завит («угол») — мезуват: «Крон пытался представить себе этого длинного человека с младенцем на угловатых руках» (безероот мезуватот); «ее [девочки-подростка] острые, угловатые локти» (марпекейха а-хадим, а-мезуватим)[18]. Слово не прижилось, лишь однажды я встретила его в романе Хаима Бэзра.

7. Гольдберг калькирует фразеологизм «без пяти минут», смысл которого: «очень скоро станет кем-то» — «Без пяти минут герой из “Тысячи и одной ночи”» (бли хамиша регаим гибор)[19].

Фотопортрет Хаима-Нахмана Бялика

אֵיזוֹ עֵדוּת אֵינִי עֹשֶׂה לְרַחֵם אֶת הַיְּהוּדִים הַבְּרִיּוֹת הַלְלוֹת אֶת הַיְּהוּדִים הַבְּרִיּוֹת הַלְלוֹת אֶת הַיְּהוּדִים הַבְּרִיּוֹת

Здесь речь пойдет не о переписывании на иврите полюбившихся фрагментов русских стихов, но о тех образах, которые прочно вошли в речь русского человека со школьной скамьи, то есть в российской гимназии и прогимназии на рубеже XIX и XX столетий, а также из песен и романсов.

1. А. Пушкин: «Люблю я пышное природы увяданье, / В багрец и золото одетые леса» («Осень»), а в рассказе Элишевы читаем: «...рощи в окрестностях города, в великолепии лучших осенних своих одежд, расшитых золотом и багрецом» (а-хуршот ше-мисавив ла-ир, кулан бе-мейтав мальбушан а-стави, мерукам заав ве-шани)[20].

2. А. Пушкин: «Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник» и романс «Калитка» (на слова А. Н. Будищева, 1867–1916): «И черемух серебряный иней...», а в рассказе Элишевы читаем: «аллея бульвара, серебрящаяся морозной оберткой» (сдерат а-булвар а-махсифа бе-атифат-а-кфор)[21].

3. А. Блок: «И ночи синие бездонные...» («Незнакомка», 1906) — здесь эпитет «бездонные» является однокоренным слову «бездна», этимология которого связана со словом «дно». Это родство двух слов зафиксировано в поэтическом высказывании Ломоносова: «Открылась бездна, звезд полна; / Звездам нет счета, бездне — дна» («Утреннее размышление о Божием величестве», 1740-е годы). Однако ивритское слово тьом («бездна») не имеет с «дном» ничего общего. Им пользуется Библия для описания картины, предшествующей акту Творения: «...и тьма над бездною» (Берешит, 1:2). А в стихотворении Элишевы именно эта тьом (комментаторы объясняют: заполненная водой глубина) избрана быть эпитетом: «Как знак печали в бездне очей» (би-тьом эйнаим)[22].

4. А. Пушкин: «У Пелагеи Николаевны / Всё тот же друг мосье Финмуш, / И тот же шпиг, и тот же муж...» («Евгений Онегин»). Леа Гольдберг пользуется этой синтаксической конструкцией и помещает ее в прямую речь, как у предтечи пушкинского Онегина — Чацкого[23]. Ее герой, Эльханан Крон, после некоторого перерыва вновь попадает к приятелям и замечает: «А у вас, я вижу, всё тот же ландшафт и всё та же песня» (ото а-ноф ве-ото а-земер)[24]. И Грибоедов, и Пушкин стремились показать неизменяемость и застой светского бытия, и ту же мысль проводит Гольдберг, хотя у нее речь идет о жизни еврейско-немецкой интеллигенции, не желающей замечать перемен, дух которых начинает материализоваться в 1932 году в Германии.

נִי־צִאִי עַל אֲאוֹי־דְנֵעֵי־יָאֲבָצִי אֶ־דַּאי עֵאֹ־יָאֲבָאֲעֵאִי יָאֲבָצִי דֹנְנֵי־אִי יִי־יֹעֶ־אֲנֵי־אִי בְּעֵא

Н. В. Павлович в книге «Язык образов» приводит устоявшиеся сочетания реальных и метафорических категорий, используемые в русской художественной прозе и поэзии. Эти категории исследовательница называет парадигмами образов. Воспользуемся ими и к множеству вариаций внутри каждой парадигмы в русской словесности добавим образы, созданные Элишевой и Л. Гольдберг на иврите.

1. «Отождествление времени и воды»[25]

Элишева: «Вечер — как водный поток / В спокойном роднике» (А-эрев ке-зерем а-маим / бе-мааян менухот)[26].

2. Из парадигмы «Ткань → стихия»[27]:

Элишева: «Одеяло туманов синеватых...» (Ксут эдим кхалхалим)[28].

3. Из парадигмы «Вода → стихия»:

Элишева: «В вышине плывут обрезки облаков» (Бе-маром шатим гизрей ананим)[29] — русская стертая метафора «облака плывут» в иврите и ныне является сугубо поэтическим образом. Этот пример иллюстрирует соединение двух парадигм (2) и (3), поскольку слово «обрезки» указывает на представление облаков тканью.

4. Из парадигмы «Звук → стихия»:

Элишева: «Унеси меня на волнах песни» (аль галей а-шира)[30].

Гольдберг: «Мелодия фонарных огней (или света)» (мангинат орот а-панасим)[31].

עֵאֲעֻעָא יָא נֹוּעָא בְּעֵי־אִי־אִי־וֹבָאִי־עִי־אֵעִי אֶ־עִי־יֹעֶ־אֲנֵי־אִי יָאֲבָצִי

1. У Элишевы метафора «свинцовые тучи» и ахматовский образ «сероглазого короля» (1911) соединились в следующий поэтический зачин: «Свинцовые глаза (эйней-оферет) были у предмета моей любви — / тяжелая темная туча над днем моей юности»[32]; соединение дефисом слов «глаза» и «свинец» в конструкции смихут усиливает сходство с ахматовским сложным прилагательным.

Далее эта метафорическая картина развивается как лирическая тема и завершается так: «Порой спросят меня: отчего тебе осень мила / со свинцовым небом и грустью ее ветров? / И не знают они, не знают, что голос ветра — / голос возлюбленного моего. / Облачный небосвод для меня всегда — его глаза».

2. Идиома «время летит» в русском языке была разработана М. Лермонтовым в стихотворении «Пленный рыцарь» (1840). Поэт представил окружающие пленника реалии рыцарскими аксессуарами, и время превратилось в летящего под всадником верного коня:

Аוונו דרא אדאי י — י תע עי יו יאעצי אף יויע,

Оёай а цааддэи — джовоёа айёёоу,

Еай айёуе йайёёдуй — айиёеа нод ай у,

Уёо й тё — аайййуа ааадё оай тёоу.

Й аёиу аа айно драй ёаоо: ай адай й!.

В современном иврите метафорическая окраска сочетания «время летит» утрачена, но еще немногим более ста лет назад этот фразеологизм воспринимался как поэтический образ. И когда Элишева пишет: «Легок полет часов» (Каль маоф а-шаот)[33], она соединяет характерный для иврита, когда речь идет о быстром движении, эпитет «легкий»[34] с относительно свежим словом «полет» и создает новый образ. Возможно, на иврите ощущение новизны этого образа в те годы (стихотворение написано в 1928 году) усиливалось новизной и романтикой авиационных полетов. Насколько могу судить, этот образ не вошел в язык и остался авторской поэтической находкой.

3. В Словаре Даля прилагательное «девственный» объяснено так: «целомудренный, чистый, непорочный...» (см. «Дева»). А в Словаре русского языка С. И. Ожегова к слову добавляется переносное значение: «нетронутый, невозделанный» — и дается пример: «Девственная почва»[35].

У Л. Гольдберг в стихотворении, посвященном осеннему настроению и начинающемся строкой: «Есть запах сгнившего плода у этих дней...», читаем: «И к девственной бумаге (ве-эль бетулей-неяр) тянется карандаш / писать молитву о забвеньи...»[36] Семантическое единство поэтического образа бетулей-неяр (букв.: «девственность бумаги»), созданного сопряжением двух существительных, подчеркнуто дефисом.

Цитированные строки ивритского стихотворения родились слиянием привычного в русском языке выражения «девственно чистый лист бумаги» и слов Пушкина о поэтическом вдохновении из стихотворения «Осень» (1833): «И мысли в голове волнуются в отваге, / И рифмы легкие навстречу им бегут, / И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, / Минута — и стихи свободно потекут».

Приведенные примеры не исчерпывают возможности рассматриваемых текстов. Они наглядно показывают, что в художественной прозе и поэзии на иврите в 20–30-х годах XX века имело место интересное культурное явление. Речь идет об определенном круге авторов, которые писали, по выражению Леи Гольдберг, «на иврите, а не на святом языке», то есть иврит они воспринимали не как язык Б-жественного Откровения, а как просто один из языков, верный законам грамматики и исторического развития. Отсутствие фундаментального знания религиозных еврейских источников стимулировало собственное языковое творчество Элишевы и Гольдберг. Писательницы остро ощущали нехватку образности в возрожденном иврите, тогда как их культурное сознание тяготело к поэтизации высказывания, будь то стихи или проза. Не владея сокровищницей традиционной еврейской образности, они принялись — сознательно или нет, сказать трудно, — насыщать ткань своих произведений образами, заимствованными из русской устной и письменной речи. Элишева справлялась с этим с большим успехом, тогда как многие кальки Леи Гольдберг остались невнятными или нескладными. Вероятно поэтому, а также в силу юношеского увлечения русским символизмом и под влиянием символистской поэзии А. Шлионского Леа Гольдберг в 1940-х годах начала создавать свой сугубо индивидуальный поэтический язык, где русский подтекст привлекался все реже.

Рассмотренное явление позволяет заключить, что иврит поэзии и прозы в начале XX века стал текстовой диаспорой русских поэтических образов. В этой диаспоре русские идиомы и хрестоматийные поэтические строки переоблачились, и их связь с дальнейшим развитием русского языка прервалась. Зато во многих случаях они не только сохранились как казусы в устаревшем ивритском стиле, но и получили новую

жизнь. Их начали употреблять на письме и устно жители Страны Израиля, особенно те, кто был знаком с русским языком и потому чутко реагировал на совпадение образов по обе стороны языкового рубежа. И пусть сегодня трудно указать на первое появление того или иного ивритского образа-кальки, значение этого феномена в развитии иврита существенно.

[1]. См. о ней: *Копельман Э. Элишева: секрет успеха // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1 (19). С. 159–177. (<http://www.rjews.net/zoya-kopelman/articles/elisheva.html>).*

[2]. *Элишева. Анна Ахматова // Ктувим. № 21, 22. 14 и 21 января 1927 г.; Гольдберг Л. Аль Анна Ахматова (Об Анне Ахматовой) // Аль а-мишмар. 11 октября 1961 г.*

[3]. *Элишева. Мешорер ве-адам (Поэт и человек). Тель-Авив: Томер, 1929. Гольдберг Л. Александр Блок ве-а-шира а-русит а-хадаша (Александр Блок и новая русская поэзия) // Она же. Ми-дор у ме-эвер (Современники и не только). Тель-Авив: Сифрият поалим, 1977. С. 242–259.*

[4]. *Гольдберг Л. Аведот (Утраты). Тель-Авив: Сифрият Поалим, 2010. С. 16.*

[5]. *Там же. С. 38.*

[6]. *Элишева. Симтаот (Переулки). Тель-Авив: Хадар, 1977. С. 61, 66, см. тж. 278.*

[7]. *Элишева. Ялькут ширим (Сборник стихотворений). Сост. Х. Торен. Тель-Авив: Яхдав, 1970. С. 103.*

[8]. *Об этом свойстве традиции он подробно сказал в поэме «А-матמיד» (1893–1895), в рус. пер. В. Жаботинского — «Подвижник».*

[9]. *Элишева. Симтаот. С. 35, 36, 69.*

[10]. *Элишева. Ялькут ширим. С. 40.*

[11]. *Ср. у С. Н. Булгакова: «...страх жизни, смешанный со страхом смерти, заползает в душу...» (Интеллигенция и религия, 1908).*

[12]. *Элишева. Симтаот. С. 64.*

[13]. *Элишева. Ялькут ширим. С. 19, 21.*

[14]. *Элишева. Симтаот. С. 100.*

[15]. *О непонимании некоторых калькированных образов свидетельствует такое курьезное примечание израильского профессора Гилеля Барзеля, человека весьма образованного, но сабры. Барзель объясняет словосочетание симта арвит, которое у Элишевы однозначно расшифровывается как «вечерний переулок», а на классическом иврите может быть прочтено как «арабский / аравийский переулок», и пишет: «Имеется в виду переулок с восточным обликом, где жили китайцы и армяне и который отличался особой атмосферой» (Элишева. Симтаот. С. 41). Проведя первые 30 лет жизни вблизи Армянского переуллка в Москве, свидетельствую: ничем ориентальным это место не отличалось. А китайцы в 20-х годах XX века в Москве, кажется, не проживали.*

[16]. *Гольдберг Л. Аведот. С. 30.*

[17]. *Там же. С. 20.*

[18]. *Там же. С. 82, 98.*

[19]. *Там же. С. 80.*

[20]. *Элишева. А-шалшелет (Череда) // А-доар. Нью-Йорк, 1928. № 20. С. 313.*

8.

[21]. Элишева. *Малка ле-иврим (Царица евреев) // Малкат а-иврим. Хайфа: Сифрон, 1930. С.*

[22]. Элишева. *Ялькут ширим. С. 96.*

[23]. Чацкий: «Ну что ваш батюшка? всё / Английского клоба / Старинный, верный член до гроба? <...> А тетушка? всё девушкой, Минервой?» (Грибоедов А. *Горе от ума. Действие 1, явл. 7*).

[24]. Гольдберг Л. *Аведот. С. 72.*

[25]. Павлович Н. В. *Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Азбуковник, 2004. С. 43 и след. Ср., напр., у Мережковского: «Струится вечер надо мной...» («Вечер», 1884). Интересно, что эпитет «быстротечный» с понятием «время» находим еще в «Толковом словаре» В. Даля (см. «быстрый»).*

[26]. Элишева. *Ялькут ширим. С. 34.*

[27]. *Эту и последующие парадигмы см.: Павлович Н. В. С. 413.*

[28]. Элишева. *Ялькут ширим. С. 33.*

[29]. *Там же. С. 46.*

[30]. *Там же. С. 33.*

[31]. Гольдберг. *Мукдам у-меухар (Раннее и позднее). Тель-Авив: Сифрият Поалим, б/г. С. 9.*

[32]. Элишева. *Ялькут ширим. С. 27.*

[33]. *Там же. С. 98.*

[34]. Ср. «И легконогий не спасется бегством» (Амос, 2:15), «...не легким (в синодальном переводе: «не проворным») дается быстрый бег» (Коелет, 9:11), и часто в более поздних текстах, в т. ч. в Талмуде.

[35]. *Употребление эпитета на рубеже XIX–XX веков расширяется. У В. Брюсова: «Я не знаю других обязательств, / Кроме девственной веры в себя» («Обязательства», 1898); у А. Блока: «Они давно меня томили / В разгаре девственной мечты» («Сытые», 1905).*

[36]. Гольдберг Л. *Мукдам у-меухар. С. 15.*

ГОТОВЬТЕ СПИСКИ!

Борис Клин

Свои нацисты есть в любой стране. Они и в Израиле есть. И в Европе. Процентом 7–8 населения подвержены этой заразе. В России нацисты долгое время считались моральными уродами. Приличные СМИ, политические партии и общественные организации, и просто обычные, нормальные люди брезгливо отворачивались от них. Так было. Но за последний год ситуация радикально изменилась. В России нацизм стал уже не просто модным, а и вполне respectable.

То, что нацизм в России перестал быть маргинальным явлением, бесстрастно фиксируют социологические опросы. По данным «Левада-центра»: 58% населения поддерживают лозунг «Россия для русских!», 56% считают возможными кровопролитные столкновения на национальной почве, 38% нейтрально относятся к понятию «национализм», а 8% — положительно. Фонд «Общественное мнение»

дополняет картину такой цифрой: 49% положительно относится к лозунгу «Хватит кормить Кавказ!».

Социологи отмечают, что 48% поддерживают возвращение в паспорт знаменитого «пятого пункта» —

«национальность».

Изменились и настроения политической элиты. Причем сразу и на разных флангах. Либеральная оппозиция, отбросив приличия, охотно принимает помощь нацистов в своей «борьбе за конституционные права граждан». Нацисты стали участвовать в их несанкционированных акциях в Москве, а лидеры либералов отправились на «Русский марш». Недавно член Общественной палаты Алла Гербер сокрушалась: «Владимир Милов, интеллигентный человек, и вдруг пошел на “Русский марш”!» А «интеллигентный человек» и, между прочим, бывший заместитель министра энергетики Владимир Милов

охотно объяснил свое участие в акции нацистов: «Даже на либеральной радиостанции “Эхо Москвы” 89% слушателей поддержали лозунг “Хватит кормить Кавказ!”, а более 60% на сайте “Эха” не считают национализм главной угрозой. Избирателей не обманешь». Другой лидер либералов, «несгибаемый борец с коррупцией» Алексей Навальный, даже вошел в оргкомитет «Русского марша», вместе с Дмитрием Демушкиным, возглавлявшим запрещенную организацию «СС» («Славянский союз»).

Но не только оппозиционеры проявляют интерес к нацистам. 4 ноября в московском горкоме «Единой России» состоялась встреча одного из лидеров партии, главы думского комитета по труду и социальному развитию Андрея Исаева с представителями Конгресса русских общин (КРО). В 2007 году Исаев заявил, что допускает возможность сотрудничества с лидером КРО Дмитрием Rogозиным, если он порвет отношения с националистом Андреем Савельевым. Вот прошло четыре года, и посол России в НАТО, неформальный лидер КРО, приводит на встречу с Исаевым своих соратников. И среди них — Андрей Савельев. Чтобы было ясно, каковы взгляды этого человека по «еврейскому вопросу», почитайте его статью «Евронигилисты». В ней Савельев обвиняет евреев в нелояльности своему государству, а вину Бейлиса в ритуальном убийстве считает доказанной. Ну так вот, Rogозин с Савельевым не порвал. Савельев пришел на встречу с Исаевым, отметив, что «впервые за 20 лет власти встретились с русской национальной организацией». Андрей Исаев встречу не прервал, Савельева выгонять не стал, подискутировал с ним как человек демократических взглядов. И с Rogозиным сотрудничество будет продолжаться. КРО и «ЕР» договорились совместно добиваться признания русского языка в качестве официального для Евросоюза.

Словом, тенденция понятна. И власти, и либералы готовы заигрывать с набирающими популярность нацистами. Не остаются в стороне и СМИ. Дмитрий Воскобойников, известный журналист-международник, публикует в «Комсомольской правде» статью «Над пропастью во лжи». Пишет, как коварные евреи провоцируют американскую агрессию против мирного Ирана. В качестве послесловия написал, что его статью не следует воспринимать «под углом антисемитизма», тем более что у него, автора, «много друзей-евреев». Да не под «углом» ее надо воспринимать. Это обыкновенная антисемитская статья, в которой даже не упоминаются обещания президента Ирана уничтожить Израиль. Но его попытка оправдаться и объяснить, что он не антисемит, мне нравится. Еще не все потеряно, и идея, которую я хочу предложить еврейской общине в качестве средства борьбы с нарастающей волной нацизма и антисемитизма, может еще сработать.

Я уже писал в «Лехаиме», что статью 282 Уголовного кодекса лучше отменить, поскольку судить за слова негоже. Слова и мысли этим не изменить, к тому же не стоит создавать дурные прецеденты. Уже была попытка прилечь евреев за издание «Кицур Шульхан аруха»... Не стоит превращать в мучеников обыкновенных негодяев. Но и делать вид, что ничего не происходит, — не самая разумная позиция. Равно как и полагать, что борьба с антисемитизмом — не дело евреев. Антисемитизм был, есть и будет проблемой евреев, он по меньшей мере, отравляет жизнь евреям, а в конечном счете угрожает безопасности каждого еврея. Кстати, тезис о том, что борьба с этим явлением — не дело евреев, поскольку среди них нет антисемитов, мягко говоря, ошибочный.

Я думаю, антисемитов надо сделать людьми нерукопожатными. И в России, и за границей множество людей, которые с презрением отвернутся от тех, кто замарал себя пропагандой нацистских взглядов. Но ведь за последние 20 лет в России лишь один антисемит, главный редактор запрещенной газеты «Русь православная» Константин Душенов, прямо, публично без обиняков и экивоков признавал себя антисемитом. Остальные же предпочитают маскироваться. Они выступают то в качестве борцов с сионизмом и «агрессивной израильской военщиной», то разоблачают мифические еврейские заговоры и мифическое «мировое правительство», члены которого носят, в соответствии с фантазиями антисемитов, характерные фамилии. Так вот, чтобы деятельность разного рода юдофобов была ясна и понятна всем, необходимо с определенной периодичностью составлять списки антисемитов. И заниматься этим следует на уровне официально зарегистрированных и признанных, авторитетных еврейских организаций. Чтобы такие списки не выглядели дурацкой самодеятельностью на уровне анонимных или самозванных «общественников». Это должен быть список, утвержденный руководством ФЕОР. А возможно, даже сразу несколькими крупными еврейскими организациями. Чтобы ни у кого не было сомнений, что это — официальная позиция еврейской общины страны. Такой список должен публиковаться на официальных сайтах, в официальных изданиях организаций и вообще максимально широко, хотя бы и на правах рекламы. В этот список должны включаться как фамилии тех или иных деятелей, так и организации, государственные, коммерческие, общественные, религиозные, политические партии, театры, учебные и научные заведения и т. д. Попадание в такой список может повлечь весьма неприятные последствия, не уголовного, а морального и делового характера. Скажем, фигуранты перестанут мелькать на различных светских раутах и правительственных мероприятиях, их просто не будут туда приглашать, вынудят уйти в отставку с каких-либо серьезных постов, как в бизнесе, так и в некоммерческих структурах. Они не будут желанными гостями популярных телевизионных и радиопрограмм. А если и будут, то некоторые

предприниматели задумаются, стоит ли размещать рекламу своих товаров и услуг в СМИ, где дают слово гитлеровским недобиткам. Кстати, о предпринимателях. Многие ведь ведут дела с иностранными партнерами. А захотят ли их там видеть в таком качестве, если они окажутся в подобном списке? Если за границей их будут встречать пикетчики с лозунгами «Антисемиты, убирайтесь отсюда!»? Ведь не так уж трудно передать эти списки зарубежным еврейским или правозащитным организациям, да и опубликовать их в иностранных СМИ. Собственно, именно общественная реакция и сделает этих людей нерукопожатными. Их просто не будут принимать в приличных домах.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: «ТЕМА АНТИСЕМИТИЗМА УШЛА»

А́аааа́ а́ааа́ Ì èõàèè́ ÿáàèÿøòàéí

Ø:áñòíèèè ì èòèíáà «Çà :áñòí ùá áñáíðù» íà Áíèíðííé íèíáàèè.

10 ááèááðÿ 2011 ááà

Ì ÈÕÀÈÈ ÿÁÀÈÿØÒÀÉÍ О думских выборах 4 декабря сказано уже очень много. Но есть ли у них какая-то специфическая «еврейская история»?

ÁÁÁÁÍ ÈÈ ÑÀÒÁÍ ÍÁÑÈÈÈ Еврейская тема на выборах, прямо скажем, не педалировалась. Даже традиционно не самые проеврейские партии: КПРФ, давно превратившаяся в партию националистическую, с тяжелым антисемитским душком, «Справедливая Россия», которая, впитав в себя партию «Родина», приобрела большое количество людей с синдромом ущемленного еврея великоросса, — получили немало еврейских голосов, поскольку идеология на этих выборах уступила место протестному голосованию.

Антисемитские лозунги в ходе избирательной кампании не звучали, тема ушла. И даже когда они звучат — это такой «теоретический» еврей, «теоретический» Израиль, нечто виртуальное, вроде бы существующее где-то за морями, за долами. Реально присутствуют темы национализма, ксенофобии, тема жесткого противостояния мигрантов и коренного населения. И это понятно — мы видим в Москве несколько лет подряд коллективные намазы по несколько десятков тысяч человек, организуемые явно для того, чтобы продемонстрировать властям: «Мы сила, с нами надо считаться». Увы, инициаторы этого действия имеют большой опыт организации массовой нелегальной миграции на Черкизовский рынок, а также оптовой торговли афганским героином, но этого вряд ли достаточно, чтобы занять серьезное место в российской политической элите.

ИИ Не кажется ли вам, что все дело здесь не в злой воле организаторов, а в количестве мечетей, строительству которых сопротивляется как московская власть, так и московское население?

АИ Не кажется. По той простой причине, что потребности в коллективном намазе в России не было еще несколько лет назад. Как говаривал Юрий Лужков в бытность свою московским мэром, всякий путч есть большое хозяйственное мероприятие. В этих намазах есть все признаки такого «хозяйственного мероприятия». Если нужно молиться непременно в районе старой соборной мечети, то почему никто не попросил у московских властей разрешения использовать для этих целей «Олимпийский», где все эти люди спокойно помещаются и не стоят при этом на коленях в грязи под дождем?

ИИ Авигдор Либерман заявил, что российские выборы были достаточно прозрачными, и, таким образом, не поддержал тех западных лидеров, кто, как Хиллари Клинтон, указывал на многочисленные нарушения. Почему?

АИ Хиллари Клинтон не поддержали и депутат кнессета Фаина Киршенбаум, и все остальные израильтяне, наблюдавшие за выборами. Либерман из-за своего заявления подвергся резкой критике внутри Израиля со стороны людей, не понимающих, что существует разница между ними и министром, которому предстоит минимум шесть, максимум двенадцать лет иметь дело с будущим президентом страны, куда он приехал с визитом.

Нет государства, где выборы хороши. Они и в Израиле плохи. Давайте вспомним знаменитые праймериз в «Кадиме», когда Шаулю Мофазу не хватило, чтобы стать лидером партии, ровно столько голосов, сколько сгорело вместе с урной на участке, где голосовали бедуины, явно его поддерживавшие.

ИИ Вы говорите про шесть—двенадцать лет президентства Путина. То есть запись в твиттере бывшего кандидата в президенты США Джона Маккейна «Влад, арабская весна уже у твоих границ» вам не представляется реалистичным прогнозом?

АИ Сенатор Маккейн — человек очень достойной биографии. Он не виноват, что он старый дурак. При катапультировании вы неизбежно бьетесь обо что-то головой, это и советских офицеров превращает с возрастом в таких же маразматиков.

Никаких цветных революций в России не будет по той простой причине, что в России есть генетическая память. Мы уже были в этом кино, уже наступали на эти грабли. Мой прадедущка, Илья Маркович Фрейдин, был винным королем Екатеринослава. Любавичский Ребе за пару лет до смерти с глубокой нежностью вспоминал его как одного из своих важнейших спонсоров. Но прадедущка был прогрессивным человеком и кроме хасидов поддерживал еще и большевиков. Ему очень крупно повезло, его не расстреляли, он умер от голода в эвакуации. Многим повезло гораздо меньше... Так что мы помним, какая это резня, как замечательные, достойные люди превращались в палачей, как их сменяли уголовники. Любому, кто подталкивает страну к повторению чего-то подобного, — кол осиновый, если не в могилу, то при жизни.

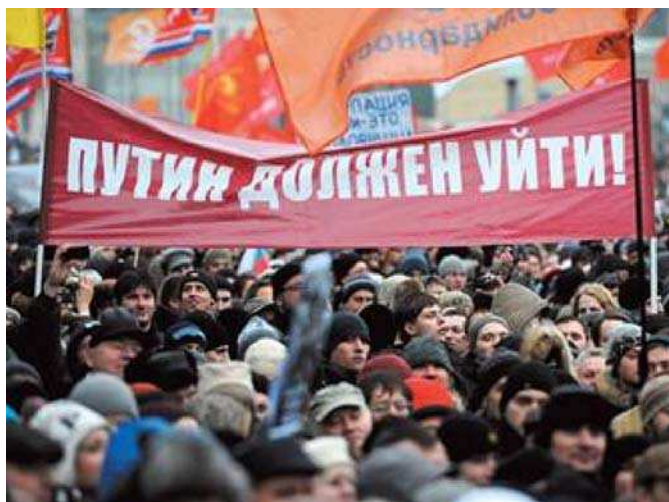
Когда естественный ход эволюции подменяется ее ускорением, ничего хорошего из любой, самой замечательной демократической риторики не выходит. Конечно, всем хочется сразу стать взрослыми, без подростковых прыщей. Но если вы, как Хоттабыч, выдираете волосок из бороды со словами «крэкс, пекс, фекс», то демократия у вас от этого не появится в виде либеральной, гуманной, уважающей права меньшинств системы власти. Демократия на Западе — это абсолютное исключение. А не хотите такую демократию, как в Ливии или секторе Газа?

И в возвращении Путина ничего невероятного нет. Оно имеет такие аналоги, как возвращение Черчилля, Бен-Гуриона или де Голля: инстинкт власти у них был силен, а политическое поле полно пустопорожних конкурентов. Недаром Черчилль называл своего сменщика Клементу Эттли, при котором империя развалилась, «овцой в овечьей шкуре». Другое дело, что уходить во второй раз будет гораздо сложнее, но это уже проблема того, кто вернулся, не увидев другого выхода.

Речь не о демократии, речь о стабильности. Население предпочитает жить не в нищей, но «великой» стране, а с гарантиями для детей и внуков, с дорогами, как в Канаде, с медициной и пенсионным обеспечением, как в Европе. Поэтому не будет резни, не будет погромов, будет эволюция.

И А население видит в нынешней власти тех, кто способен отстроить нормальную пенсионную систему и дороги, как в Канаде?

А Население видит в нынешней власти меньшее из зол. Народ в России всякую власть рассматривает как врага, справедливо полагая, что любая власть смотрит на Россию как на страну ею, властью, оккупированную. Этот стандарт отношений власти и народа восходит еще к варягам. Не случайно евреи называли норманнскую Русь Ханааном, потому что правители здесь продавали своих подданных в рабство. Далее появилась вертикаль власти, встроенная в империю Чингисхана, где правила были схожими: не заплатил налог — сам иди в рабы. А русские князья копировали ордынскую систему до мелочей, до титулатуры. С чего бы им на подданных смотреть по-другому? А третья составляющая — это Византия. Ведь христианство Россия заимствовала не у первого Рима, а у второго, которым безраздельно правили чиновники. Это и есть три столпа, на которых стоит нынешнее наше государство.

Ὁ: ἀποτέλλει ἡ ἐδοεία «ἡ ἀποίτια ἀτάκτου» τὰ Αἰετοίτε ἰεῦταῖε.

10 ἡεῖαῖδῦ 2011 ἡῖα

Иногда даже оказывается, что в рамках этой системы многое может измениться. Ну, например, можно провести нормальные выборы, которые если и сфальсифицированы, то на ничтожную толику. Потому что если б они были по-правильному сфальсифицированы, то никто бы не пикнул, не было бы

никаких наблюдателей, «Единая Россия» получила бы свои 65–70 % и оппозиция не прорывалась бы в эфир.

Конечно, это эволюция, и эволюция бешеная. А как развивался парламентаризм в Англии, Франции, Америке? Там что, не было бунтов, гражданских войн, работоторговли, продажи и перепродажи мест в парламенте?

И Насчет степени сфальсифицированности выборов можно, конечно, поспорить...

А Поспорить можно. Но половина населения, не пришедшая на выборы, — это факт. «Единая Россия», взявшая меньше половины голосов, — это факт. Протестное голосование за «Справедливую Россию», которой вообще прочили балансирование на грани, за ЛДПР и КПРФ — это факт. Это и есть

эволюция. Когда такой эволюции нет, ты гордишься до последнего своими 80 %, а потом в лучшем случае

бежишь из страны со всем награбленным, а в худшем — сидишь в клетке и тебя судят либо попросту рвут на куски, как Каддафи.

Путин — человек умный, на инстинктах многие вещи делающий. Если бы он не понимал, что происходит, то не перестал бы появляться на публичных мероприятиях после того, как пиарщики умудрились запихнуть его на бои без правил, где его и освистали, а потом усугубили ситуацию, начав рассказывать, что это освистали не его, а вовсе даже Монсона. Ну сколько можно эксплуатировать один и тот же прием? Артисты знают, что надо менять репертуар. Политик — это тот же артист. И понимать это дано тем политикам, которые умеют до конца оставаться у власти в качестве великих лидеров.

И Медведев, как мы знаем, довольно давно проходит в блогах под кодовой кличкой «Жалкий». Есть ли у Путина внутренний ресурс, чтобы сменить репертуар и не стать «Жалким»-2?

А Жалким он не будет. Другая школа, дворовая закалка много дает. Есть огромная разница между воспитанной в уюте и умеющей себя вести болонкой и охотничьей лайкой с волчьими генами и опытом выживания в лесу. Огромная проблема Путина в том, что он не убирает людей, не ротитует их. Так, Мутко давно пора бросить на преподавание английского языка, вероятно, есть какие-то места, где пригодятся братья Фурсенко или Татьяна Голикова. Надо менять людей, что делать.

И Так способен ли Путин на это?

А Увидим. Стартовый капитал у Путина есть, у него хорошая голова, он гораздо лучше, чем очень многие, кто мог бы оказаться на его месте. И то, что произошло на выборах, — может, это хуже, чем хотелось бы, но много лучше, чем могло быть.

И А митинг на Болотной может как-то повлиять на ход президентской кампании или все будет предсказуемо: очевидный фаворит, который и победит с большим отрывом?

ЕС Митинг на Болотной, как и все прочие митинги, ни на что, конечно, всерьез не повлияет. Власть и оппозиция впервые за много лет нашли реальный механизм для выпуска пара — и это хорошо. Власть теперь придется действовать более гибко и тонко — это тоже хорошо. Но кардинально ситуация не изменилась — действительно есть очевидный фаворит, который одержит убедительную победу. Причем Путин победит даже более убедительно, чем «Единая Россия» 4 декабря, он получит голоса многих избирателей, которые на парламентских выборах голосовали за «Справедливую Россию», ЛДПР или даже КПРФ. Это ведь не тот лидер, которого должна подпирать партия, наоборот, он сам за счет своей популярности увеличивал ее рейтинг. Путин отдельно от «Единой России» вполне самокритичен, он чувствует ожидания избирателей — и, конечно, он победит.

В то же время лидеры других партий, в отличие от предыдущих президентских выборов, не стали выдвигать своих шоферов и телохранителей, решив баллотироваться сами. Может статься, что впервые с 1996 года власти придется вести настоящую предвыборную кампанию, затрачивая нервы и мозги.

И Какой-то неожиданный кандидат, например, Кудрин, может еще как-то повлиять на расклад?

А Правоцентристская партия очень нужна, и последовательный монетарист Кудрин, конечно, более удачный лидер для нее, чем Прохоров или Митрохин — не говорю уж о Немцове или Касьянове. Но он не просто многолетний сотрудник Путина — он его личный друг. Да, он нарушил производственную дисциплину и был уволен, а Путин не стал его спасать, как он, по-видимому, предполагал. Ну что ж, еще один плюс Путину — он не злоупотребил своим влиянием, оспаривая право президента уволить министра. Но вы всерьез считаете, что они после этого стали врагами и теперь Кудрин готов на любую пугачевщину?

Кроме того, Кудрин не президентоизбираем. Конкуренцию Путину может составить только абсолютно новый человек, а Кудрин, столько лет бывший министром, едва ли может считаться таковым. Если говорить об известных персонажах, то скорее уж речь в этой связи можно было бы вести о Чубайсе или, на другом фланге, о Рогозине. Но оба они тоже находятся в хороших отношениях с Путиным и баллотироваться, безусловно, не станут.

АИ Можно ли сказать, что после серийного опыта арабских революций власть лишилась одного из главных средств манипуляции общественным сознанием — через традиционные СМИ, что наступила принципиально новая эра политической свободы?

ЭАД Это безусловно так. На моей памяти власти дважды опаздывали с осознанием принципиально новой информационной ситуации. Первый раз — в августе 1991 года, когда ГКЧП предпринял попытку остановить распад СССР. Решили по телевизору транслировать свои указы, но совершенно не учли того обстоятельства, что уже тогда у людей в квартирах имелись факсы, ксероксы, и они без особого труда и догляда органов могли сами множить и распространять информацию. Я помню: буквально в тот же самый день, когда ГКЧП выступил, все метро было обклеено воззваниями к народу, листовками, речевками, которые сыграли тогда большую роль. Власти, как всегда, не понимают, что им не все принадлежит в этом мире. В тех событиях, которые происходят в последние дни, они тоже совершенно не учли развития событий, того, что будет происходить в социальных сетях. Хотя, казалось бы, сами и Твиттером пользуются, и Фейсбуком, и Интернетом. Мне думается, они просто психологически не могут смириться с тем, что контролируют не все информационное пространство.

АИ Сегодня многие имеют двойное, тройное гражданство, и евреи здесь в числе первых. Считать человека гражданином той или иной страны только по паспорту — уже некий анахронизм. Означает ли это, что уходит и чувство гражданского долга, связанное с понятием Родины? Следует ли евреям с несколькими гражданствами и повышенным чувством долга воздержаться от посещения митинга 24 декабря, тем более что их предки дискредитировали себя в годы революционных преобразований?

ЭАД На этот вопрос коротко не ответишь, но думаю, что это одновременно и так, и не так. Тут не следует обобщать. Я привык считать себя современным человеком, а значит, человеком, принадлежащим всему миру. С другой стороны, это, конечно, анахронизм. Всякое гражданство, всякое архаическое ощущение из слагаемых: Родина, колхоз, деревня... Все это ушедший рудимент крестьянского сознания. Но я живу здесь, в пространстве бытования моего языка, внутри которого сформировался как личность (социально, творчески, как угодно), и все, что происходит на этом пространстве, в моем родном городе, для меня всегда будет важно, всегда будет волновать. И я, конечно же, в этом смысле, ощущаю свою гражданскую ответственность. Что касается второй части вопроса. В годы революции, Гражданской войны и в последующее время дискредитировали себя все, а не только евреи. Евреи в этой ситуации совершенно не исключение. Нельзя забывать, что народ большевиков принял и теперь вполне расплачивается за это. Только те евреи, о которых вы говорите «революционеры», «чекисты», «комиссары», — на мой взгляд, да и, по-моему, с точки зрения традиционного еврейства перестали быть евреями. И сами себя евреями не ощущали. Почему же не ходить на митинги, если это моя страна, мой город? Я носитель, я сумма тех или иных убеждений, почему по непонятным для меня причинам я должен их скрывать?!

АИ Для России вопрос соотношения мыслящего меньшинства и управляемого большинства не просто актуальный, это вопрос роковой. Среди тех, кто сегодня протестует, есть люди, обладающие немалым капиталом. Имеют ли они моральное право использовать все доступные им рычаги для противостояния власти?

ЭАД А почему не имеют? Если это капитал честный, заработанный честным трудом, то им и распоряжаются ровно так, как хотят. В том числе используя его и как рычаг влияния на различные социальные группы для противостояния власти. И потом, кроме капитала буквального существует ведь еще и капитал, в который включаются такие вечные понятия, как «честь», «достоинство», «репутация», «талант», «опыт», «образованность», иные социально-значимые критерии, которые также инвестируют в свою общественную деятельность, в зависимости от темперамента и амбиций личности.

АИ Революционный опыт России говорит нам о том, как важно вовремя остановиться: если бы за Февралем 1917-го не последовал Октябрь, мы жили бы в совершенно другой стране. Как не переступить «черту допустимости» в нынешней «революционной ситуации»?

ЭАД Ответа на этот вопрос нет. «Черта допустимости» — понятие размытое, требующее целого ряда уточнений, тем более во времена «революционной ситуации». Сослагательное наклонение в истории не работает. Опыт человечества, к сожалению, показывает, что общество вообще, а российское в особенности на своих ошибках не очень-то учится. Однако я, как исторический оптимист, все-таки надеюсь на то, что наше общество поумнело за годы свободы и найдет в себе силы остановиться именно там, где надо.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֶחָד וְאֵין כְּמוֹתָיו וְאֵין שִׁבְעִים שָׁמַיִם וְאֵין מִלְּפָנֶיךָ מִי כָמוֹךָ וְאֵין מִלְּפָנֶיךָ מִי כָמוֹךָ

עֲשֵׂה לָנוּ מִצְוֹתֶיךָ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ;

אִי אֵין כְּמוֹתָיו «Закон страны — закон!» — казалось бы, это уложение не должен оспаривать ни один соблюдающий еврей. Но в переломные моменты истории той или иной страны завтра может появиться новый закон, и тогда евреи могут оказаться его жертвами. Что говорят наши мудрецы в таких случаях?

עֲשֵׂה לָנוּ מִצְוֹתֶיךָ Тут есть маленькое «но»: «закон страны — закон!» касается в первую очередь социальной и экономической жизни, он не связан с политическим устройством. Вы задаете вопрос, исходя из некой презумпции, что закон страны меняется. На то и существуют раввины, чтобы задавать им «раввинские вопросы». Они скажут, как быть в том случае, когда меняется закон страны. Люди в данном случае должны ориентироваться на мнение экспертов. А раввин — это и есть эксперт, знаток еврейского законодательства. И его главная задача — соотносить реальность с законом. Давать свои рекомендации, находить оптимальное решение в рамках еврейского закона. Но раввин ведь тоже человек, и у разных раввинов могут быть разные точки зрения. Поэтому существуют рекомендации иметь своего раввина, к которому вы обращаетесь и который вам скажет, как правильно себя вести. В противном случае вы будете метаться от одного эксперта к другому. Поэтому на ваш вопрос я могу ответить так: реальность меняется, и меняющаяся реальность требует соответственной модели поведения. Эта модель поведения строится на основе собственной совести и консультации с раввином.

אי Как понимает соблюдающий еврей такое понятие, как «горячее время»? Что он должен делать, когда возникает необходимость выбора? Ведь понятно, что ментальность наша изменилась, канули в прошлое времена штетла, современный еврей — это, прежде всего, человек Большого города, у которого есть свои политические симпатии. Должен ли он их скрывать?

עֵין Поведение еврея не конъюнктурно в том смысле, что оно всегда опирается на одни и те же принципы, на которых строится отношение к происходящему и которые тоже не конъюнктурны. Еврей по определению — носитель миссии служения. Исходя из того, каким образом он понимает свою миссию служения, исходя из того, на базе чего выстроено его служение, что является приоритетным, он себя и

ведет. Это не зависит от того, что и где происходит, в местечке или в Большом городе. Это не зависит от того, в какое время мы живем, в индустриальную или постиндустриальную эпоху. Еврей — он и при феодализме еврей, и при рабовладельческом строе. Мне кажется, сами того не желая, вы затронули проблему гораздо более существенную, чем та, к которой подбирались. Я имею в виду аутентичность традиционного еврейского восприятия, почти отсутствующую нынче даже у практикующих иудеев. Эти люди в большинстве своем воспитывались в ассимилированных, зачастую смешанных семьях. Хотя мировоззрение у них вполне еврейское, мироощущение мало чем отличается от тех людей, среди которых они живут. И как следствие, их поведение и реакция подобны реакциям того социального слоя, в котором они находятся. К сожалению, это не имеет отношения к еврейству. И с моей точки зрения, самая большая проблема заключается в том, что люди не учатся ничему. Вместо того чтобы закрепить печальный урок участия евреев в социальных и экономических преобразованиях в разных странах, вспомнить, какую цену за это платили, евреи занимаются, может быть, вполне насущными и важными делами, но лежащими вне рамок служения Творцу. Тут уместно было бы вспомнить знаменитую максиму: «А как это будет для евреев?», смысл которой был очевиден для всех поколений наших предков. Сегодня евреи, живущие в разных странах, не понимают этой максимы. И это большая проблема.

АИ Какое счастье, скажут евреи, что 10 декабря суббота закончилась через четыре минуты после митинга. Несомненно, счастье. Но если вдруг, что называется, приперло, как быть верующему еврею, чтобы не нарушить Закона? Я знаю, что ярые израильские болельщики иногда ночуют вблизи стадионов, чтобы не нарушить закона Субботы. Мог соблюдающий еврей заранее прийти на Болотную площадь?

ЕА Соблюдающие евреи не ночуют возле стадиона. Есть, правда, некая прослойка людей, относящихся в Израиле к «традиционным», то бишь к людям, соблюдающим определенные элементы еврейской традиции. Не думаю, что они здесь могут выступать в роли «соблюдающих евреев», так как набор элементов, которые «традиционные» принимают во внимание, индивидуален у каждого из этих людей. Эти в современной России будут действовать точно так же, как в Израиле. А что касается религиозных евреев, то я уверен, что ни один из них на Болотной площади не был. По одной простой причине. То протестное движение, которое сейчас развивается в Российской Федерации — движение крайне разношерстное. К тому же, к моему величайшему удивлению, люди консолидируются вокруг протеста, а не некой позитивной программы. Что неизбежно, потому что позитивная программа практически у всех составляющих протестное движение абсолютно разная, взаимно исключаящая друг друга. А мы прекрасно знаем: если протест оказывается удачным, начинается следующий этап, когда все выясняют, что же им теперь делать. Вот тогда-то и начнутся большие проблемы, и любой вменяемый религиозный еврей это понимает. Именно поэтому участвовать в подобного рода мероприятиях он не будет.

АИ Вы наверняка видели в Фейсбуке, сколько откликов собрал пост Боруха Горина. Я обратил внимание на коммент Семена Парижского, с Борухом Гориним категорически несогласного, который в ответ на коммент Марины Аршиновой: «В отношении позиции — все правильно, полностью согласна, но есть вещи, о которых громко не говорят» — черкнул, что вообще-то в таких ситуациях евреи должны говорить между собою на идише: «он, между прочим, для этого и придуман». А сегодня у евреев есть такой язык? Или бакинский еврей будет говорить по-азербайджански, грузинский — по-грузински?

ЕА Здесь все зависит от уровня еврейской образованности. Слава Б-гу, сегодня мы можем говорить на разных еврейских языках в разные моменты жизни. Те, кто в своем национальном становлении дошел — не говорю до высокого — до определенного уровня, вполне могут обсуждать еврейские проблемы на еврейском языке. Тут дело в исходной позиции Марины и Семена, как бы слегка подтрунившего над нею. Обратите внимание, Марина понимает, что сегодняшнее настроение нееврейской публики отнюдь не благоприятно для евреев, и поэтому боится, чтобы кто чего со стороны не узнал. Пусть это будет внутриеврейская семейная разборка, советует она Боруху. Семен считает не так, он не боится: «Ваша картинка — это и есть окончательная победа ксенофобов и антисемитов». Но дело-то не в этом. Вспомните, с чего начал Борух: «Послушайте и попытайтесь услышать!» Борух Горин в Фейсбуке говорит: ребята, займитесь своими делами, у нас уйма проблем, мы выходим из состояния медленной, мучительной реабилитации, по существу — из комы, расставьте наконец иначе приоритеты. Провокативная форма, в которой он излагает свои мысли, на самом деле меня мало волнует. Но если я правильно «услышал» Горина, его главный посыл таков.

ΑΑΝΝΟΥΑΝΘΑΙ ΪΓΑΑΕΑΕΙ ΕΡΑΑΕ ΕΑΑΕΝΘΑΕΡ

Αίτᾱ Γὰδεῖτῆαῦ, ἢ ἀβεῖθ Εἶ «Ἐτὶ ἰ ἀννῖοῦ», ἐεὸ ἀδαὸ ὀδὶ ἡε εἰεὸ εἶε;

Αἶ Не кажется ли вам, что случившееся с 5 по 10 декабря — полная неожиданность для руководящего «тандема»? Удивленная власть будто решила на ходу перестраиваться, и эти ее примирительные па — уже готовы торговаться, и не только с «яблочниками», — в какой-то степени залог бескровного разрешения ситуации? Или продвинутую молодежь не купить «откатами»?

Αίτᾱ Γὰδεῖτῆαῦ Я не политический аналитик и не то чтобы так уж пристально следила за поведением наших начальников, но мне кажется, они — включая, как ни забавно, того участника «тандема», который ни днем ни ночью не расстается с айпэдом, — недооценили новые возможности доставки информации. Проще говоря, не думали, что люди будут снимать на телефоны протоколы голосования и вообще происходящее и выкладывать материал в Интернет. То есть что фальсификация окажется такой очевидной и, соответственно, такой оскорбительно наглой. Именно это бесстыдство подвигло людей к действиям. А что до «примирительных па» — пока не заметила, чтобы их исполняли с особым усердием.

Αἶ Какими будут выборы, было известно. Почему до выборов никто из бурлящих не проявлял такую активность? Надеялись на лучшее? И что теперь является целью митингующих: проведение повторных выборов или свержение олигархического строя?

Αἶ Вы не правы. Люди именно что проявили активность до выборов. Множество моих знакомых — среди них филологи, преподаватели, врачи — пошли на эти выборы наблюдателями, причем раньше подобная сознательность отнюдь не была им свойственна. Родственники моей приятельницы — они живут в деревне — наблюдали, чтобы нарушений не было на участке, где зарегистрировано 500 человек! Мы, мне кажется, просто обязаны защитить их труд. А насчет олигархического строя (если его все еще можно так назвать) поговорим позже.

Αἶ Вы согласны с Михаилом Прохоровым, написавшим в своем блоге: «Общество развивается быстрее власти, и оно ушло сейчас в негатив»? Лица митингующих, молодежи вселяют в вас веру в то, что

общество, ушедшее в негатив, сможет из него выйти самостоятельно, без чей-либо помощи, что мы движемся в сторону подлинной демократии?

АИ Если под словами «уйти в негатив» подразумевается то, что самая сильная на сегодня эмоция — это неприятие теперешней власти, а положительная программа, которая объединяла бы всех протестантов, не сформулирована, то да, Прохоров прав. Но этот «негатив» — первый шаг. Все, даже те, кто считался «вписанным в режим», осознали, что дальше так нельзя. Это, по-моему, очень важно.

АИ В митингах несогласных участвует немало евреев, оно и понятно, если вспомнить «Необычайные похождения Хулио Хуренито»: евреи говорят «нет», когда другие говорят «да», причем чаще всего кричат «нет» первыми. Но, может, после всего того, что было в XX веке, евреям в России все-таки лучше поберечь глотку?

АИ Мне кажется, эта цитата из Эренбурга сейчас не актуальна. Евреи — если иметь в виду все эти события — говорят то же самое, что и все остальные.

ἸἼΕΘΕ ἸΑ Ἰ ΕΘΕἸ Ἰ ἈΝΤΑΕΑΝἸ ΟΘ – ΑἸΑἸΑΘΕἸἸΑΕἸἸ ἸΑ ΕΕ×Ἰ ἸΑ ΔΑΘΑἸΕἸ

ἘεἸἸΘ ἈἸδαεεε, ἸεἸἸΘαεἸἸ

ΑἸ Как вы, родившаяся на Украине, в Днепропетровске, переехавшая в Израиль, а затем — в обновленную Россию, воспринимаете происходящие в стране события?

ἘεἸἸΘ ἈἸδαεεε У меня есть два впечатления (как, наверное, и у многих сейчас): очень хорошее и очень тревожное. Очень хорошее впечатление вызвано тем, что огромное количество людей сумело мирно и рационально продемонстрировать в публичном пространстве факт наличия у них гражданской позиции, ради которой они готовы что-нибудь сделать. Это видится мне самым важным из всех уроков, полученных нами в последние дни; если у всего происшедшего и есть немедленный положительный результат, то это он. А очень тревожное ощущение вызвано тем, что это, кажется, на данный момент единственный положительный результат происшедшего; когда речь идет о гражданской инициативе такого масштаба, это плохо. Мы не видим никакой платформы у гражданского сопротивления. Мы не видим возможных лидеров, мы не видим реакции властей, мы, собственно, не видим ничего, кроме факта наличия у людей гражданской инициативы. Она, конечно, великая вещь, — но в сложившейся ситуации ее мало. И меня беспокоит ощущение (надеюсь, субъективное) отсутствия ясного вектора действий.

ΑἸ Готовясь к интервью, я понял, что сегодня ленинское определение революционной ситуации с «верхами» и «низами» почти не работает. Парадоксальная вещь: в событиях последних дней мы неожиданно обнаружили существование среднего класса, который вроде как благополучно похоронили еще во времена первого срока правления Путина. И вот, оказывается, жив Курилка?

ΕἸ Мне кажется, сам разговор про классовое общество, каким его понимали философы конца XIX века, сегодня невозможен; «верхи», «низы», «средний класс» — это и тогда, если я правильно понимаю, были понятия очень условные, а сегодня уже ведут к чистому редукционизму. Да, действительно, обнаружилось, если этого кто-то не знал, что страна состоит не из «властей предержавших» и «крепостных», а еще из многих других довольно серьезных социальных групп, и некоторые, очень значимые, группы сейчас выступили против власти. Проблема, мне кажется, в том, что в России у этих групп (возвращаясь к первому вопросу) нет никакого опыта самостоятельной политической активности. То, что сейчас мы не

видим ни планов, ни адекватных требований, ни впечатляющих лидеров, ни, по большому счету, каких-либо значимых действенных результатов, демонстрирует нам, что эти группы начали себя осознавать — но все еще не знают, что с этим осознанием делать. В зависимости от того, как быстро (и чему) они сейчас научатся, будет, мне кажется, развиваться не только текущая ситуация, но, может быть, и вся страна в будущем.

АИ В те пять дней, о которых мы с вами говорим, было высказано много диаметрально противоположных точек зрения. Еврейское сообщество тоже по-своему примерялось к этой теме. Наш главный редактор, к примеру, озвучил такую позицию: евреям диаспоры не следует забывать, что они находятся не у себя дома, и потому ни в коем случае не должны быть закоперщиками на митингах протеста. У этой точки зрения оказались как сторонники, так и противники. Что думаете вы по этому поводу?

ЕА Я не могу говорить с позиции религиозного иудея — я им не являюсь. Я могу говорить только с позиции себя, частного лица. И мне думается, что каждый человек в каждой политической ситуации является в первую очередь частным лицом, принимающим личные решения на основании множества совершенно индивидуальных параметров: своей веры, своего чувства долга, своей совести, своих обязанностей перед близкими, своих ожиданий и так далее. Это — вненациональная логика; и мне кажется крайне важным, что те, кто был на Болотной (а там были, как мы понимаем, представители великого множества национальностей), принимали в этот день вненациональное личное решение — пойти на митинг, потому что им не безразлична судьба страны, в которой они живут. Это действительно разговор про личные ценности каждого.

АИ Что для вас как писателя значит «революционный» опыт, приобретенный в дни противостояния? Как вы вообще считаете: необходим творческому человеку опыт подобного свойства?

ЕА Я не могу говорить от имени других писателей или «творческих людей» вообще, я могу отвечать только касательно себя. Я проболела день митинга, увы, но была на большинстве Маршей Несогласных и на многих других публичных политических акциях. Да, конечно, это бесценный опыт, но он заключается не в стоянии на площади — он заключается в шансе увидеть собственными глазами попытку мирного, дипломатичного решения довольно острого, недипломатично поставленного вопроса, сделанную огромным количеством очень разных людей. С этой точки зрения — да, наблюдение за тем, что происходило на Болотной, стало одним из самых ценных и позитивных опытов, полученных мной в России. Люди, вышедшие на улицы, сумели показать себе и другим, что образ жителей России, непременно лезущих друг на друга с ломом, имеет шанс отойти в область манипулятивной демагогии. Я очень надеюсь на такое развитие ситуации, при котором впечатление, возникшее у нас всех 10 декабря, подтвердится.

История России сегодня ткется не Белым домом, что бы там ни говорили, она ткется не Марксом с Гоббсом, не ленинскими «низам» и «верхами» и даже не «Единой Россией» с близкими ей партиями, она ткется «частными лицами, принимающими частные решения на основании множества совершенно индивидуальных параметров», а еще, как мне кажется, — умением этих «частных лиц» идти на компромиссы. Компромисс, в сущности, и есть та базовая платформа, которую искали мои собеседники, разбирая сегодняшнее противостояние. «Как это будет для евреев?» Думаю, что кому-кому, а евреям, за всю их более чем четырехтысячелетнюю историю, опыта не занимать.

КАК ПРОЙТИ К ВЕЧНОМУ ОГНЮ?

И еоаеэ И аеэа

19 йуаду іаіеіеіеі аауоёа поааіоіа іаііаааоаеае е подоаіеёа І АО подоаеіі іааа Аа-іуі іааі іа Аідоаааіо аааа ааау аідоаеоу іаіе ідооаіо ідооа ідооаіеу поааі-аіеіа ірса оіеааіеоаоа а Іауааііеіеіеі іаіаіуе оіііо, аіаааауаі уе Аеааеі едї Іооеіуі.

В это же время в Нью-Йорке организация под названием «Антидиффамационная лига», давно специализирующаяся на борьбе с антисемитизмом, обратила свой благосклонный взгляд на щит с рекламой водки под названием «Водка» (по-русски звучит глуповато, а в оригинале что-то вроде игры слов: нарицательное vodka пишется по-английски, а лейбл «Wo□dka» — по-польски). На щите были изображены две собачки — роскошная афганская борзая в кипе и что-то левретистое в красной шапочке Санта-Клауса. Слоган гласил: «Качество как на Рождество. Цена как на Хануку». Глава нью-йоркского отделения Лиги Рон Майер назвал слоган «грубым и оскорбительным» и заявил, что он эксплуатирует старый стереотип еврей-скупца. По его мнению, упоминание еврейского праздника в связке с деньгами само по себе «бессовестно и неуместно». И потом, почему на Рождество качество, а на Хануку только цена? Ханукальные продукты ничуть не хуже рождественских!

К кампании немедленно подключились разнообразные общественные деятели и добровольцы из числа особо озабоченных евреев. В результате поднявшейся волны плакат был снят, рекламщики (в основном, разумеется, евреи, как и положено нью-йоркским рекламщикам) принесли свои извинения.

Надо заметить, что построенные по такой схеме билборды не в первый раз используются в рекламной кампании «Водки». Среди предыдущих слоганов: «Качество как в Хэмптоне. Цена как в Ньюарке» и даже «Качество как в эскорт-сервисе. Цена как за уличную проститутку». Но вот что характерно: ни жители Ньюарка, ни уличные проститутки отчего-то не почувствовали себя обиженными, по крайней мере не сочли необходимым высказываться на эту тему вслух. А евреи, натурально, высказались. Они вообще высказываются в последнее время с пугающей регулярностью. И одно высказывание другого краше.

Полагаю, каннский инцидент с Ларсом фон Триером, неудачно поразмышлявшим на своей пресс-конференции о Гитлере и антисемитизме, многим еще памятен (справедливости ради отмечу, что датского режиссера тогда травили отнюдь не только еврейские общественники, но евреи, конечно, отметились в первых рядах). А вот другая, не столь шумевшая новость несколькомесячной давности. Аргентинский суд удовлетворил иск крупнейшей еврейской организации страны, требовавшей запретить Гуглу индексировать антисемитские сайты, общим числом 76. Заодно судьи запретили интернет-гиганту предлагать в поисковой строке подсказки, ведущие на подобные сайты, и размещать на них рекламу. Тот простой резон, что смысл поисковика заключается именно в максимально полном и объективном отражении содержимого всемирной сети, включая очевидный мусор, ни истцам, ни судьям в голову отчего-то не пришел...

Казалось бы, при чем здесь МГУ? А вот при чем. Всякий раз, читая на новостных лентах сообщения об очередной победе «профессиональных евреев», я испытываю острое желание выйти на какое-

нибудь людное место и объявить городу и миру, что люди, присвоившие себе право говорить от моего имени, на самом деле — наглые самозванцы. Потому что искать антисемитизм надо не там, где светлее, а там, где он действительно наличествует и представляет опасность. А доблестно сражаясь с афганкой в ермолке, они выставляют на посмешище не только себя, но и меня, на что я их вовсе не уполномочивал. То есть я все понимаю: желание почистить себе карму, отработать спонсорские деньги, остаться в истории петитом в библиографии при статье «Триер Л. фон» в какой-нибудь Британике. Элементарную глупость, наконец. Только я-то тут при чем?

А поскольку митинговать я не люблю, остается обратиться с иском в суд: пусть запретит Гуглу индексировать сообщения о достижениях Антидиффамационной лиги и Представительства еврейских общин Аргентины. Хотя бы на том основании, что глупые и крикливые евреи способствуют росту антисемитизма гораздо успешнее, чем две симпатичные собачки на рекламном щите в центре Гарлема.

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

ПУТЬ БАЛАКА

Александр Иличевский

Иерусалим был основан евусеями у источника Гихон — пульсирующего водного ключа, с равной периодичностью выбрасывавшего свои воды к поверхности («гихон» — «прорыв»). Сейчас источник не бурлит, видимо, сказались сдвиги водоносных пластов, вызванные многотысячелетним строительством.

Иерушалаем евусеев, чей царь Малки-Цедек — Мельхиседек, царь Шалема, — некогда стал другом праотца Авраама, не сразу был завоеван Давидом. Когда тому понадобилось централизовать управление израильскими коленами, он не смог найти лучшего места для столицы, чем Город Заката, располагавшийся на неприступном укрепленном холме на границе колен Йеуды и Биньямина. Скоро ступенчатые укрепления крепостного холма были увенчаны царским дворцом. Отсюда Псалмопевец увидел Бат-Шеву, купавшуюся в бассейне дома одного из его военачальников, выстроенного на нижних ярусах дворцового комплекса. Здесь был сочинен покаянный псалом. Здесь находятся тоннелеобразные гробницы царской династии. Перед смертью Давида его сын Шломо был помазан на царство у вод Гихона, куда его привезли на осле. Вскоре Шломо завершил строительство Первого храма на указанном отцом месте — на горе Мория, метрах в четырехстах от царского дворца. Крепостные стены тогда охватили Город Заката, ставший Городом Давида, и Храм: все это было разрушено вавилонянами.

У подножия Ир Давид — Города Давида — находится Силоамская купель, с омовения в ней начиналось восхождение паломников на Храмовую гору. К Храму отсюда вела широкая ступенчатая улица, раскопанная недавно — и не целиком, ибо местность теперь принадлежит арабским землевладельцам из поселка Силуан, безразличным к еврейской истории. Узкий укрепленный ход, прорезающий культурные пласты, в потемках ведет к музейному комплексу. Здесь любители клаустрофобических ощущений могут продолжить изыскания и погрузиться в тоннель царя Езекии — славного представителя дома Давидова. В VIII столетии до н. э. Езекия — Хизкияу — в ожидании ассирийской осады велел прорубить в скале новый тоннель, чтобы перенаправить воды Гихона и сделать источник еще более неуязвимым для неприятеля. Тоннель длиной более шестисот метров проходит в толще известняка замысловатым путем. Скорее всего, его прорубали, следуя траектории воды, естественным образом сочившейся в камне. В тоннеле был найден камень с надписью, из которой ясно, что камнеломы шли навстречу друг другу.

Пророки предсказывали, что с приходом мессии восстановление Храма начнется с возрождения Города Давида. По большому счету с точки зрения археологии Ир Давид — самое интересное, самое древнее, подлинное и важное, что только можно сейчас отыскать в Иерусалиме. Чтобы попасть сюда, проще всего от Западной стены спуститься к Мусорным воротам и, взяв левее, свернуть направо в первую же улочку — прочь от туристической толчеи. Грязь здесь начинается несусветная, и это признак верного направления. Захламленные тротуары говорят о том, что арабы не способны оставаться в пределах своих домовладений и норовят экспроприировать под свои нужды любой прилегающий клочок. Вот мастерская по ремонту холодильников перекипает из двора на панель ржавыми корпусами допотопных ледников, мотками проволоки и толпой черных бочонков компрессоров. Хозяин мастерской остановил пикап и разгружает покупки со старшей женой. Множество детишек, в основном девочки, выглядывают из калитки вместе со второй благоверной, которая выходит, чтобы прибрать вывалившуюся из кучи хлама железяку. Я здороваюсь с девочками, они кричат: «Салям! Салям!», и суровая женщина, обернувшись, достаивает меня улыбкой.

Бассейн Шилоах — Силоамская купель — островок порядка посреди разгрома. После краткого осмотра захожу в кебабную неподалеку. Залежалые салаты, холодный фалафель; беру хумус, вкусный в Иерусалиме всегда и везде, и прекрасный люля со стаканом гранатового сока. Один из двух сыновей хозяина, парнишка, страдающий синдромом Дауна, тучный, с бельмом на правом глазу, берется помочь долговязому брату убрать со стола, но тот его ласково отстраняет; отец их услужлив и немногословен. Вдруг хозяин вытаскивает из кладовки ветхую китайскую ширму, устанавливает передо мной и становится за ней на колени. Скоро раздается запах канализации: хозяин, паллиативно оберегая аппетит клиента, прочищает засор. Я спешу расплатиться.

Улицы Иерусалима в основном устроены по принципу веера и дуг. Ребра веера покрывают удаление от Храма или смещение по ярусу; дуги обеспечивают сообщение по всей поверхности террасы, ибо рельеф Иерусалима и предместий — уступчатый, со множеством долин, ущелий, оврагов, плато. Сегодня можно выйти по одной из дуг и в каком-то месте, перейдя на одно из ребер, достичь Яффских ворот; а завтра пойти по дуге в противоположную сторону и, незаметно скользнув по иному ребру, прийти все к той же башне Давида, у которой герой рассказа Бунина «Весной, в Иудее» закадрил торговку козьим сыром, из-за чего бедуинская пуля заставила его хромать остаток жизни.

Однажды герой романа Агнона «Вчера-позавчера» Ицхак красил дом в Бухарском квартале Иерусалима. К нему подошла бродячая собака, и он, забавы ради, написал на ее спине малярной кистью «сумасшедшая собака». Балаб — справа налево — Балак: «собака» на иврите. Вышло так, что Ицхак вывел на спине Балака буквы последней части — своей и его. Поименованный пес побежал в свой квартал Меа Шеарим. Здесь Балак до смерти напугал всех жителей. Завидев его, они прятались или разбегались. Пошел тогда пес на восток — к Угловым воротам. Затем поднялся к домам Виттенберга. Потом вошел в Варшавский квартал. И направился к домам Уренштейна. Оттуда — к скалам неподалеку от Бухарского квартала. Везде, где жили люди, способные прочитать на его спине, что он — бешеная собака, он оставался голодным и битым. Тогда он вернулся в Меа Шеарим. Дома здесь стояли запертыми, на улице ни души. Испугался Балак чего-то и кинулся прочь. Из Меа Шеарим — к домам Натана, от домов Натана — в Венгерский квартал, из Венгерского квартала — к домам Зибенбергена, от домов Зибенбергена — к Шхемским воротам. Наконец он попал во двор выкреста в Нахалат-Шиве. Оттуда помчал к Яффским воротам, вошел в Старый город и направился к Верхнему рынку, а оттуда — к овощному рынку, расположенному близ Еврейской улицы. С овощного рынка пес пошел на рынок Аладдина, затем забрел на Цепную улицу. Отсюда перебрался на Мидийский рынок, а с него — к Батей Махасе.

Наконец Балак поселился среди неевреев: греков, армян, сирийцев, маронитов, коптов и эфиопов, — словом, среди тех, кто не способен был прочитать на его спине, что он смертельно опасен. Пожил Балак и среди францисканцев, пресвитерианцев и лютеран.

Затем пришла в голову Балака идея искупаться и смыть с себя грязь и коросту. Он выбирал между турецкими банями у Львиных ворот, у Западной стены, и близ прудов Хизкияу; между миквой в синагоге Нисая напротив домов караимов и холодной миквой выходцев из Магриба; между миквой хабадников и миквой во дворе некой агуны...

Путь Балака — это особый мистический путь, проложенный мощным повествованием Агнона в пространстве Иерусалима. Он — символ, не поддающийся исчерпывающему толкованию, но провоцирующий понимание, находящееся в ауре тайны. Путь несчастного пса — жертвы безответности и несвободы, жертвы злосчастной выходки не слишком счастливого героя. В конце концов сущность, порожденная героем, обращается к хозяину своих бед, который мог бы избавить ее от проклятия, стерев или

закрасив надпись. И Ицхак не пугается пса, так как узнает его по буквам на спине. Он единственный еврей во всем городе, который не испугался пса, ибо узнал дело рук своих. Но пес уже болен — имя его уже обрело смысл, стало сущностью, породило бешеного Балака. И тогда страждущий пес кусает Ицхака, обрекая его на странное возмездие: мученическую смерть от бешенства-водобоязни. Балак подбегает к нему и с вожделием вонзает зубы в его плоть, ибо представляется в его спятившей голове, что кровь, пущенная им из Ицхака, вызовет дождь и утолит жажду пустыни.

Большинство современников Агнона восприняли образ Балака в основном как символ разрозненности Иерусалима. Постоянные ссоры между общинами не способствовали доброжелательной атмосфере в городе, находившемся посреди враждебного арабского окружения.

Сейчас образ Балака воспринимается более философски: он говорит об ответственности при работе со словом-именем, с порождаемыми творческим усилием живыми объектами.

Мне же в образе Балака видится еще и некий ключ к пространству Иерусалима. Траектория его блужданий, вероятно, могла бы дать многое для понимания внутренней сущности этого города, но сохранившаяся до сих пор принципиальная герметичность тех районов, где блуждал Балак, не позволяет осуществить подступ к этой тайне человеку, не укорененному в жизнь города. Чтобы хоть как-то понять происходящее, например, в Бухарском квартале, необходимо погрузиться в повседневное бытование этой отстраненной от действительности местности. Такая задача невыполнима для стороннего наблюдателя.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СЭЛИНДЖЕРУ

יְדִיאֵי עֲבָדֵי יְהוָה אֲבָאֵי יָא, יֵאָדוּרֵי אֵי עֵבֵא «דַּאֲרֵי אִדּוּ נְדַאָאֵי יֵי אֲאֵי יֵי עוֹאֵי צְאֵוּאֵי»

י עוֹאֵי אִדּוּאֵי

דַּאָאֵי אֲאֵי עוֹאֵי צְאֵוּ

י עוֹאֵי אִדּוּאֵי Я тут недавно прочел про одного молодого человека, который ужасно хотел повстречаться с Сэлинджером. Он поехал к нему в деревню — в Нью-Хэмпшир из Калифорнии — другой край света. Все говорили: зря ты, пустой номер, он тебя не примет, он вообще никого не принимает. Парень подошел к калитке, постучал. Никто не открыл. И он там просто стоял. Без толку. Вдруг начался ливень. Сэлинджер открыл калитку. Они молча прошли под навес. Минут через пять ливень так же внезапно кончился. Сэлинджер опять открыл калитку, кивнул. Парень вышел. Потом говорил: это были лучшие минуты в моей жизни.

ААЭИ עוֹאֵי צְאֵוּ Прадедом моего деда был ребе Ицхак из Ворки. Его сына, ребе Менахема-Мендла, называли Молчащим ребе. Приходили хасиды, садились за стол, час молчали, два молчали, три молчали. Один его ученик говорил потом: ребе задавал трудные вопросы, но я смог ответить на все.

יא Он мог заблуждаться. Это так легко. А заблуждаться, как он, еще и приятно.

אז Риск всегда есть. И когда не молчат — тоже. Молчащий ребе однажды пришел в гости к Коцкому ребе [1]. Тот сказал: у кого ты научился молчать? Я знал твоего отца — точно не у него. Молчащий ребе хотел ответить, но решил промолчать.

В Коелет есть размышления о том, что для всего свое время. Время собирать камни — время разбрасывать камни. Время любить — время ненавидеть. И так четырнадцать раз: о времени делать то и

делать это. Что интересно, в тринадцати случаях серединку между двумя временами крайностей можно чем-то заполнить.

ІА Не понял.

АО Например, камни необязательно собирать или разбрасывать: из камней можно построить дом. Между смехом и слезами можно улыбнуться или погрузиться. Между рождением и смертью — выпить рюмку водки. И только в одном случае середины нет: молчать или говорить: или — или. Или молчишь, или говоришь — третьего не дано. Впрочем, одно исключение все же есть: проповедь раввина, который говорит много, не говоря в сущности ничего.

ІА Не думаю, что проповедь этого вашего раввина так уж оригинальна. У американского поэта Билли Коллинза есть стихотворение, где он сетует, что жизнь прошла в разговорах: «Из целой жизни, которую я провел, молотя языком / и с энтузиазмом дую в рожок эго, / выкроилась всего лишь пара часов тишины...» Коллинз говорит еще иронически о «маленьком короле голоса во всем своем блеске».

АО Пара часов тишины за всю жизнь? Да он настоящий молчальник.

ІА А как вам идея о связи разговорчивости с «рожком эго»?

АО Говорящий навязывает себя миру — молчащий открывается перед ним.

ІА Стихотворение называется «Тишина»^[2], Коллинз там непрерывно говорит (молотит языком) о молчании. Но ведь мы с вами делаем то же самое. Последовательным был Сэлинджер: он не восхвалял молчание — он просто молчал.

ВБ Погруженный в молчание раввин покуривал свою знаменитую трубку. За все время нашего разговора он не проронил ни слова. Я человек разговорчивый, но не настолько бестактный, чтобы прерывать молчание по собственной инициативе. Мы разговаривали молча. В сущности, так происходит почти всегда. Переводчик (потому что имеется и переводчик) тихо ходит с ума. Потом я прихожу домой и записываю. Шансов на то, что я правильно расслышал его молчание, правильно запомнил и правильно понял, куда меньше, чем у ученика Молчащего ребе, даже и сравнивать нечего — в сущности, почти никаких. Поэтому раввин не несет никакой ответственности за то, что я тут понаписал. А я не настолько бестактен, чтобы отнимать у занятого человека время согласованием текстов. Да и не думаю, чтобы ему это было интересно. Обидно вот что: поскольку мы хотя молча, но все-таки разговаривали — подлинного молчания не было. Ну и чем это лучше, чем говорить вслух? Какой смысл молчать, если молчание неподлинно?

[1]. *Ицхак из Ворки, Менахем-Мендл из Ворки (1819–1868), Менахем-Мендл из Коцка (1788–1859) — хасидские цадики, герои хасидского фольклора.*

[2]. *Билли Коллинз (1941) — американский поэт, автор многих книг, лауреат нескольких литературных премий США. Стихотворение «Тишина» из сборника «Ballistik» («Баллистика») (2008).*

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

ГРИГОРИЙ ПЛАСКОВ: ОТМЕЧЕННЫЙ МАРШАЛОМ

Владимир Шляхтерман

Двести девяносто девять евреев стали генералами и адмиралами в 1940–1945 годах. Сколько человек получили эти звания во время битвы за Москву — никто не знает. Ныне, в дни 70-летия сражения на полях Подмосковья, мы рассказываем об одном из них — Григории Пласкове (см. также: Владимир Шляхтерман. «Храбрее солдата, чем генерал Пласков, не знаю». Лехаим. 2004. № 6). Ему звание генерал-майора было присвоено в последние дни 1941 года.

В 1911 году 13-летний мальчик, окончив шесть классов городского училища, пошел работать: семья большая, надо было помогать отцу-пивовару. В 1917 году слесарь Пласков вступил в Красную гвардию. Воевал в Гражданскую, Финскую, Отечественную, прошел путь от рядового до генерал-лейтенанта. Закончил Военную академию им. Фрунзе. В анкете на вопрос о знании иностранных языков записано: «на польском пишет и читает, английский со словарем». О том, что в детстве знал идиш, не упоминается.

Как-то Григорий Давидович пригласил меня с женой на свой юбилей. Среди гостей оказался и Константин Федорович Телегин. Один из организаторов обороны Москвы, он несколько лет был членом Военных советов фронтов, которыми командовал Г. К. Жуков. А на заключительном этапе войны в состав 1-го Белорусского фронта входила и 2-я гвардейская танковая армия, командующим артиллерией которой был Пласков. Когда закончились здравицы в честь юбиляра, я подсел к Телегину и спросил, от кого Жуков мог знать о, так сказать, необдуманных поступках Пласкова.

— От кого, от кого, — проворчал Константин Федорович. — От меня. Ну скажите, генеральское ли дело — идти с пехотой в атаку? Или становиться к орудию и вести огонь по танкам? — Телегин махнул рукой. — Как-то маршал показал мне донесение из одной дивизии о неудачных действиях командиров, в котором, в частности, упоминался генерал Пласков, вступивший в бой возле своего НП. Я заметил, что это не первый случай в жизни генерала. «Знаю, — ответил Жуков, — согласен: не генеральское это дело. Сделай ему замечание». Я позвонил Грише, но, каюсь, утаил, что это замечание Жукова. Он его боготворил и очень бы расстроился.

Назвать какой-то день и час начала Московской битвы затрудняются многие военные историки. Одни считают началом чуть ли не первые дни войны, когда ясно обозначилась цель — Москва. Другие — Смоленское сражение. Третьи — непосредственные бои в Московской зоне обороны.

12 сентября 1941 года командующим Западным фронтом был назначен тогда еще генерал И. С. Конев вместо маршала С. К. Тимошенко. Но передача дел не состоялась: Тимошенко покинул штаб фронта, не дождавшись нового командующего. (Как могло такое случиться?!) Конев считал, что началом Московской битвы стала директива германского Верховного командования № 35 от 6 сентября 1941 года. Перед группой армий «Центр» была поставлена задача: уничтожить советские войска западнее Вязьмы и в районе Брянска и преследовать отходящие части на Московском направлении.

16 сентября командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Федор фон Бок своим приказом конкретизировал задачи армиям. Конечная цель: взять Москву. Более того, планировалось выйти на рубеж Рязань—Орехово-Зуево—Загорск—Волжское водохранилище. То есть занять линию гораздо восточнее Москвы.

Конев считал, что непосредственно на Москву наступало 48 отборных, хорошо укомплектованных немецких дивизий. Противник имел перевес в живой силе — в пять раз, по орудиям и авиации — в три раза, по танкам также превосходил как в количественном, так и в качественном отношении.

И Жуков, и Конев справедливо считали, что героическое сопротивление окруженных под Вязьмой и Брянском задержало продвижение немцев к Москве. Но если бы сумели не допустить этих «котлов» и организованно отойти, то удалось бы избежать огромных потерь в людях и технике.

Командующий артиллерией стрелковой дивизии 21-й армии полковник Пласков с боями отходил на восток, попадал в окружение, вырывался...

Сентябрь застал дивизию юго-западнее Спас-Деменска. Заняли оборону, артиллеристы пристреляли все подходы к рубежу. Четверо суток не было немецких атак, но разведка доносила о накоплении сил.

— В семь утра, — рассказывал мне Григорий Давидович, — над нашими позициями появились немецкие бомбардировщики. Мы уже привыкли к немецкому трафарету: скоро пойдут танки, за ними — пехота. Через несколько минут изумленно переглядываемся: впереди четкая линия бронетранспортеров, издающих дикий вой сирен, солдаты держат портреты Гитлера, какие-то полотнища. За машинами — четкие прямоугольники пехотинцев во весь рост, в фуражках, с гранатами и автоматами наперевес. Все в черном. Эсэсовцы! Кто-то кричит: психическая атака! Сразу вспомнился кинофильм «Чапаев». Первый раз вижу такое, — продолжал генерал. — Признаюсь: на нервы действует сильно. Видим: где-то наши солдаты выскакивают из окопов, их возвращают товарищи. Держу связь с командиром дивизии, он за всем наблюдает, команду открыть огонь не дает, подпускает черную лавину ближе.

Наконец слышу: «Открывай огонь!» Командую связистам: «Огонь!..» Ударили наши пушки, пулеметы, минометы. Падают эсэсовцы, но другие идут, уже можно разглядеть лица. Откуда ни возьмись на флангах появились танки. Без команды артиллеристы перенесли огонь по ним. Один загорелся, второй, еще один остановился. Но многие прорвались, утюжат наши окопы, давят батареи. А их пехота все так же идет, стреляя на ходу.

В самый критический момент боя в наших порядках появляется помощь — гвардейская стрелковая дивизия полковника Миронова. Мы хорошо знакомы, он стал генералом, Героем Советского Союза. Побежали немцы вспять, кое-где останавливаются, поднимают руки вверх. От пленных узнаем, что

эта дивизия СС «Мертвая голова» не первый раз ходила в психическую атаку. А тут сорвалось, большие потери, отступили. И у нас тоже большие потери. — Пласков замолчал, он весь там, под Спас-Деменском...

— В один из дней, — продолжил он, — уже в смоленских лесах, ко мне на КП входит высокий офицер, представляется: капитан Флеров, командир батареи реактивной артиллерии. Я слышал о «катюшах», но не знал, как они выглядят и «работают». Из штаба армии предупредили: беречь батарею пуце глаз! Ни установки, ни снаряды не должны попасть к противнику!

Вскоре увидел их в деле. Мы с Флеровым разграфили местность на квадраты, каждому присвоили имя животного и растений. Передаю ему: в двенадцать ноль-ноль залп по «Белке», там разведка танки засекла. В назначенное время стоим на краю луга. Говорю своим: «Сейчас Флеров даст залп». И вдруг над нашими головами невиданный огненный смерч. Кто-то из моих командиров инстинктивно попадал на землю. Крепко нас выручали флеровцы. Только на нашем участке батарея сожгла и подбила около шестидесяти немецких танков.

Дивизия выходила из окружения. Конечный пункт — севернее Юхнова. На одном переходе Пласков обратил внимание, что не видит батарею Флерова. Ему объяснили: командование приказало Флерову двигаться параллельной лесной дорогой.

— Это подальше от шоссе, которое оседлали крупные немецкие силы, — пояснял мне Григорий Давидович. — Я считал, что вместе нам было бы лучше. Но приказ...

Дивизия подходила к Медыни, когда Пласков услышал шум боя. Направил туда разведчиков: все данные и характерный гул снарядов «катюш» подтверждали, что бой вела батарея Флерова.

— Батарея наткнулась на засаду. Пропустили головную машину с разведкой и накинулись, чтобы захватить установки. Пока одни бойцы врукопашную схватились с немцами, другие по приказу Флерова взрывали машины и снаряды. Многие батарейцы погибли. Пал смертью храбрых и Иван Флеров. Через два дня вышли из кольца в районе Малоярославца. Было это 7 октября.

Удивительно: Телегин, который тогда, в сентябре 1941-го, ничего не знал о Пласкове, именно в те дни был до чрезвычайности озабочен положением дел в этом районе. Ему доложили достоверные и проверенные данные воздушной разведки: по шоссе в сторону Москвы движется огромная колонна немецких танков и машин с пехотой. А наших войск нет.

Телегин несколько раз звонит начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову. Тот спокойно отвечает: «Голубчик, не волнуйся, из штаба Западного фронта ничего подобного не сообщают».

— Через несколько минут Сталин позвонил сам, — рассказывал Телегин. — Я коротко доложил, что видели опытные летчики. Сказал, что по тревоге поднял пехотное и артиллерийское училища, расквартированные в Подольске, готовим удар авиационной группы по колонне. «Задержите противника на несколько дней», — сказал Сталин. И это звучало скорее как просьба, а не приказ Верховного. Подольские курсанты своими телами задержали немцев.

Вот и Пласков вспоминал, как его полки вместе с подольскими курсантами форсировали реку Протву и вышли к деревне Белоусово. Дивизия была вполне боеспособной и — большая редкость для окруженцев — сохранила материальную часть и технику.

Будущий главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов вспоминал, что в то тяжелое время Сталин лично распределял каждую артиллерийскую батарею по частям. Вот такое было отчаянное положение. А тут дивизия вышла из окружения со своей техникой.

— В один из таких тяжелых ноябрьских дней, — вспоминал Пласков, — на моем КП неожиданно появился командующий артиллерией армии В. Э. Таранович. В бинокли видим: на поле боя хозяйничают немецкие танки. Бомбардировщики атакуют наши позиции.

Владимир Эрастович и я по ходам сообщения пробираемся на огневые позиции. Около одного расчета остановились. Вдруг Таранович отстраняет наводчика, опускается на сиденье, прильнул к окуляру и выстрелил. Танк был метра в трехстах. И сразу остановился, из пробоины бил черный дым. Негоже мне отставать от генерала. Тоже сажусь к орудью. Волнуюсь, вспотел, хотя мороз стоял. Поймал танк в

перекрестье, дергаю шнур. И «мой» останавливается, как вкопанный. В бинокль вижу, экипаж покидает подбитую машину.

К концу ноября дивизия занимает оборону восточнее села Каменка.

— Посмотрел на карте: мать честная, до Москвы километров тридцать, — Григорий Давидович опять разволновался. — Еще немного — и откроют огонь по городу. Знаете, — генерал как-то замылся, — только вам скажу: про себя решил — дальше отступать не буду. Но вы об этом не пишете... (Полагаю, уже можно нарушить эту просьбу.)

Я спросил генерала: имели ли немцы возможность обстреливать Москву?

— Имели, — тотчас ответил он. — В тридцатых годах я командовал артполком, в котором были тяжелые орудия. На сборах нам рассказывали о таких пушках в германской армии. Выходило сравнение не в нашу пользу. Но мы как-то не печалились, никто и в страшном сне не мог себе представить Москву под артобстрелом. Осенью 1941-го такие пушки у них были, и если бы не наше контрнаступление, стреляли бы.

И тут я рассказал Пласкову о встрече с маршалом артиллерии (осенью 1941-го еще полковником) Василием Ивановичем Казаковым. Он предложил журналистам расследовать малоизвестный эпизод обороны Москвы, связанный с артиллерией.

В конце ноября Сталин позвонил командарму 16-й армии Рокоссовскому и спросил, знает ли он, что немцы, захватив Красную Поляну (а это по прямой 26 км до Москвы), устанавливают там дальнобойные орудия для обстрела города. Рокоссовский ответил, что Красную Поляну его армия оставила — не было сил ее удержать. И сейчас принимаются меры, чтобы вернуть поселок. Но без помощи Ставки сделать это очень трудно — у противника большой перевес, особенно в танках. О пушках умолчал — не знал этого. Сталин сказал, что он дал указание штабу Западного фронта, надо с ним связаться и уточнить, какие резервы получит 16-я армия.

— Так и сделали, — говорил Василий Иванович. — Рокоссовскому сообщили, что нам передают танковую бригаду, два артполка, дивизионы «катюш». Нам будет помогать дивизия из вновь подошедшей 20-й армии.

Обещанная помощь пришла. Я встречался с командиром той танковой бригады Федором Тимофеевичем Ремизовым. Он рассказал, что получил указание — давить все немецкие пушки. Бригада ночью ворвалась в Красную Поляну.

— Командиры машин докладывали: давили большие пушки, но вылезать и рассматривать их не было никакой возможности.

— В ночь на 5 декабря созываю своих командиров, — вспоминает Пласков. — И говорю им о предстоящем наступлении. Все вскочили, загалдели, ну, как малыши. Впрочем, их понять можно. Я и сам не смог скрыть волнения. Понимаете, от границы до Москвы отступал, все время отступал.

Но в день наступления первыми начали... немцы: с утра авианалет, артобстрел, потом пошли танки, за ними пехота. Но нашла коса на камень. Артиллеристы Пласкова отсекали пехоту от танков, ударили по ним. Немцы отошли, но тут же вперед рванулись наши. Несколько часов длился ожесточенный бой, и противник дрогнул. И вот уже его оборона прорвана!

Три дня наступает дивизия — 60 километров прошли. Немцы уже бегут, оставляя на дорогах технику, не увозят погибших, раненых.

— Какой порыв был у людей! — восклицает Григорий Давидович. — Форсируем Нару, по льду переправляем пушки. Немецкие самолеты бомбят переправы. В одном месте разбили лед и гаубица вместе с тягачом ушли на дно. Я поспешил туда и вижу невероятную картину: солдаты раздеваются и ныряют, чтобы зацепить тросы! А на дворе никак не меньше пятнадцати мороза. Ныряльщики вылезают на берег, фельдшер растирает их спиртом, ну и внутрь попадает.

Μὴ δὲ ἀπὸ τῆ ἀὐτοεὐερίᾳ τὰ εὐλαεὶδὸν ἰαδὴν ἀπὸ οὐρανὸν ἀπέειπε. Ἰ τῆς ἀρεῆς τὰ εὐλαεὶδὸν

Ἀπελάδι 1941 ἄλλὰ

Знакомыми дорогами вышли к Малоярославцу. Немцы превратили его в опорный пункт. Приказ: взять город. Батальоны совершают обходной марш. В середине колонны пушки, их тянут вручную, на лямках. А два расчета движутся без орудий. Почему? Уверены: захватят немецкие орудия и повернут их. Так и вышло!

Бой за Малоярославец длился 36 часов. И вот он уже наш. Новый, 1942-й, год встречали уже в нем. А утром 1 января Пласков сидел в блиндаже за столом. Вошел радист штабной батареи М. А. Абрамович и обратился к нему:

— Товарищ генерал...

— Ты не перебрал на Новый год? — перебил его Пласков.

— Никак нет! Ночью слушал Москву и четко слышал: вас произвели в генерал-майоры. Я не ошибся.

А вскоре его поздравили командир и комиссар дивизии.

— Это был самый лучший в моей жизни Новый год. Конечно, был рад званию, но главное — почувствовал: наступаем!

Вскоре после Нового года генерал-майора Пласкова вызвали в штаб фронта и предложили пост командующего артиллерией 10-й армии, одной из трех свежих армий, которые удалось скрытно ввести в Западный фронт. 10-я действовала на южном фланге против танков Гудериана.

Пласков от такого назначения отказывался: мол, сроднился с дивизией, да и страшно переходить сразу на армию. Его вызвали к командующему фронтом. От Жукова генерал вышел командующим артиллерией 10-й армии. А через два дня представлялся командарму, будущему маршалу Ф. И. Голикову.

Наступление наших войск продолжалось. На командующего артиллерией навалилось множество дел. В один из дней командарм приказал Пласкову выехать в 326-ю дивизию. Накануне она неудачно действовала.

— Два батальона пошли в контратаку. Поначалу шло по плану. Предстоял последний бросок. Наша артиллерия открыла огонь, снаряды стали рваться вблизи атакующих. И они залегли в снег. И не было такой силы, чтобы поднять их. Вернулись несолоно хлебавши. Поговорили с ребятами, объяснил им, что за огненным валом идти безопасно. Ну и сказал, что пойду с ними. Меня отговаривали, упрекали даже. Утром отдал все распоряжения по своей линии — и в окоп. После короткой артподготовки выскакиваем и бросаемся вперед. Немцы открывают огонь, бежать по глубокому снегу трудно. С минуты на минуту жду

нашего огневого вала. И вдруг над головой как зашумело, а впереди, метров восемьдесят, не больше, лес взрывов.

— Вам приходилось за огневым валом идти? — неожиданно спрашивает меня. Отвечаю, что не было такого.

— Я в атаку много раз ходил, но вот так, за линией своих разрывов, в первый раз. Скажу вам откровенно, новичков понять можно.

В апреле 1942 года Московская битва завершилась, враг был отогнан от столицы на сотни километров. Это было первое серьезное поражение вермахта во второй мировой войне. Правда, не все германские генералы признавали этот факт. Главком группы армий «Центр» фельдмаршал фон Бок в личном дневнике ни разу не записал: катастрофа, поражение, разгром. Так, отдельные неудачи, отошли, оставили позиции. Куда как самокритичнее оказался Гудериан. В дневнике записывает: «Наступление на Москву провалилось... Мы потерпели серьезное поражение, которое поведет в ближайшие недели к роковым последствиям».

Все годы Григорий Давидович воевал без отпусков и перерывов. Впрочем, перерывы случались: после ранений лежал в госпиталях, возвращался. Награждали: два ордена Ленина, четыре — Красного Знамени (между прочим, у Сталина и Жукова по три таких ордена), Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, польские ордена и медали. В мае 1945 года его представили к званию Героя Советского Союза; это было сразу после завершения сражения за Берлин.

— Когда под Москвой пошли в наступление, — вспоминал генерал, — на одной из развилок увидел два немецких указателя: «До Москвы — 100 км», «До Берлина — 2000 км». Все эти две тысячи помнил до апреля 1945-го. В полдень 21 апреля собрал командующих артиллерией и сообщил решение Военного совета армии: всей артиллерией армии одновременно в семнадцать ноль-ноль открыть огонь по Берлину. От себя добавил, что это будет нашим подарком Гитлеру, у него сегодня день рождения. Всё обговорили, еще раз уточнили цели, пути подвоза боеприпасов. Время подходит к пяти. Волновался. Остается несколько минут, а у меня пропал голос. Только что говорил в микрофон, а тут спазм сжал горло. Покрылся испариной. Пять минут, три, две минуты... Беру микрофон и в наступившей тишине громко команду: «По логову фашистского зверя — беглый!»

Итак, после капитуляции Германии Военный совет 2-й гвардейской танковой армии представил Григория Давидовича к званию Героя Советского Союза. Указа не последовало.

В 1967 году маршал Жуков, маршал артиллерии Казаков и еще несколько генералов направили в Президиум Верховного Совета СССР ходатайство вернуться к представлению Военного совета армии о присвоении Пласкову звания Героя Советского Союза, которое, говорилось в письме, «он заслужил своим беспримерным мужеством и героизмом, проявленными в боях...». Указа не последовало.

Говорят, что есть какое-то положение, по которому дела о награждении за войну рассматриваются, если они были возбуждены до 9 мая 1945 года. Полагаю, 70-летие Победы — отличный повод для того, чтобы все-таки вернуться к наградным делам, которые не были почему-либо завершены должным образом.

Î Ò ÐÃÄÄÊÖËË:

Î ù îîäääæéääî îääëîæáíéá íáóää äáóíðà Ýòòò îîîäð ì ù íáíðáèí á Äâî èíèððäöèð Î äæèää òà ÐÏ è íääâî ñý íà îîèîæèðäèüü òð äääèöèð.

ОПТИМИСТИЧНЫЕ ГОЛУБИ

עֵיטוֹת אֵיזְרָאֵל

*יֹדְעֵימָה אֵי אֵיזְרָאֵל עֹד יֵשֵׁב בְּאֶרֶץ חַיִּים?
עֵיטָא*

*י אֵיזְרָאֵל דַּאָרְט אַ? נִיטְעֵמִי אֵי אֵיזְרָאֵל יֵשֵׁב יֹד יֵשֵׁב
אֵיזְרָאֵל אֵיזְרָאֵל*

עֵיטוֹת אֵיזְרָאֵל יֵשֵׁב יֹד יֵשֵׁב

עֵיטָא 28:20-21

Очень известный французский фокусник, звезда магической сцены, человек, привыкший примерно к любым реакциям публики на его работу, рассказывает о своем израильском турне, захлебываясь от восторга: израильтяне сумели его удивить. Он вел номер, все шло отлично, публика принимала его ласково и живо, — словом, «контакт».

— Назовите мне любое случайное число! — выкрикнул фокусник со сцены.

Ничего не произошло.

— Любое случайное число! — повторил изумленный фокусник.

И тогда голос из публики осторожно спросил:

— А вам зачем?..

История дала израильтянам много поводов быть осмотрительными, а израильская осмотрительность, в свою очередь, стала основой двух уникальных свойств местного характера: израильской тревожности и израильского оптимизма. Вот у архитектора Б., построившего в Израиле половину юга и преподающего в Тель-Авиве историю баухауса[1], котик Лотреамон выпал из окна седьмого этажа. Котика зовут Лотреамон, потому что он нигилист: он твердо уверен, что все бессмысленно, а что небесмысленно — то глупо, а что не глупо — тому надо яростно противостоять. Архитектор Б. и его жена терпят Лотреамона за то, что он возвращает им вкус к жизни: по сравнению с его взглядами на мир они

чувствуют себя позитивистами и оптимистами. Естественно, Лотреамон отрицал ценность мира за пределами квартиры и ни разу не почтил собою подоконник — ровно до тех пор, пока тревожный архитектор Б. не затянул окна сетками на случай, если котика все-таки захочется упасть с седьмого этажа. В тот же вечер котик, конечно, прогрыз сетки и упал с седьмого этажа. Поседевший за полчаса архитектор Б. нашел котика на веранде соседнего кафе: Лотреамон презрительно отворачивался от миски с тунцом. Да и в целом создавалось впечатление, что на Лотреамоне падение не сказалось: по крайней мере, в лучшую сторону он не изменился, а хуже, по глубокому убеждению друзей и знакомых архитектора Б., этот кот стать не мог. Однако тревожный архитектор Б., конечно, вызвал ветеринарную «скорую». «Скорая» приехала через девять минут. Навстречу тревожному израильскому архитектору Б. вышел тревожный израильский ветеринар и сразу сказал:

— Ловите же скорее пациента! Я не могу его ловить, я боюсь навредить ему в процессе.

На что тревожный израильский архитектор растревожился еще сильнее и спросил:

— А чем ему можно навредить в процессе?

— Ой, — сказал тревожный израильский фельдшер, — есть столько вариантов! Сместить позвонок можно. Ногу ему сломать. Неловко ухватить за шею и придушить случайно. Или, скажем, надавить на аппендикс неудачно. Столько всего может быть плохого. Поэтому я никогда не ловлю пациента. Сами ловите пациента.

— Я не могу при таких обстоятельствах ловить пациента! — затрепетал тревожный израильский архитектор. — Я нервничаю!

— А я, по-вашему, не нервничаю? — занервничал тревожный израильский ветеринар. — Я тут уже пять минут и еще не видел пациента! Я нервничаю!

— Ну так и ловите его!

— Не могу! Пока я не начал осмотр, за пациента отвечаете вы! Идите и ловите его!

— Я не могу, я нервничаю!

— Вот же ужасный человек! Зачем только такие люди заводят пациентов!

Все это время Лотреамон лежал в палисаднике моего дома и с наслаждением грыз трехногий садовый стул, — облюбовав его, видимо, за особо вопиющую несъедобность. Я не люблю нигилистов и люблю этот лишенный одной конечности стул: он напоминает мне о том, что бедность — не порок. Кроме того, я не знала, что Лотреамон — пациент; он выглядел обычной наглой тварью, обижающей бедного инвалида. Поэтому я взяла Лотреамона и отнесла его домой, к тревожному архитектору.

— Ну вот, — печально сказал после осмотра тревожный израильский ветеринар. — С пациентом все хорошо, зачем вы заставили меня беспокоиться?

— Потому что мне тоже показалось, что с пациентом все хорошо, — сказал тревожный израильский архитектор. — Не может же все быть хорошо?

И тут эти достойные люди, кажется, впервые посмотрели друг на друга с пониманием.

— Да, — сказал ветеринар, — в таких обстоятельствах я бы тоже вызвал «скорую». Ладно, идите, ловите пациента еще раз, я ему рецепт напишу.

— Да зачем же его для этого ловить-то?! — возмутился архитектор.

— Не знаю, — сказал ветеринар. — Вдруг с тех пор что-нибудь изменилось к худшему? Я нервничаю.

Израильская тревожность — это тревожность совершенно особого свойства: ее цель — с облегчением убеждаться, что все хорошо. Так израильская тревожность становится основой израильского оптимизма. Этот прекрасный, уникальный оптимизм проистекает из невозможности париться столько, сколько Израиль предлагает тебе париться. Поэтому попарься-попарься и переставай, нечего. «Почему этот охранник меня не досматривает? Почему он всех досматривает, а меня не досматривает?!» — «Эли, иди вперед, музей закроется!» — «Но он же даже не знает, есть ли у меня с собой оружие!» — «Эли, у тебя на носу очки “минус 8”, какое оружие? Консервный нож?» — «Я не пойду в музей, где такие небрежные охранники! Почему он меня не досматривает?!» — «Потому что по тебе видно, что ты ни на что не способен!..» Внезапно Эли успокаивается. И правда, по нему видно, он в курсе. Ну, слава Б-гу, — страна в безопасности.

Или, скажем, в прекрасной, совершенно непристойно развращающей посетителя модной шоколаднице Макса Бреннера два представителя израильской научной интеллигенции изучают меню десертов. Оба — микробиологи и хорошо знают, что именно (особенно — учитывая израильский размер порций) делают с телом человека три шоколадных десерта на двоих.

— Мне завтра надо сдавать анализы. У меня будут плохие анализы. Мой доктор сказал, что, если у меня будут плохие анализы, он велит мне заниматься спортом. Мне нельзя это есть, у меня будут плохие анализы.

— У тебя по-любому будут плохие анализы, Амир.

— Почему?..

— Потому что ты старый толстый микробиолог, двадцать лет просидевший за микроскопом. Ты на Пурим съел все конфеты, которые твоим детям подарили. Ты купил для телевизора 216 программ. Твоя жена сделала из руля твоего велосипеда кашпо. У тебя по-любому будут плохие анализы.

— Я не дам тебе моих профитролей.

— А я не дам тебе моих вафель с карамелью, а шоколадное фондю мы съедим пополам.

Израильская тревожность в сочетании с израильским оптимизмом создают совершенно особую схему светского разговора. Нормальный светский разговор построен по схеме «сейчас все хорошо, а будет еще лучше». Израильский светский разговор построен по схеме «сейчас все плохо, потом станет хуже, потом еще хуже, и в результате все будет отлично». На бульваре перед кафе уличные музыканты, для удобства которых мэрия специально врыла в газон маленькую зеленую железную сцену с маленьким зеленым железным стулом наверху, разговаривают о важных вещах с известным городским сумасшедшим (говорят, что это ему принадлежит стоящий на одной из маленьких улиц в Яффо дом номер 14, к которому из конспиративных соображений прибита табличка «13.99»). «Сначала я заболею, потом умру, потом попаду в ад, а потом все станет отлично», — радостно сообщает музыкантам городской сумасшедший. «Почему?» — удивляются музыканты. «У меня там протекция», — важно говорит городской сумасшедший.

Сначала будет потоп, потом морская болезнь, потом какие-то глупые птицы, все время прилетающие обратно, потом все будет отлично. Сначала будет рабство, потом неприятная история с младенцами, потом долгие препирательства с фараоном, потом сорок лет в очень непростой обстановке, потом все будет отлично. Сначала будет один Храм, потом второй Храм, потом две тысячи лет скитаний, потом все будет отлично. Это, если подумать, очень утешающая тенденция. Но самое прекрасное в этой четырехходовке — возможность начать отсчет примерно с любого момента. С такого момента, чтобы «отлично» приходилось уже на какое-то обозримое время. Только что за окном моей кухни кот Лотреамон, балансируя на спинке трехногого стула, оскорбил жестом довольно увесистого голубя, обдиравшего клювом листья с оливкового дерева. Голубь улетел с таким видом, что на его возвращение рассчитывать не приходится. Если смотреть на ситуацию с израильским оптимизмом, то более или менее «отлично» может оказаться уже завтра.

[1]. Баухаус — архитектурный стиль, запрещенный нацистами и наиболее полно сохранившийся в Тель-Авиве, куда эмигрировали многие архитекторы-евреи из Австрии и Германии.

ФОРУМ

Не дай нам Б-г опять жить в революционные времена», — написал в Фейсбуке на странице «Лехаима» главный редактор журнала Борух Горин за два дня до митинга на Болотной, справедливо полагая, что именно сейчас следует напомнить читателям, что до «революционных времен» в России проживало 5 млн евреев: «Так вот, когда нас было 5 млн, евреи массово были представлены во всех партиях, от монархистов до большевиков. Оно и понятно: огромный, лишенный элементарных гражданских прав этнос боролся за выживание. Понятно-то оно понятно, но чудовищно глупо! С нашего расстояния вполне очевидно, что из «той страны» надо было либо уезжать, что миллионы и сделали, либо, продолжая в ней жить, знать, что ты в гостях! В гостях нужно вести себя прилично, можно за собой помыть посуду, но не надо без разрешения хозяев передвигать мебель. Умеешь петь — спой, если попросят, только не запрещай петь хозяевам, когда и что им угодно». Пост «Правила поведения в гостях» с коротким предупреждением: «Интересно узнать ваше мнение именно в этом ключе — не о власти, не о прозрачности выборов, а “про евреев” в российских общественных процессах» — вызвал огромную волну откликов, наиболее острые из которых мы публикуем.

ARIEL BULSHTEIN «Время не поможет. Сотни лет пробегут, и если новые века снова застанут нас среди чужого поля, то снова предстанем мы им как навязывающие нашу дружбу тем, кто не просит о ней, и снова на нашу пламенную, любовью проникнутую службу чужой родине люди посмотрят с холодным изумлением, пожимая плечами, и повторят, как теперь: “Странная охота — быть непременно ходатаями по чужим делам”...» (Зевэ Жаботинский)

אַנְאֹ ׁאֵלֵי ׁאֵלֵי Борух, Вы, конечно, во многом правы. И насчет универсальных ценностей, которых нам не надо, — свои есть, — и про то, что мы в гостях. Но вот о хорошем отношении власти к нам, евреям, не соглашусь. Можно вспомнить, сколько раввинов за последние годы было выслано. Чего стоит ростовская история, когда религиозных мальчиков заставляли в Субботу подписывать документы, а потом гнали под дождем по улицам города (для них это, наверно, останется самым ярким переживанием в жизни). Они нас в массовом порядке не трогают потому, что, во-первых: не могут себе этого позволить в современном мире, во-вторых, мы, в принципе, спокойные, покорные люди и ничем особенным не выделяемся из пассивного большинства россиян. Тогда что сидеть и молчать, что ходить и кричать — конец все равно один и пренеприятный. И это тоже история. Единственно правильный путь, на основании этой статьи (если быть до конца последовательным), — путь в Домодедово.

MARK ZALAN Было немало евреев, которые в начале 30-х в Германии ту же позицию отстаивали, и, когда их сгоняли в гетто, чувствовали себя гостями, считали — ну, раз хозяева попросили нас собраться в одной комнате, будет невежливо им отказать.

עֲנֵדִי יְיָ אֲבֹאֵי אֲבֹיִ Знаешь, Борух, описанное тобой сильно напоминает позицию большинства ультраортодоксальных лидеров: чаяния и идеалы они тоже относят только к «своим», по принципу **אני לא נשפתי הצלתי** («себя я спас»), а ко всему миру вокруг — проповедуемые тобой — принципы утилитарной морали. У тебя только фокус шире — тебя заботит АЖ будущее всего истерзанного и обескровленного народа, но суть, мне кажется, та же. И дело совсем не в том, что, если ты считаешь правильным молчать, когда унижают других, оправдывая себя тем, что ты только гость, — не следует удивляться, когда все промолчат, когда придут за тобой. А в том, что безразличие — это твоя проблема уже сейчас.

SHIMSHON ROMANOVSKI Все как бы верно, но давно ли «Лехаим» перестал этим заниматься? И перестал ли? С другой стороны: в этой стране достаточно людей, которые считают себя евреями (какой бы смысл они в это ни вкладывали), являясь при этом активными гражданами России. И есть даже такие, которые, в отличие от нас с Вами, что-то для России сделали. Может, они-то имеют право на активную гражданскую позицию? Или все дело только в том, что «за всю историю нашего благословенного Отечества именно нынешние власти публично и гласно поддерживают еврейскую общинную жизнь»? За эти слова тоже найдутся желающие устроить погром. Если уж молчать, так молчать совсем.

אֲלֵי ׁבֹּיִ אֲבֹאֵי אֲבֹנֵיִ Посмотрите статьи Владимира (Зевэ) Жаботинского за 1905, 06, 07... 15, 16, 17 годы, основная идея которых: НЕ НАДО ЛОМАТЬ ЭТУ СТРАНУ, У ВАС ЕСТЬ СВОЯ,

СТРОЙТЕ ЕЕ! Не послушались. Результат известен. Не надо повторять ошибок, пока что, к сожалению, евреи опять впереди планеты всей. Нет ни одной партии, пикета без евреев, шли бы уже в синагогу, спокойней было бы.

Ἰὰ Ἀὐτῶν Ἀλλὰ Βί Да, в гостях надо вести себя прилично. И можно говорить что эта «разборка» — не наша, украинцев, белорусов, немцев, татар по национальности, но россиян по жизни и паспорту тогда это тоже не касается. Список национальностей можно продолжить. И кого мы имеем в остатке из человекоединиц? По логике тогда и голосовать никому, кроме русских по национальности, не нужно...

MARINA EVREISON ARSHINOVA В отношении позиции полностью согласна, но есть вещи, о которых громко не говорят. Не все друзья поймут, а враги растащат на цитаты, извратят, направят острием против говорящего.

SIMON PARIZHISKY Ваша картинка — это и есть окончательная победа ксенофобов и антисемитов, их мечта — чтобы евреи (а также таджики и др.) боязливо ходили по стеночке и чувствовали себя все время в гостях, без права голоса, а еще лучше — чтобы они интериоризировали эту модель поведения в качестве своей высшей духовной ценности.

οἱ οὐεῦ·ἀεἰ ἐν αἰ ἄρ ἑὰ δὲ ἄᾶ Сейчас не 17-й год. Защищать свои гражданские права — еще не революция. В любой европейской стране выйти на улицу — это нормально, причем по гораздо более мелкому поводу. Фальсификация выборов означает лишь то, что власть потеряла чувство реальности происходящего. Никто никого не свергает. Просто если человек вошел в раж, ему дают пощечину, чтобы опомнился.

LEVI CHERNOZATONSKY После прошедшего 10 декабря митинга статья несколько устарела. Люди, пришедшие на митинг, показали, что им нравится. Люди устали от лжи и вседозволенности власти. Характерно, что националисты там тоже были. Но под влиянием адекватных моменту людей они и вели себя адекватно. Аргументы в статье, на мой взгляд, очень слабенькие. Допустим, вас пригласил в гости некий пан. Он-то к вам прекрасно относится. Всячески помогает и уважает. Но вот своих домочадцев сечет розгами и гнобит в казематах. Ваши действия: 1. Улыбаемся, машем и продолжаем беседовать об общинной жизни. 2. Собираем манатки — и вон из губернии. 3. Вступаемся за униженных и оскорбленных. Судя по статье, выбран вариант 1. (Я выбрал вариант 2.) Но, оказывается, есть еще вариант 4 (продемонстрировали митингующие). Пану можно напомнить о законах страны, в которой он живет. О законах, которые он обязался выполнять и — не побоюсь этого слова — гарантом которых является. Очень радуют процессы, которые происходят в Москве. Приятно было бы оказаться среди митингующих. Честно говоря, не думал, что процент вменяемых людей так велик в столице.

Ἰὰ Ἀὐτῶν Βί Сомневаюсь, что «гости» должны молча сидеть на кухне, когда выносят мебель. Может, на демонстрации и по судам ходить и не нужно, но голосовать очень даже нужно. Столько, сколько потребуется. Потому что именно этого от гостей и ждут. В России с ее историей расстрелов нет в душе русского правителя даже намек на то, чтобы достигать компромисса с бастующими. Все демарши в прошлом заканчивались одинаково — жесточайшим тиранией. Чем больше собирается масс на улице, тем больше у властей права на оружие. Тут вам не «зона экономических интересов НАТО». Тут просто «зона». Я уверен, если кто-то пойдет на пересмотр результатов выборов, то выборы будут последними.

Ἰὰ Ἀὐτῶν × Ἀδὲ Ὀε Хотел бы напомнить тем, кто «за участие», что среди участников митингов довольно прилично тех, кто вместо «Один за всех!» орет: «Бей жидов!», ну, или кавказцев (значит, евреи идут вторым эшелоном). Это же, кстати, к вопросу о коричневых, которые всячески пытаются оседлать волну и шаманят о начале «национальной революции» в России — как, кстати, шаманили и год назад после Манежки. Нам это надо? Своими руками сажать на голову фашистов разных оттенков?

DANIEL NEWMAN Еврею не нужно слишком близко подходить к костру истории. Евреи легко воспламеняются. Предлагаю вернуть общегражданский пыл, свернув пламя общеврейского зуда справедливости. Пропорциональными надо быть. Один к тысяче? Вот пусть и идет один к двум тысячам. И того много. Лишь бы не под черно-желто-белые флаги времен первой алии, развевающиеся над Капитанами Овальными. Быть гражданином, но не гражданинищем. Дело же не в националистах, дело в том, что орать перестанут завтра, и не нужно оставаться до последнего на площадных игрищах и бежать туда первым тоже не следует. Тут давеча подборка Губермана пролетала, про такие вот собрания евреев, томимых судьбою русского народа, и об их желании шестиконечную с пятиконечной слепить воедино. То, что прошло все более-менее мирно, — ничего не означает.

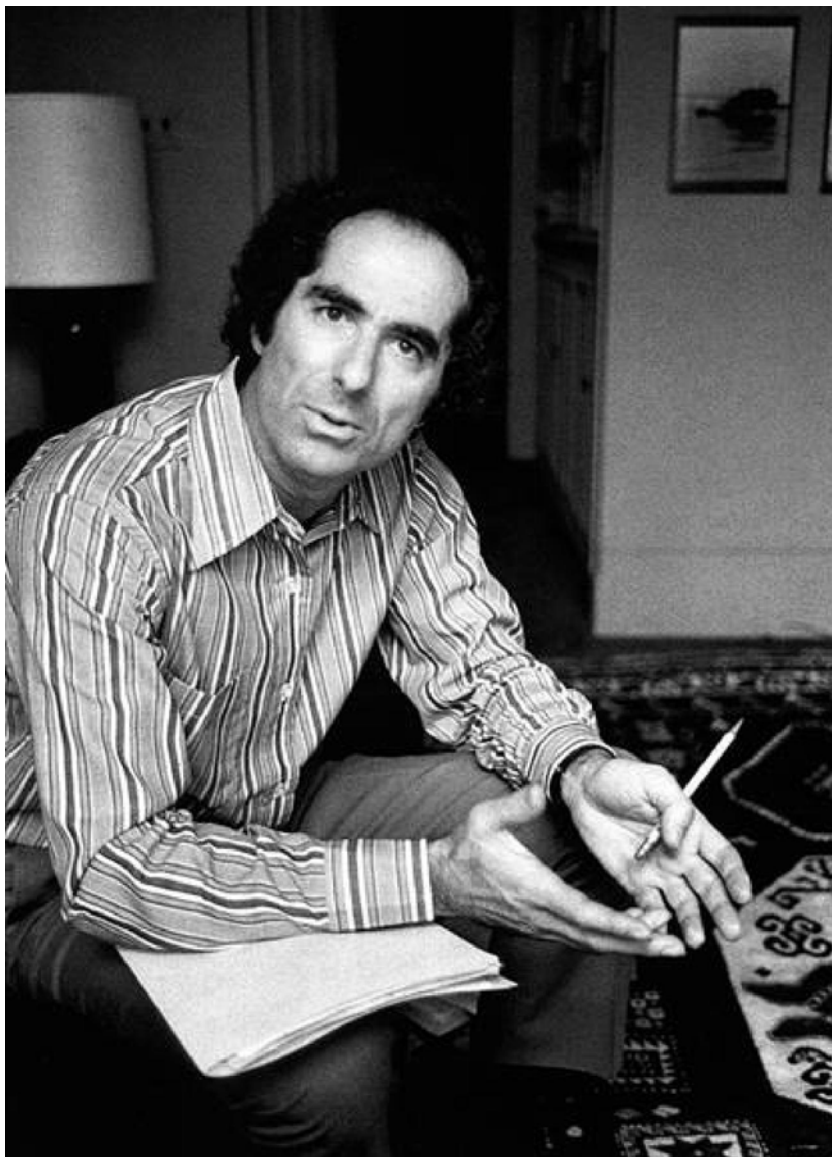
ΒΒΙ̇Ν̇Ε̇Α̇Α̇ Ο̇Θ̇Α̇Ε̇Ι̇Α̇ Какая милая провокация. Только «хозяевам» не показывайте, а то не так понять могут.

Ϊ̇Γ̇Ε̇Ε̇Ι̇Α̇ Ϊ̇Α̇Δ̇Υ̇Ι̇ Согласно с автором полностью, эйфория от происходящего не должна затмевать разум. Если начнутся большие разборки с властью, мы, как, впрочем, и всегда, будем «виноваты».

ЛЕТОПИСЕЦ

Борух Горин

В продолжение разговора о творчестве Филипа Рота и американской еврейской литературе, давно ведущегося на страницах «Лехаима» (см., например, [материалы Давида Гарта \[2009. № 10\]](#) и [Валерия Дымшица \[2011. № 12\]](#)), предлагаем читателям следующую статью.

Οεεεί Πιό. Ιΐφ-Είθε. Βίβι ούαδύ 1972 αΐαα

Леон Юрис сделал огромное дело для американской литературы, в первую очередь для литературы «про евреев». Он, автор первого еврейского бестселлера «Исход», положенного в основу голливудского боевика, возмнил себя мэтром еврейской литературы и посчитал возможным обрушиться на представителей другого подхода к описанию действительности: «Возникла целая школа еврейско-американских писателей, которые заняты тем, что проклинаят своих отцов, ненавидят матерей и, заламывая руки, вопрошают, зачем появились на свет. Это не имеет отношения к литературе и искусству. Только к психиатрии. Эти писатели специализируются на чувстве вины. У них каждый год какая-нибудь книжка попадает в список бестселлеров. Меня тошнит от их мерзких творений».

Юрис пишет в конце 1960-х годов «возникла», но это явное лукавство. Сол Беллоу вопрошал, зачем появился на свет, за 20 лет до того в повести «Между небом и землей» и затем каждые три года, герои повести Бернарда Маламуда «Помощник» заламывали руки еще во второй половине 1950-х. Но, хоть и держа их в уме, напрямую выступить против признанных и маститых Юрис не решился. Легче было вытереть ноги о молодую поросль, персонифицированную Филипом Ротом, начинающим, но уже прогремевшим благодаря «Коламбусу» писателем.

Рот поднял перчатку, и на свет появилось его великолепное эссе «О некоторых новых еврейских стереотипах». Вот за это я и благодарен Юрису. Ибо манифест этот, на мой взгляд, является ключом к пониманию кухни великой американской еврейской литературы.

Рот — летописец. Он почти всегда пишет о своих сверстниках. В 26 и 29 его герои — студенты («Прощай, Коламбус») и свежие выпускники («Наплеватьство»). Они влюбляются и разочаровываются, женятся и снова разочаровываются. Они не чувствуют себя своими ни дома, ни на улице, ни среди евреев, ни среди гоев, ни среди голытьбы, ни среди яппи.

Герой Рота чаще всего еврей из семьи эмигрантов во втором поколении. Отец в таких семьях — это добытчик, работающий как ломовая лошадь, мать — назойливая наседка. Живут они ради детей. Главное — не накормить и одеть, а дать отпрыскам образование. Родители уже не религиозны, но привержены еврейским традициям. «Джош, будь хорошим мальчиком — не дерись, поменьше водись с этими гойчиками, учись». Мать Александра Портного («Случай Портного»), когда слышит, что он заперся в туалете, велит не сливать воду — она должна проверить кал. И она всегда рядом! От нее не укрыться. Отец вечно уставший и затюканный. Кроме всего прочего, они ничего не смыслят в мировой культуре, нравах весьма неотесанных, провинциальны.

И мальчик получает хорошее образование, но благодарить за это родителей не спешит. Похоже, в женщинах для него главное, чтобы в них не было ничего от его матери, сам же он пытается как можно меньше походить на своего отца. Поэтому его привлекает недолговечный союз с шиксой. Шикса — это не просто нееврейка, она должна нести в себе как можно больше черт, противоположных еврейскому идеалу. Вспомним «Версию Барни» Мордехая Рихлера, где парижская любовница Барни Панофского Клара для того, чтобы завоевать его сердце, скрывает свое еврейское происхождение. Такой еврей не станет, вслед за своим отцом, верным подкаблучником, гробящим себя ради отпрысков! И общественное мнение будет интересоваться его совсем не так. То, что нравится приличному обществу, заведомо плохо. Стало быть, он будет это общество шокировать.

Кстати, насчет еврейской самоненависти. Именно этот ярлык прочно приклеили героям Рота, а заодно и автору. По-моему, все ровно наоборот. Эти никогда не стерпят антисемитизма по отношению к себе. Мамин завет «будь хорошим мальчиком, не дерись» — не про них. Они, в отличие от своих папаш, не подставят вторую щеку, они агрессивны и мстительны. Вот ведь парадокс: со всеми национальными чертами восточноевропейских евреев они отрунули и эту еврейскую покорность и, таким образом, превратились в гордых самоуверенных американских евреев.

Но что хорошо, когда тебе 20, в 35 уже не так бодрит. Куда отправляется потрепанный жизненными баталиями американец? Конечно, к психоаналитику. И тот объяснит Портному, откуда это издерганное отчаяние, состояние загнанности и разочарования.

Семью такому герою не создать. Беллоу разводился четыре раза (и читатель получил шедевр о тяжелом разводе — «Герцог»), Рот — всего лишь два раза, и большинство его героев повторяют этот путь («Я вышла замуж за коммуниста»). Оказывается, быть непохожей на маму недостаточно, и даже, о Г-споди, может, именно многие мамы качества этим развратным, эгоистичным стервам вовсе бы не повредили!

Впрочем, как говаривал один московский поп в советские времена, когда прихожанки спрашивали его, нельзя ли вместо бумажных иконок получить настоящие: «Какие вы верующие, такие вам и святые!» Герои Рота люди, прямо скажем, тяжелые. К кризису среднего возраста они подходят сексуально озабоченными эгоцентриками («Грудь», «Моя мужская жизнь», «Профессор желаний»). Они живут в мире интонаций, и для них гораздо важнее быть честными по отношению к своему ремеслу, будь то кукольное дело или литература, нежели к своим близким. Пафос и пошлость для них страшнее опустошенности. Они презирают комфортное прозябание и все так же агрессивны по отношению ко всему, что им не по душе. Герой Рота ищет цельности в самых крайних обстоятельствах («Пражская оргия»), но желаемого все равно не обретает.

Хоть меняйся судьбой с нормальными обывателями («Другая жизнь»)! Но и в тихих омутах черти водятся. И там далеко не все прямо и благополучно («Американская пастораль»). Да и сама подмена может привести человека к форменному скандалу, например, чернокожего профессора, которого все принимают за еврея, объявят расистом («Людское клеймо»). Ох уж эти политкорректные идиоты!

В общем, к заслуженному отдыху еврей Рота приходит побежденным — тем, с чем он воевал всю свою жизнь. Враньем, фальшью, внешней благолепностью. И собой, своим постаревшим предательским организмом («Театр Шаббата», «Умиряющее животное», «Призрак уходит»). Пронзительность описания этого одряхления, по-моему, можно считать непревзойденной во всей мировой литературе. Слава Б-гу, логичный финал этой побежденности («Обычный человек») стал пока уделом только лишь героев Рота, но не самого автора.

Впрочем, выдающего по книжке в год писателя будто подменили. Он больше не пишет о своем времени. Потому что у одиноких стариков есть только прошлое. И это уже другое прошлое, точнее, другими глазами увиденное. В этом детстве автора окружают уже не пошлые карьеристы, а трагические герои, которым суждено навсегда остаться молодыми («Возмущение»), его мать уже не назойливая несушка, а преданная своим детям, тонко чувствующая их идише маме («Заговор против Америки»), которую подстерегают удары безжалостной судьбы («Немезида»). Памятник отцу Рот поставил еще в 1991 году, своими мемуарами «По наследству»...

Вторая половина XX века в США, конечно, была не только ротовской, не только временем еврейского интеллектуала из среднего класса. Но если вы хотите узнать о жизни внуков эмигрантов из Российской империи, читайте Рота. А уже потом академические труды. Они мало что добавят.

СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО 13

Михаил Эдельштейн

В последние годы стало казаться, что книжная ярмарка «non/fiction», традиционно проходящая в конце ноября — начале декабря в Центральном доме художника, утрачивает четкость очертаний, все больше превращаясь в подобие хаотичной сентябрьской ярмарки на ВВЦ. Однако нынешний сезон — даром, что он был тринадцатым, — стал для «non/fiction» одним из самых успешных. Речь, разумеется, не о возросших продажах — торговые показатели в оценке успешности книжной ярмарки особой роли не играют. Даже тот факт, что ярмарку посетило почти 35 тыс. человек — в полтора с лишним раза больше, чем в прошлом году, — сам по себе еще не является основанием для радостных заключений. Куда важнее количество и качество иностранных гостей, «событийных» новинок, резонансных мероприятий. В этот раз и того, и другого, и третьего было в избытке. Но, может быть, еще важнее, что «non/fiction» начинает опять справляться с той задачей, которую она ставила перед собой изначально, с самого момента своего возникновения, — структурирование интеллектуального сегмента книжного рынка.

Ναδάρε Ντρίοο ι δαάνο ααεύαο πάε θρί αι «Εάνά άγυιέε»

Начнем с того, что к «non/fiction» оказались привязаны практически все значимые книжные премии, работающие как с изящной словесностью, так и с нехудожественной литературой. Они могут вручаться непосредственно на ярмарке, перед ней или в те же дни, но на других площадках, однако в ЦДХ все они так или иначе представлены.

Накануне открытия «non/fiction» вручали одну из главных российских премий — «Большую книгу». Первое место досталось Михаилу Шишкину с романом «Письмовник», на втором автор повести «Метель» Владимир Сорокин, третья премия у Дмитрия Быкова, отмеченного за роман «Остромов, или Ученик чародея» (см.: Лехаим. 2011. № 11). Шестой сезон «Большой книги» оказался перевертышем первого — тогда первенствовал Быков, а Шишкин получил «бронзу». Справедливость решения «большекнижного» жюри и на сей раз особых нареканий не вызывает, однако премия становится слишком предсказуемой. Шорт-лист позволял судьям сочинить тройку не менее достойную, но более интересную.

Зато никаких претензий не может быть к премии «Букер десятилетия», где лауреата выбирали из букеровских финалистов сезонов с 2001-го по 2010-й, а судьями выступали члены всех десяти жюри. Несмотря на то что в короткий список вошли такие бестселлеры, как «Даниэль Штайн, переводчик» Людмилы Улицкой и «Санька» Захара Прилепина, лучшим романом 2000-х был совершенно справедливо назван роман замечательного филолога Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». В свое время он не получил «Букера», уступив «Казусу Кукоцкого» той же Улицкой. Теперь все встало на свои места — увы, лишь после смерти автора.

За считанные годы выдвинулась в первый ряд книжных наград премия «Просветитель», вручаемая за лучшие научно-популярные книги. Появление премии не просто совпало с резким ростом спроса на качественный научпоп — отчасти оно этот бум спровоцировало. Отмеченные жюри «Просветителя» книги почти гарантированно становятся бестселлерами. Так произошло и на этот раз с работой лингвиста Владимира Плунгяна «Почему языки такие разные» и двухтомником биолога-дарвиниста Александра Маркова «Эволюция человека», который стал одним из главных ярмарочных «хитов».

Г а й т е й н е й н ѝ н ѝ а ѝ а ѝ

Кроме обилия премий, 13-я «non/fiction» запомнится также уровнем зарубежных визитеров, многие из которых приехали в рамках Фестиваля мировых идей, затеянного журналом «Вокруг света» в честь своего полуторавекового юбилея. Легендарный редактор не менее легендарного журнала «Нью-Йоркер» Дэвид Ремник представлял русский перевод своей книги «Мост. Жизнь и восхождение Барака Обамы», нобелевский лауреат Дэвид Гросс рассказывал о главных проблемах, над которыми бьются физики-теоретики, а британец Джон Дербишир объяснял суть самой известной из нерешенных математических задач — гипотезы Римана. Не менее известные имена значились и в списке русскоязычных спикеров: в шахматы посетителей ярмарки учил играть Гарри Каспаров, а лингвистическое шарлатанство Фоменко и Задорнова разоблачал Андрей Зализняк.

Ярмарка «non/fiction» подтвердила то, что людям, следящим за книгоиздательским процессом, стало очевидно уже год-полтора назад: в лидеры интеллектуального книгоиздания вышло издательство «Corpus». Все три главные беллетристические новинки ярмарки были представлены именно «Corpus'ом»: и «Пражское кладбище» Умберто Эко (см.: Лехаим. 2011. № 5), и «Карта и территория» Мишеля Уэльбека, и «Свобода» Джонатана Франзена. Там же вышел и роман гостя нынешней «non/fiction» шведского писателя Стива Сем-Сандберга «Отдайте мне ваших детей!», главный герой которого — глава юденрата Лодзинского гетто Хаим Рутковский (любопытно, что недавно издательство «Мосты культуры» выпустило другой роман о Рутковском и Лодзинском гетто — «Фабрику мухобоек» польского прозаика Анджея Барта). К списку главных новинок ярмарки нужно добавить и 800-страничный роман Джонатана Литтелла «Благовоительницы», вышедший наконец в «Ad Marginem». Книга французского, несмотря на английские имя и фамилию, прозаика писалась четыре месяца, а переводилась несколько лет. Вторая мировая, увиденная глазами эсэсовца, — такого в литературе еще не было. Должно ли быть? Об этом в Европе спорят уже лет пять, с момента появления книги Литтелла.

Издательство «Книжники», стенд которого был одним из самых больших и заметных на ярмарке, также представило ряд ярких новинок в сериях «Проза еврейской жизни» и «Чейсовская коллекция». Среди них — биография капитана легендарного «Эксодуса» Йоси Харэля, написанная Йорамом Каниюком, сборник печатавшихся в «Лехаиме» эссе Аркадия Ковельмана, хасидские легенды в обработке Иржи Лангера, книга польской писательницы Ханны Кралль о Варшавском гетто и Марек Эдельмане. Грандиозная трехтомная «История Израиля: От зарождения сионизма до наших дней» американского историка Говарда Сакера открывает новую серию издательства — «История евреев».

«Книжники» также провели презентацию двух книг Примо Леви — «Передышка» и «Человек ли это», вышедших только что все в той же «Прозе еврейской жизни». Произведения Леви доступны русскому читателю уже лет десять, но лишь сейчас итальянский писатель стал осознаваться российской публикой как одна из ключевых фигур в интеллектуальной истории XX века. Отсюда тот резонанс, который вызвало мероприятие «Книжников» далеко за пределами традиционного круга читателей серии.

Еҫаао аеиіоаі «Еіеаіеёе»

Совместно с проектом «Эшколь» «Книжники» организовали интеллектуальную вечеринку, где лингвисты, философы, историки, литературоведы, музыканты и писатели комментировали предание о Содоме и Гоморре. А «Букник» порадовал взрослых и детей встречей с израильским клоуном Федором Макаровым.

Несколько любопытных новинок было и на стенде издательства «Мосты культуры» aka «Гешарим»: «По стопам “Вечного жида”» Феликса Канделя, «Идишская цивилизация» Пола Кривачека, «Иерусалимский тупик» израильского политолога Ильи Васильева. Издательство «Азбука» затеяло выпуск собрания сочинений Фридриха Горенштейна. Большинство его произведений русскому читателю хорошо знакомы, но идею собрать их вместе можно только приветствовать. Возможно, новое собрание наконец-то даст более или менее массовому читателю представление об истинном масштабе Горенштейна — прозаика странного, зачастую не слишком симпатичного, но очень и очень значительного.

Напоследок о курьезе ярмарки. Михаил Веллер, издавна склонный к размышлениям о смысле всего сущего, представил свою новую философскую концепцию — энергоэволюционизм, согласно которой «вся субъективная и объективная деятельность человека совершенно соответствует и лежит в русле общей эволюции Космоса». Как ни удивительно, изложение всей правды о космосе и человеке заняло у Веллера всего четыре тома. Мне кажется, поклонники автора вправе рассчитывать на продолжение.

«ОНИ НЕ ПОНЯЛИ СУТИ ТРИДЦАТЫХ...»

Зоя Копельман

Некоторое время назад в Израиле вышла книга молодого, но уже известного прозаика Нира Барама «Славные люди»^[1]. Да-да, вы не ошиблись: это сын политика Узи Барама, в свое время министра внутренних дел. Нир родился в 1976 году и вырос в Иерусалиме, в квартале Бейт а-Керем, что был построен в 1920-х для учителей, писателей и служащих. Это четвертая книга Нира, и он считает, что она удалась:

Я работал над нею четыре последних года и вложил в нее — я имею в виду также сбор и изучение материала — всю свою энергию и всю страсть к писательству. Я ею горжусь, я доволен ею и чувствую, что сделал все, на что был способен. Теперь она вышла в свет, и я над нею больше не властен.

В романе объемом 510 страниц две линии: героем одной является уроженец и житель Берлина немец Томас Гейзельберг, героиней второй — ленинградская еврейка Александра Вайсберг. Посвященные им главы чередуются: «Берлин, осень 1938» называется первая и «Ленинград, осень 1938» — вторая.

Герои, до того не знавшие о существовании друг друга, ненадолго встретятся лишь ближе к концу книги, когда в феврале 1941 года в Брестской крепости Саша, успешный сотрудник НКВД, примет прибывшего с официальным визитом Томаса, служащего в отделе риббентроповского Министерства иностранных дел в Люблине. Барам сводит своих героев за подготовкой совместного германо-советского военного парада, запланированного на весну 1941-го для демонстрации дружественных намерений обеих стран. Этот парад должен был стать новой, более масштабной версией того, что проходил 22 сентября 1939 года под началом генералов Семена Моисеевича Кривошеина и Гейнца Вильгельма Гудериана и вошел в историю как «совместный парад в Бресте».

Однако ход событий сведет на нет миротворческие усилия героев. Томас, разработавший программу выселения евреев из Польши, убедится, как бесчеловечно его соплеменники претворяют ее в жизнь, и это во многом определит его конец, на удивление схожий с концом генерала — героя фильма «Хрусталева, машину!»: бросив работу и продав дом, он уходит скитаться по немецкой провинции, поражая обывателей витиеватыми речами, смысла которых не уловить. А страдавшая обидой за мать Саша, желая посадить любовницу отца, поэтессу Надежду, в итоге стала причиной ареста своих родителей и братьев-близнецов, а также всех друзей дома. Но когда посторонние восторженно сравнивали ее с Павлом Морозовым, злилась. В конце романа немцы вступают в Брест, и Саша, пренебрегая опасностью, мечется по горячей крепости в поисках единственного уцелевшего брата.

ПАВЕЛ ПОЛЯН:

«КНИГИ ВЕДУТ СЕБЯ, КАК ДЕРЕВЬЯ...»

Беседу ведет Семен Чарный

В 2011 году «Записками из Каунасского гетто» Тамары Лазерсон-Ростовской в издательстве «Время» стартовала книжная серия «Свитки из пепла», в рамках которой предполагается публиковать мемуары и дневники свидетелей и жертв Холокоста. В интервью «Лехаиму» составитель серии Павел Полян рассказал о ее замысле и перспективах.

יָאָאָאָעַי תְּעוּבָה

נְאֻם אִי חֶאָבִי עוֹלָם Как возникла идея серии «Свитки из пепла»?

יָאָאָאָעַי תְּעוּבָה Чтобы возникнуть, серии понадобилась не только причина, но и повод.

Причина очевидна. До конца 1980-х годов диспропорция между масштабом Катастрофы на советской территории и тем, как эта трагедия отражалась в советской исторической памяти и научном дискурсе, была разительной. В последние годы она ослабла, но далеко не исчезла. Библиография эго-документов — дневников и воспоминаний тех, кто пережил Холокост, — все еще вопиюще коротка. Для их публикации и нужна наша серия.

К сожалению, был и повод. То, что попало в «Свитки из пепла», изначально мыслилось одной из ветвей другого издательского проекта — серии «Человек на обочине войны», которую я выпускал в 2005–2010 годах в издательстве «РОССПЭН» (всего вышло 11 книг, из них две — Софьи Анваер и Ирины Дунаевской — посвящены еврейским судьбам периода второй мировой). Среди трех книг, выход которых намечался на 2011 год, были и две еврейские: дневник каунасской девочки Тамары Лазерсон, ныне живущей в Хайфе, и «Воспоминания еврея-красноармейца» бывшего советского военнопленного Леонида Котляра. Оба автора были живы! — обстоятельство, которое я постоянно подчеркивал, настаивая на незамедлительном издании книг.

Шесть лет финансирование для нашей серии находилось. Но в 2011 году — в редкий и счастливый момент работы с живыми авторами (одному из которых было за 90 лет!) — издатель счел затруднительным запускать книги, не обеспеченные грантами, и несколько раз переносил сроки возможного получения грантов и, соответственно, выхода книг. Его полное право, но это было неприемлемо уже для меня. И после второго или третьего переноса я обратился в издательство «Время», для которого в то время готовил воспоминания Льва Хургеса «Москва—Испания—Колыма: Из жизни радиста и ээка» (по мне, эта книга могла бы послужить началом еще одной мемуарной серии, посвященной судьбам советского еврейства). Директор «Времени» Борис Пастернак, впечатленный и дневником Лазерсон, и ее судьбой, сигнализировал о готовности выпустить ее книгу.

На прошлогоднем «Сэфере» я познакомился с президентом Российского еврейского конгресса Юрием Каннером. В его лице я нашел то, что безуспешно искал до этого: искреннюю поддержку замысла издания полного корпуса рукописей членов «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау. (К этому времени в издательстве «Гамма-пресс» двумя изданиями уже вышли записки Залмана Градовского «В сердцеvine ада», найденные у стен аушвицкого крематория. Это один из центральных документов Холокоста, и я горжусь тем, что его русское издание определено лучшее из всех выходявших.) Мы несколько раз встречались с Каннером и с исполнительным директором РЕК Бени Брискиным и пришли к выводу, что этот разовый замысел стоит расширить и преобразовать в регулярную издательскую серию, по две книги в год. В результате было запущено сразу два проекта: книга Лазерсон и перевод рукописей «зондеркоммандовцев».

Одновременно в издательстве «Вече» вышли воспоминания Котляра. Леонид Исаакович был счастлив увидеть свою книгу напечатанной и принять участие в ее презентации: увы, он умер через несколько месяцев после этого, 11 октября.

ИХ В чем состоит ваша работа как составителя?

ИИ Первый шаг — знакомство с рукописью. Это этап визионерский: надо «увидеть» будущую книгу в полном объеме и в наилучшей композиции. Чем можно ее пополнить, от чего отказаться. Подготавливаемые книги, если их заранее полюбить, часто ведут себя, как деревья: дышат, растут! Книга Лазерсон прирастала так: к ее дневнику и очеркам добавились аналогичные тексты ее брата, затем — ее стихи и более поздние очерки и под конец приложение: посвященное ей стихотворение.

Кроме того, документ, каким бы выразительным он ни был, не преподносится сам по себе, «голым». С помощью научного аппарата и иллюстраций вокруг него «надышывается» определенная историко-психологическая атмосфера, воссоздается контекст, вне которого он может быть недопонят или понят превратно.

Кроме того, я исполняю не всегда простую роль связного между «углами» нашего славного треугольника: спонсор—издатель—составитель (есть и четвертый «угол» — представительный общественный совет серии).

ИХ Что в планах серии?

ИИ Портфель уже сегодня весьма велик. Если исходить из намеченной периодичности — по две книги в год, — то его хватит лет на пять-шесть как минимум.

В самых ближайших планах дневник Маши Рольникайте, первое издание которого вышло в 1963 году по-литовски под названием «Я должна рассказать». Этот вариант был искорежен цензурным вмешательством, но именно он неоднократно переиздавался. А в нашем издании полностью восстановлена авторская воля, при этом цензорские изъятия даются курсивом. Текст плотно прокомментирован и сопровождается предисловием Ильи Эренбурга, послесловием (моим), подробной хроникой событий в Вильнюсском гетто, избранной библиографией автора и ее стихами. Рукопись готова к передаче в издательство.

Три текста Залмана Градовского стали ядром кристаллизации главной, как представляется, книги серии — книги, в которой будут собраны все тексты «зондеркоммандовцев», обнаруженные после войны: Лейба Лангфуса, Залмана Левентала, Мишеля Надъяри, Хаима Армана. Самое трудное — перевод на русский — уже позади, идет комментирование материалов. Кстати, недавно книга приросла еще одним аушвицким текстом — замечательным предисловием Аврома Левите к погибшему сборнику литературных произведений узников Биркенау, написанных и спасенных в лагере, пусть и не около крематория.

Четвертой, надеюсь, станет книга воспоминаний Меира Левенштейна о Рижском гетто, она тоже уже в работе. Далее предположительно последует «Список Киселева» — книга о спасении еврейских жителей белорусского местечка Долгиново, выведенных партизаном Николаем Киселевым из оккупированной зоны через линию фронта (многие, вероятно, видели одноименный фильм Якова Каллера). Планируется дополненное и переработанное переиздание сборника воспоминаний уцелевших советских военнопленных-евреев «Обреченные погибнуть». Отдельного тома заслуживает и тема «Горские евреи и Холокост».

Уже в ходе работы над первыми книгами отчетливо выступили многие различия даже между двумя литовскими гетто. Очень хотелось бы продолжить «подсерию» книг, посвященных именно гетто, прежде всего Варшавскому, Лодзинскому, Львовскому, Черновицкому и Минскому. Знаю, что материалы о каждом из них имеются, имеются и специалисты. Кстати, один из «лодзинских дневников» (записки Эммануэля Хиршберга) был найден среди вещей отправленных в газовню евреев и спасен членами «зондеркоммандо».

Мх Сейчас на наши головы обрушивается огромный массив информации о Холокосте. Не приведет ли появление новых «порций» к перекармливанию и «информационной тошноте»?

ИИ А что, собственно, вы имеете в виду, когда говорите об «огромном массиве информации о Холокосте»? Речь о русскоязычном поле? Но это скорее целина, эдакая ювенильная саванна, в которой почти что самосевом, время от времени и на большом расстоянии друг от друга, что-то вырастает.

Я высоко ценю издательскую деятельность центра «Холокост» — но ведь второго такого центра нет, что чревато застойными явлениями и в единственном существующем. Есть российские издательства, в которых периодически выходят книги о Холокосте, но нет ни одного, которое бы на этой теме специализировалось. Нельзя не отметить русскоязычных стараний украинских и белорусских коллег: в Харькове выходит единственный на пространстве СНГ специализированный журнал «Холокост и современность», в Минске традиционно появляются (впрочем, чем дальше, тем реже) интересные сборники документов об оккупации. Изредка книги о Холокосте издаются по-русски в Израиле и Германии.

Если же распространить ваш вопрос на англо- или немецкоязычное поле, то оно действительно плотно засеяно, но и там не наблюдается никакой «тошноты». Разумеется, русский сегмент литературы о Холокосте узок, любой серьезный проект в этой области нуждается в стабильной спонсорской поддержке. Хотя тиражи в тысячу экземпляров расходятся за год-полтора, что нормально. Очень важно не только дарить или продавать эти книги, но и выставлять их в Интернете. Интернет весь забрызган антисемитской слюной, и от этого немного тошнит.

Юная девушка, хрупкая и прекрасная, как огонек свечи на ветру. И в то же время твердая, как сталь. В ней чистота и душевная чуткость всего народа, она будто лучший его цветок. Цветок... Да, она художница, прирожденная художница, но ведь законы ее религии не позволяют создавать картины, о которых она мечтает. И вот она украшает неведомыми дивными цветами тканые материи на забаву богачкам-римлянкам... Юность и красота в ней стремятся к ликующему счастью. Но там, где она живет, среди бедных, отверженных, униженных, счастья не найти. Оно за рекой, на великолепных площадях и в светлых домах, в радостной лучезарности римского мира. А ведь женщина — пани Элиза нахмурилась — не безвольная кукла, она вправе любить, творить! Только как сделать выбор, не разорвав своего сердца? Не предав своего народа?..

Но тсс! — не станем более беспокоить хозяйку. Ей предстоит еще много работы. Воссоздать в мельчайших деталях топографию и быт Рима и его предместий, попытаться реконструировать строй сознания и речи людей той эпохи, от раба до кесаря, — задачи не из легких. К тому же «Миртала» — далеко не последний роман Элизы Ожешко, личности для Польши второй половины XIX века уникальной.

Дочь богатого помещика, она получила стандартное поверхностное образование и почти что девочкой была выдана замуж. Слово из платьев, выросла из прежних мыслей и представлений и своими руками создала себя новую — независимую, деятельную. Страстная патриотка, сторонница широкого просвещения, феминистка, она без устали училась, совершенствовалась, творила.

Помимо прочего интересовалась Ожешко жизнью местечка, еврейской историей и Талмудом, обучалась ивриту и идишу. Ей здорово досталось от консервативных критиков за «Меира Эзофовича» — типичный «просветительный» роман о юноше-еврее, рвущемся к свету из мрака религиозного фанатизма. Следом были напечатаны несколько новелл из еврейской жизни («Сильный Самсон», «Дай цветочек», «Гedaли» и др.). Тогда-то общественность взорвалась, а в одном из изданий писательницу и вовсе объявили «еврейской судомойкой».

Пустая злость не в счет. Куда важнее то, что спустя годы, когда уже пожилая Ожешко была больна, жители Гродно с уважением и благодарностью устлали мостовую сеном, чтобы писательницу не беспокоил шум.

Но вернемся к бедняжке Миртале. У многих народов есть сказки о чудесных детях. Такие вот разумницы и красавицы, дочери простых рыбаков да ткачей, в итоге очаровывают принцев. И принц вроде нашелся — знаменитый художник Артемидор. Да не сложилось. Грустный получился у сказки конец. Девушка поставлена перед жестоким выбором. С одной стороны — непримиримый, исполненный гордости фанатик-борец, ненавистник римлян Йонатан, названный брат и жених главной героини. С другой — утонченный, исполненный света и посвященный в пленительные тайны искусства Артемидор. Две символические фигуры, воплощения противостоящих культур и народов. Миртала — маятником между ними, между прошлым и будущим, традицией и необходимостью меняться. Однако компромиссы не к месту в эпоху войн. С прозрачной тенденциозностью Ожешко ведет свою героиню к, увы, неминуемой гибели...

Это первое издание романа на русском языке. И с первого же предложения: «Под недвижной лазурью небес, под золотым ливнем солнечных лучей зеленая роща Эгерии покрывала густой и неподвижной тенью поля, с которых человеческое благоговение к священному месту удалило все поселения, дабы дать воцариться тишине» (споткнулись?) — становится ясно, что придется вчитываться на совесть. Полезное упражнение для современного фастфудного читателя.

Àcèà Ntèrì àl'èr

ÑĚĀĀBĪ ÑĚĚĀ ĀĪ Ī ĒDEŌŪ, ĀĀDĀĒÑĚĚĀ × ĀDŌĪ ĀĒ

ĀĪ ĀDĀĒ Ī DEĪ Ā

**«Ī Ī ŌĀ "Ī Ī ŪĀ ĒĪ ĒĀĒ»: ĒŌĀĀĒÑĚĀB Ī ĒÑŌĚĚĀ Ā ÑĚĀĀBĪ ÑĚĚŌ
ĀĪ Ī ĒDEŌĀŌ**

Ī.: Ī Ī ÑŌŪ ĒŌĚŪŌŌDŪ; ĒĀDŌÑĀĚĚĪ : ĀĀŌĀDEĪ, 2011. — 318 ĩ

В книгу Андрея Орлова вошли шесть статей автора, которые впервые были опубликованы в 2000-х годах в различных престижных англоязычных изданиях. В работах Орлова представлены и славянские апокрифы (вернее — псевдоэпиграфы, книги, претендующие на то, что они часть Священной Истории, но не вошедшие ни в еврейский, ни в христианский канон Библии), и иудейская мистика — загадочные и почти неизвестные в России тексты еврейской раввинистической традиции и литературы, описывающей Небесные чертоги — хехалот. Анализируется в книге и неочевидная, но захватывающая и скрупулезно доказанная филологическими разборами связь между славянскими апокрифами и еврейскими источниками. Все это делает книгу Орлова очень привлекательной для всех интересующихся славянско-еврейским взаимовлиянием, мистической литературой и текстами «межзаветного» периода.

Орлов подробно, один за другим, рассматривает наиболее значимые общие мотивы, которые характерны как для славянских апокрифических текстов, так и для еврейской мистической традиции. В основном эти мотивы связаны с представлением об устройстве Б-жественного мира — Лик Б-га, Имя, Его Тело, размеры и измерения небесных тел, сияющие одежды, описание Небесных чертогов, видение Б-жественной колесницы (маасе Меркава), роль и функции ангелов и др. Многократно возвращается исследователь к проблеме антропоморфного изображения Б-га в изучаемых источниках. Почти все тексты славянских апокрифов, которые выбирает Орлов, представляют собой апокалиптические видения, описывающие события прошлого и будущего. В целом его исследование продолжает богатую дореволюционную и очень скудную советскую традицию изучения славянских апокрифов в более широком культурном контексте, учитывающем греческие и еврейские источники (Веселовский, Тихонравов, Пыпин, Порфирьев, Мещерский, Алексеев и др.).

Но читать книгу неспециалистам по старославянской или древнееврейской литературе либо по иудейской и христианской экзегетическим традициям довольно тяжело. Она написана сложным академическим языком, в расчете на подготовленного читателя, который может оценить как глубины старославянской и византийской литератур, так и особенности древнееврейской мистической системы мировоззрения, частично отраженной в мидрашах и Талмуде. Кроме того, как часто бывает в академических изданиях, примечания иногда занимают большую часть страницы. Практически половина книги отведена под очень профессионально составленную научную библиографию, где отдельно выделены публикации источников и исследовательская литература, введены тематические рубрики, указаны основные издания и переводы текстов и т. п.

Книге явно не хватает предисловия и общего заключения. В том виде, в каком она нам представлена, — это набор разрозненных статей, каждая со своей тематикой и выводами. Тем не менее связующая нить, объединяющая все эти статьи, в книге присутствует. В этом качестве выступает основной тезис автора о роли и месте исследуемых им славянских апокрифов в истории еврейской литературы. Орлов, вслед за рядом зарубежных ученых (среди которых А. Кулик, М. Таубе и др.), предполагает, что славянские апокрифы, сохранившиеся в рукописях XV и более поздних веков, являются переводами с не дошедших до нас еврейских оригинальных сочинений. И изучение этих ранних еврейских апокалипсисов проливает свет на темные страницы в истории еврейской литературы, позволяя проследить преемственность между текстами периода Второго храма и более поздними средневековыми мистическими книгами (литературой хехалот — Небесных чертогов). Мне показалось, что именно к этому выводу хочет подвести нас автор в каждой из своих статей.

Может быть, технические сложности, которые ожидают читателя книги Орлова, — это тоже часть авторского замысла. Ведь тайные знания не могут быть переданы профанам. Не случайно изучение мистических текстов по раввинистическому законодательству разрешено только один на один с учителем. Так что вполне вероятно, что разобраться в «потаенных книгах» и в бесконечном разнообразии научной литературы о них смогут лишь самые стойкие и внимательные читатели.

При этом книга Орлова совсем не эзотерична. Она написана как серьезная академическая монография и, несмотря на популярную тематику и красивую обложку, рассчитана на специалистов и энтузиастов, а не на привычную «широкую» аудиторию. Но для студентов и преподавателей как иудаики, так и славистики эта книга, безусловно, будет очень полезна и ценна и статьями как таковыми, и богатейшим справочным аппаратом.

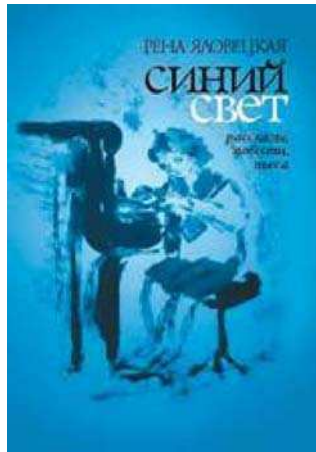
Ἰ ἀδελφὲ Ἐβραϊστῶν

ΑΙΤΥΘΑ ΕΘΙ ΕΕΘΙ Ι ΕΕΙΤΑΑ ΙΑ ΑΕΑΑΕ

ΔΑΙΑ ΒΕΙΤΑΑΘΕΑΒ

ΝΕΙ ΕΕ ΝΑΑΘ: ΔΑΝΝΕΑÇÛ, ΙΤΑΑΝΘΕ, ΙΥΑΝΑ

Ι.: Ι ΙΝΟΥ ΕΘΕΥΘΟΒÛ; ΕΑΔΟΝΑΕΕΙ: ΑΑΘΑΘΕΙ, 2011. — 416 ñ

В своей предыдущей книге «Сибирские палестины» Рена Яловецкая ввела в русскую литературу мир сибирских евреев — погружившуюся в воды времени Атлантиду, свет погасшей звезды, сохраненный в ее слове. То есть евреи в Сибири и сейчас есть: и синагоги есть, и газеты, и культурные мероприятия, и просто евреи, в том числе не нуждающиеся ни в синагогах, ни в чем другом специфически еврейском. Тогда было иное: при советской власти еврейские институты отсутствовали, но сохранялась еще компактная еврейская жизнь с ее органичностью, бытом, еврейским воздухом, ничуть не отгороженная от разнорациональной сибирской жизни (русские, татары, поляки), но продолжающая сохранять свою самобытность. Еще в сороковых годах была, даже в пятидесятых, — сейчас нет уже.

«Синий свет» — своего рода продолжение. Своего рода — поскольку разнообразные персонажи рассказов пребывают отчасти еще в сибирских палестинах, отчасти выходят уже за сибирские и еврейские рамки. Вместе с героиней Яловецкой — девочкой, вырастающей из детства, но сохраняющей его в своем сердце. Синий свет — неиссякаемый свет детства. Девочка, девушка, молодая, затем совсем уже не молодая женщина.

Герц Франк, знаменитый режиссер, один из создателей советской художественной документалистики, автор многих шедевров, человек, тонко понимающий текст, представляет читателям автора на задней стороне обложки. «Весомы и легки. Как “гряда летучих облаков”» — о рассказах Рены Яловецкой. И далее: «В театре самое трудное, даже для опытных актеров, изображать детей, в кино — эротические сцены. То же в литературе. Фальшь и пошлость тут таятся за каждым неуместным словом. Автор “Синего цвета” обходит все рифы, оставаясь естественной и возвышенной».

Рена Яловецкая — киновед, кинокритик, была в свое время проректором Высших курсов сценаристов и режиссеров. Строит текст как сценарий. Вот самое начало рассказа «Под салютом всех вождей»:

Î îñëíáñåÿ éåñðåðå ñåðåëéú ðå ñåíå Îå-ð ñåíå Îåñ-íåÿ í åñíåíåðåðå — «ððóíåñå». Ñåíåíåðåðå ñåíåðåðå «æåéíå éííåðå». Îåñíåðåðå «ñðåéú» íåñíåíåðåðå «Áåéåñ» — ííåñíåíåðåðå éåíåñíåðåðå. Éðñåðå íåðåñíåðå Ñåíåðåðåðå çåñíåíåðåðå éåñíåðåðå ñåñíåíåðåðå éíñåðå è ñåñíåðåðå — ííåñíåðåðåðå éåñ — ñåñíåíåðåðåðå ñåñíåíåðåðå. Éåí åðå íåñíåðåðåðå íåñíåíåðåðåðå

ééààèòòòò, è i àííáííí çáò-èò òòíì àòè-áíéáý áùì à, íà-éíáý íò éííòðíèòááù, éíí-áý -àòáàðòíé. Áùì à íáááííèò á òðáè, áùíí-àéèèá çáèè, è -áé-òí áíéíí íáááííá íáááíé ó-èòáéíí èòù ì óçíèè íáíýííýáò:

— Ýòí óáááò ì ááááù (ááíí). Á ýòí íòèòù ííðò.

È ñííáà òòíì àòè-áíéáý áùì à — ñòðáí èòáéííúé íáííáè, íí ñí íðíááèàì è: òí íáí íòá çáí-ááèèò ééááèè, òí áðááçèáíèé, íááòðáíí óòúé, òáéííèèáíé çáèè ñí ðíòèáèáé ñòðáí ù.

— Òáé! Èííòðáí áíò ááèèéíéáííúé. Íí ááèá, áéáíí, íá ááðèèò, — ááííèò íáíòðíéúèé <...> Íííí íòðèí-éá, — íáíòðíéúèé íòèðúé èðúèéá çáéýíóè áíóòù è íòíðýíóè á óèáíá çáèèèééííý: — Íúéáííí áíòí? — áíòáíèè ì áíéó-ðáíí-èðáòíá

Ñéáíçí íúéú áíá á éíí íáòá íðèçá-íí. Íúéáííí íòíáííááò áðáíý. Èéííò è ùáèéá íáðúáèè áù áèáé, íááéýáèèíý íèðèè, éíí óáòòè.

Камера, конечно, не всегда вот так, впрямую, возникает в повествовании (в этом рассказе неоднократно), но неявно присутствует постоянно: все рассказы визуальны и кинематографичны. Со сменой планов. С монтажными стыками. С движением.

И наполнены музыкой.

И нежно, прозрачно акварельны. Книга акварелей.

Во многих рассказах Яловецкой жизнь тяжела и трагична. Но эта тяжесть, этот трагизм, не изменяя жизненной правде, претворяется в легкость, в прозрачность, в летучие облака.

Рассказ «Музыкантши» о двух сестрах, старых девах, учивших многие поколения сибирских детей музыке, завершается переездом на новую квартиру, зимой, в метель, в открытом кузове грузовика. Порывы ветра уносят из кузова нотные листы: «Капричио» Гайдна, «Сонатина» Клементи, «Бирюльки» Майкапара — а потом, вместе с нотами, и самих старушек. «Их подхватило. Понесло неизвестно куда, и вскоре они исчезли, растаяли в снежном мареве. Больше их никто никогда не видел». Название музыкальных произведений имплицитно вводит в кадр фортепьянный звук.

Вместе с сестрами растаял в снежном мареве мир детства, сибирские палестины, весь еврейский, идишский, не только по языку, но по самоощущению мир. Больше их никто никогда не видел.

P.S. Не могу не сказать: иллюстрации Ольги Кундиной — пример художественной эмпатии и вместе с тем очень личного прочтения и преобразования его в визуальный образ.

Í èòáèé Áíðáèéé

CAËÏ AÍ ADAÄIÄÑÊËÉ

Ä NÄDÄÖÄÄËÍÄ ÄÄÄ:

CAÏ ÈÑÊË, ÍÄÉÄÄÍÍ ÜÄ Ä ÝÄÍËÄ ÄÎÇËÄ ÍÄ×ÄË ÎÑÄÄÍ ÖËÏÄ

Niño., íáo. dáä, èíi i., i dáäenë è i ðeë. Í. Ýíeyíä Ýäð ñeäeoaÄ. Ýíeyí è Ì. Èäðíä Ì.: Ääi i ä-Í ääíí 2011. — 280 ñ

Записки Залмана Градовского, члена зондеркоммандо, занимавшейся выносом трупов удушенных газом в концлагере Аушвиц-Биркенау, — без преувеличения один из наиболее страшных и пронзительных документов Холокоста, позволяющий увидеть освенцимский механизм уничтожения как бы «изнутри». Автор этих записок безумно рисковал: обнаружь их немцы — и он сам вне очереди оказался бы «газованным». Впрочем, никаких иллюзий насчет собственной судьбы Градовский, погибший 7 октября 1944 года во время восстания в Аушвице, не строил. Он писал о желании зондеркоммандо покончить с их «страшной работой, вынужденной ужасом смерти» и «совершить большое дело» (разрушить крематории, где сжигались трупы убитых), что могло кончиться только гибелью. Впрочем, у этих людей было и еще одно желание: показать современникам и потомкам, что они не были предателями или приспособленцами: «Пусть будущее вынесет нам приговор на основании моих записок и пусть мир увидит в них хотя бы каплю того страшного трагического света смерти, в котором мы жили», — писал Градовский. Об этом «свете смерти» можно узнать из публикуемого в книге исследования Павла Поляна. Помимо обстоятельств обнаружения рукописи и ее публикации, здесь впервые на русском языке подробно описывается история зондеркоммандо и восстание в Аушвице в октябре 1944-го.

ËÄÍÍËÄ ÈÍ ÖËËB, ÍÄÄÄË ÍÍËBÍ

ÄÍÑÍÍÍ ÈÍÄÍËB ÄÄDÄB-ËDÄÑÍÍ ÍÄÄDÄÄËÖÄ

Ì.: ÄÄ×Ä, 2011. — 368 ñ

Под одной обложкой на самом деле две книги. Одна — воспоминания Леонида Котляра «Моя солдатская судьба», бесхитростный рассказ о военной службе, плене, подневольной работе в Германии, а также довоенном детстве и послевоенных мытарствах. Конечно, антисемитизм в гитлеровском лагере и в победившем фашизме Советском Союзе — это не одно и то же. В лагере тебе постоянно угрожает реальная смерть, и никто этого не скрывает. Но там перед тобой конкретный враг. Здесь же, в «интернациональном» обществе, ты просто воспринимаешься как чужой, и тот факт, что ты прошел плен, — еще один повод подчеркнуть твою ничтожность. Если первая часть книги Котляра воспринимается как страшный рассказ о чуде выживания, то вторая повествует о прощании с иллюзиями. В итоге автор, знающий о Холокосте отнюдь не теоретически, приходит к формуле «Холокост по-советски». Вторая книга под той же обложкой примыкает к первой тематически, но резко отличается в жанровом отношении. Это монография Павла Поляна, который не только снабдил книгу Котляра предисловием и примечаниями, но и написал собственное исследование объемом в полторы сотни страниц под названием «Военно-полевой Холокост: советские военнопленные-евреи как первые жертвы геноцида».

Íää äíííòäöeyí è dáäíòäëë Nái äí ×äðíúé è Ì èöäeë Èèíèèí

В НАЧАЛЕ БЫЛ ЛЕХАИМ

Янгиров был первооткрывателем в исследовании многих тем, связанных с немым кино. Один из примеров — статья «Еврейское кино России: в поисках идентичности. 1908–1919». По существу это краткий конспект гораздо более масштабного исследования еврейской темы в дореволюционном кинематографе. Янгиров пишет о самых разных проблемах — распространении кинотеатров в черте оседлости, первых фильмах на еврейскую тему (библейские сюжеты), появлении первой игровой еврейской картины:

В самом начале 1911 года на экраны Москвы и Петербурга, а затем и всей России вышел фильм «Л'Хаим» («За жизнь»), открывший еврейскую тему в русском игровом кино (его создатели, сотрудники московского отделения фирмы «Пате» Андрэ Мэтр и Кай Ганзен, через месяц закрепили свой приоритет еще одним фильмом — «Скрипка» по мотивам одноименного рассказа В. Герцмана). Впервые «драматические сцены из еврейской жизни» открыли зрителю незнакомый и во многом экзотический национальный быт и его персонажей при почти «естественном» освещении, не имевшем ничего общего с уличным анекдотом или раешным фарсом. Проблемы любви, брака и семейной жизни, ставшие главной темой картины, выгодно отличали ее от господствовавшего тогда на отечественных экранах жанра «русской старины» (не случайно этот фильм кинопресса сравнивала с «боевиками» сезона — «Марфой Посадницей» и «Княжной Таракановой»).

Отдельные факты, собранные отклики прессы и современников здесь не менее любопытны, чем общий ход рассуждений, намечающий пунктир в разработке проблемы. Эту статью невольно начинаешь рассматривать как краткий исторический очерк по теме, заслуживающей солидной монографии. Жалко, что Янгирову так и не довелось ее написать.

11 марта 1951 года. Требуется немедленно выслать чек Мадрид переслать спальные вагоны Кука Алькала номер 23 Мадрид на мели Мордехай.

Требуется, как же.

Унаследовал я также и стамеску сантиметров тридцать длиной, его стамеску, — ее я держу на почетном месте в моей мастерской. На дубовой рукоятке отец залихватски вывел оранжевым мелом:

ΕΙ ΝΟΒΟΙ ΑΙ ΟΙ .Α. ΔΕΘΕΑΔΑ

ΔΕΘΕΑΔ, ΕΣΑΑΕΕΒ ΕΣΙ ΙΑΑΑΕΥΙ ΙΑΙ ΕΑΙ ΙΒ

1922

ΑΑ-ΕΑ-ΔΙΟ-ΠΟΘΕΟ

ΙΑΣΑΑΑ×Α

Отцу тогда исполнилось двадцать лет, он был моложе, чем мой старший сын сейчас. Он был первенцем, старшим из четырнадцати детей. Несомненно, в тот год, как и в каждый год своей жизни, в Песах он, придевшись, восседал за семейным столом и возглашал: «Рабами мы были в Египте, и Г-сподь Б-г вывел нас оттуда рукою крепкою и мышцей простертой...»

Но в ту пору, в 1922 году, копаясь в холодрыгу на отцовской свалке на монреальской улице Де-Ла-Рош, мой отец — до него не дошло, что его освободили, — все еще пытался делать кирпичи при нехватке соломы[4].

Моше-Ицхак Рихлер.

Нехватка соломы, НЕЗАДАЧА — в этом вся история его жизни. Оба его брака не заладились. С моим старшим братом он был только что не на ножах. Мальчишкой я очень осложнял его жизнь. Ничуть его не уважал. Позже в синагоге совершенно незнакомые ему люди из тех, кто любит совать нос не в свои дела, корили его за мои романы. Я возвожу напраслину на евреев, говорили они. Если представить, что существует дар, обратный дару царя Мидаса, отец был наделен им сполна. Все грошовые акции рудников, приобретенные отцом, падали в цене. Он постоянно проигрывал в кункен. Когда его младшие, более рискованные братья, как родные, так и двоюродные, начали преуспевать, он уверял мою мать:

— Чем выше взлетят, тем больше упадут.

Мать, буравя отца презрительным взглядом, смеялась ему в лицо:

— Ты — самый старший, ну и кто ты такой?

Никто.

После того как его брак с моей матерью распался, он перебрался в съемную комнату. Потрясенный, униженный. Рогоносец улицы Св. Урбана. Он завел франтовскую соломенную шляпу. Спортивную куртку. Лосьон после бритья. Тогда-то я и обнаружил в бардачке его «шевроле» бутылку ржаного виски. У моего отца. Ржаное виски.

— Для чего это? — удивился я.

— Для femmes[5], — он подмигнул. — Это их распалает.

Я его запомнил коренастым коротышкой с лоснящейся лысой головой и большими оттопыренными ушами. Рихлеровскими ушами. Моими ушами. Вот он сидит вечером за кухонным столом в длинном зимнем исподнем и перед тем, как перевернуть страницу «Нью-Йорк дейли мэррор», слонит палец и перво-наперво читает Уолтера Уинчелла[6]. Кто-кто, а Уинчелл знает, что к чему. Он буквально пожирал

«Попьюлар меканикс», «Док Сэвидж» и «Блэк маск»[7]. Ну а для пополнения образования — «Ридерс дайджест». Мама, напротив, читала Китса и Шелли, «Кингс-роу», «Землю»[8]. Проказы отца ее не забавляли. Жестяное черное пятно на новом вязаном покрывале. Шерстяная мышка в холодильнике. Кныш, тайком начиненный ватой. Да и его шутки тоже были не в ее вкусе.

— Знаешь, почему, прежде чем съесть крутое яйцо, мы окунаем его в соленую воду?

— Не-а, пап. Почему?

— Чтобы мы не забывали: когда евреи переходили Тростниковое море, яйца они уж точно намочили.

В субботу поутру мы с братом сопровождали его в синагогу «Молодой Израиль» на Парк-авеню, рядом со Св. Виатёр[9]. Мне, как младшему — до бар мицвы я еще не дорос, — было позволительно носить вещи в субботу. Вот я и нес лиловый бархатный мешочек с молитвенными шалиями. Отец, которому многословные речи раввина претили, норовил до того, как раввин начнет разглагольствовать, улизнуть в заднюю комнату и там посудачить с другими мужчинами.

— В Японии, — сказал как-то отец, — есть такой обычай, ему уже не один век: перед тем, как человек начнет речь, ему в руки дают кубики льда. Он может трепать языком только до тех пор, пока лед не растает. Что бы и нашему раввину такой предел поставить.

Он был плотного сложения, грузный. Но на свадебных фотографиях — я увидел их лишь после его смерти — молодой человек, которому предстояло стать моим отцом, был таким же тощим, как и я когда-то, его испуганные карие глаза за стеклами очков в роговой оправе не улыбались. Гарольд Ллойд[10]. Ему разрешили по-быстрому клюнуть крошку-другую с мирского стола, но ясно дали понять, чтобы на место за столом он не рассчитывал.

Мой отец никогда не видел Парижа. Никогда не читал Йейтса[11]. Никогда не загуливал допоздна и не напивался в драбадан с друзьями. Никогда не улетал, когда в голову взбредет, в Нью-Йорк. Никогда не переворачивался на другой бок и не засыпал, когда пора было идти на работу. Никогда не влюблялся без памяти. На что он надеялся? Чего хотел? Понятия не имею — разве что мира и покоя, но их в его жизни, можно сказать, и не было. Насколько мне известно, он никогда не шел на риск, никогда не артачился. Мне почти не довелось видеть, как он гневается, лишь раз рассердившись, он урезонил родича, расхваставшегося тем, как успешно он вкладывает деньги в недвижимость, сказав:

— Знаешь, сколько человеку земли надо? Вот и у тебя когда-нибудь будет всего два метра.

Предвосхищая Банкера Ханга[12], он надумал копить в своей съемной комнате американские серебряные монеты. Синий дорожный сундук наполнился аккуратными столбиками серебряных долларов, четвертаков, десятицентовиков. Но задолго до того, как они вздорожали, ему пришлось сбить их по номинальной цене.

— Я опять пролетел, — сказал он смущенно.

Он взялся спекулировать на почтовых марках. Когда он умер в возрасте шестидесяти пяти лет, я обнаружил, что в сороковых он купил где-то в городе участок за тысячу двести долларов. Однако в 1967-м — при том, что цены на землю вздули и только последний дурак не греб деньги лопатой, — стоимость отцовского участка упала до девяносто долларов. Нельзя не признать, что при таких обстоятельствах это надо уметь.

Я был обуреваем страстями, отцу они были неведомы. Я мечтал о лаврах, он даже не вступал в соревнование. Вместе с тем мой отец, как и я, был писателем. Летописцем. Он вел дневник, куда заносил шифром собственного изобретения все обиды, оскорбления, предательства, семейные свары, неоплаченные долги.

Братья и сестры, бывало, подтрунивали над ним:

— Ой, ну ты нас и напугал! Смотри, я просто дрожу от страха!

Однако, когда его начал пожирать рак, они всполошились, засуетились: «Что будет с Мойшиным дневником?»

Мне был нужен его дневник. Очень нужен! Мне казалось: вот оно, мое наследство. Я надеялся: дневник откроет мне то, что отец по скрытности характера утаил. Но его вдова, дама жесткая, не пустила меня в ту комнату — она всегда была заперта, — где он хранил свои бумаги. Она сделала лишь одно исключение:

— Я возвращу твоей матери ее любовные письма. Те, которые он тогда нашел. Ты знаешь, те, от беженца.

Письма начала сороковых — моя мать тогда стала сдавать беженцам нашу гостевую комнату. Беженцев, немецких и австрийских евреев, Англия интернировала как граждан враждебного государства в 1939-м, вскоре после начала войны. Год спустя их на пароходе отправили в Канаду вместе с первыми немецкими и итальянскими военнопленными. По прибытии в Квебек армейский майор, перепоручая их канадской охране, сказал:

— Здесь есть немецкие офицеры, это отличные парни, есть и итальянцы, они вам неприятностей не доставят, а вон там, — он махнул рукой на беженцев, — отбросы Европы.

Беженцев интернировали в лагерь, но в 1941-м их одного за другим стали освобождать. Мой отец — а он за всю жизнь не встретил человека, перед которым мог бы заноситься, — ожидал, что это будет темнота с пейсами. Запуганные наивняки из штетла, которые будут видеть в нем прямо-таки кудесника. Кудесника, овладевшего тайнами канадской жизни. А вышло все наоборот: они смотрели на него свысока. Кто он такой — мусорщик, недоумок. Беженцы, оказывается, говорили лучше нас не только по-английски, но и по-немецки и по-французски. Они то и дело — и это после того, что с ними творили немцы, — норовили вернуть цитатку из этого сукина сына Геге. «Это ж надо», — говорил отец. Мало того, они еще распевали оперные арии в ванной. Они не смеялись до упаду над шутками «Фиббера Макги и Молли»^[13], не интересовались стриптизерками, трясшими буферами на сцене «Гэйети», не рвались освоить правила игры в кункен по четверти цента за очко. Мама была от них без ума.

Отец боялся своего отца. Боялся и моей несчастной матери, которая, когда мне шел четырнадцатый, а брату девятнадцатый год, потребовала, чтобы их брак расторгли. Боялся он и своей второй жены. Боялся он, увы, даже меня в мои подростковые годы. Я ездил на трамвае по субботам. Ел бекон. А вот Мозеса-Айзека Рихлера не боялся никто. Слишком он был смирный.

Рихлеры были неколебимыми ортодоксами, последователями Любавичского Ребе, и на том стояли. Поэтому, когда моя мать стала угрожать разводом — неслыханный в ту пору скандал, — стаи раввинов в развевающихся черных габардиновых сюртуках слетелись в нашу квартиру без горячей воды на улице Св. Урбана урезонивать мать. Ей, однако, уже давно опостылел заключенный по сговору брак, и она — наконец-то влюбившись — гнула свою линию. С нее довольно. Раввины только вздохнули, когда отец щелкнул подтяжками и, раскачиваясь на пятках, высказался — выложил, что его больше всего удручало в браке. Когда он, соснув днем в субботу, просыпался, ему не подавали чаю.

— А я лично, когда просыпаюсь, люблю выпить стаканчик чайку с лимоном.

В конце концов развод все же не состоялся. Вместо этого брак был аннулирован. Тут следует объяснить, что в провинции Квебек в то время на развод требовалось получить согласие парламента. Процедура это долгая и дорогостоящая. Юрист, друг семьи, нашел лазейку. Он просил аннулировать брак. Моя мать, поведал он суду, вышла замуж без согласия своего отца, будучи к тому же несовершеннолетней. Он выиграл дело. Формально — бахвалился я, бывало, в колледже — я байстрик.

В будни отец каждое утро вставал в шесть, надевал тфилин, читал утренние молитвы и вел свой грузовик в зимнюю темень к семейной свалке по соседству с портом. Он работал у моего гневливого, необузданного деда и чванного младшего брата. Дед взял в партнеры дядю Солли — тот окончил среднюю школу, — а не своего первенца, моего отца. Отец был всего-навсего наемным работником, работал за жалованье, мать это бесило. Все его младшие братья, чтобы освободиться от власти деспота отца, завели свой бизнес, но отец был слишком опаслив и их примеру не последовал.

— Вот наступят тяжелые времена, они как пить дать вернутся. Я еще не забыл депрессию. Это было что-то!

— Расскажи мне про депрессию, — просил я.

Но отец никогда, ни про что не рассказывал. Ни про свое детство. Ни про свои чувства. Ни про свои мечты. Про секс он впервые упомянул при мне, лишь когда мне уже шел двадцатый год, и я уезжал в Париж — попытаться стать писателем. Стоял в пальто дор. мод. с портативной «Роял» в руке.

— Ты знаешь, что такое гондон. Приспичит — а мне ли тебя не знать — имей гондон наготове. И не женись там. Ради пары нейлоновых чулок и канадского паспорта они на все пойдут.

Хорошо бы. Но отец считал, что только псих может поехать в Европу. Кладбище евреев. Континент, где одни развалины да древности. Невзирая на это, он одолжил мне свой синий сундук и каждый месяц высылал пятьдесят долларов на жизнь. А два года спустя, когда я оказался у разбитого корыта, он, ни словом не упрекнув, отправил мне деньги на обратный билет. Я сказал ему, что назвал роман, который написал в Европе, «Акробаты», и он с ходу предложил мне начать название второго романа с «Б», третьего с «В» и т. д. — чем не бренд. В итоге он пришел к выводу, что писать книги не так уж и глупо. В «Лайфе» он прочел, что Микки Спиллейн[14], а кто он такой — всего-навсего гой — огреб кучу денег. Оскорбленный в лучших чувствах, я в сердцах стал растолковывать ему, что я не какой-нибудь Микки Спиллейн, я — серьезный писатель.

— И что?

— Я пишу, чтобы избыть свои наваждения.

— Ишь ты, — он вздохнул и наконец-то потеплел ко мне: понял — вот оно, еще одно поколение неудачников в нашей семье.

Даже в детстве он редко меня поучал.

— Не срами меня. Не впутывайся ни в какие истории.

Я срамил его. Во что только не впутывался.

В начале сороковых мой дед с отцовской стороны снял дом на улице Св. Урбана, прямо напротив нас, десять из его четырнадцати детей еще не обзавелись своими семьями и жили с ним. С его младшим сыном, моим дядей Янкелем, всего тремя годами старше меня, мы в ту пору были еще друзья — не разлей вода. Но как бы мы ни колобродили после школы, на закате мы кровь из носу должны были явиться на вечернюю молитву в затхлый галицианерский шул за углом, куда, надо сказать, я не очень-то рвался. Как-то вечером, увлекшись химическими опытами в нашей «лаборатории», устроенной в дедовом подвале, мы не явились в шул. Вернувшись оттуда, дед, разъяренный, с налившимся кровью лицом, налетел на нас. Он расколошматил все до одной нашей пробирки и реторты, даже дорогой нам перегонный аппарат и тот не пощадил — шваркнул о каменную стену. Янкель просил прощения, я — нет. Через несколько дней я затеял драку с Янкелем, набросился на него, подбил ему глаз. Но Янкель наябедничал деду. Я был призван в дедов кабинет, там он вытащил ремень из брюк и выпорол меня.

Я в долгу не остался.

Я уличил деда — он обвесил пьяного ирландского разносчика. И это мой дед, блюститель заветов. Преисполнившись презрением, я, ликуя, побежал к отцу: сообщить, что дед надувала и ханжа.

— Много ты понимаешь, — насыпался на меня отец.

— Ничего не понимаю.

— Они все, как один, антисемиты.

Дед переехал на улицу Жанны Манс, за несколько кварталов от нас, и по воскресеньям вся семья должна была являться к нему. Дети, внуки. В Хануку самая суровая из моих теток занимала пост в прихожей, усаживалась за ломберный столик, заваленный играми — один год парчези, другой снейкс энд лэддерс[15]. Когда очередной внук проходил мимо стола, ему вручалась соответствующая игра:

— Счастливой Хануки.

Дед умел обращаться разве что с младенцами — терся бородой-лопатой об их щечки, пока они не начинали пищать. Подкидывал их на колене. Но мне уже шел тринадцатый год, и я повадился разгуливать по улице Св. Урбана с непокрытой головой, ездить по субботам на трамвае. В следующее воскресенье, когда мы с отцом отправились на улицу Жанны Манс, он попросил меня не срамить его, хоть в этот раз вести себя прилично, потом сунул мне ермолку.

— Туда нельзя прийти с непокрытой головой. Надень.

— Мои принципы этого не позволяют. Я атеист.

— Ты о чем?

— О Чарльзе Дарвине, — я только что прочел очерк в «Коронете»[16], — ты что, не слышал о нем?

— А ну надень ермолку, — сказал он, — не то я урежу твои карманные деньги.

— Ладно, ладно.

— Так вот, всезнайка, еврейские дети произошли не от обезьян.

— Когда у меня будут дети, я не буду на них давить.

Я сказал это, пробуя почву. Искоса поглядывая на отца. Дело в том, что я родился с неопустившимся яичком. И мой брат, как-то застигнув меня нагишом в ванной, расхохотался и стал уверять меня, что я не то что детей не смогу иметь, трахаться и то не смогу.

— С одним яичком, — сказал он, — тебе и трухать слабо.

Отец на эту приманку не клюнул.

Ему хватало своих забот. Моя мать. Беженец в гостевой комнате. Его отец.

— Как войдешь, зейде спросит тебя, что из Торы ты читал вчера в шуле. — И сказал, какую главу надо назвать. — Понял?

— Я его не боюсь.

Дед — глаза его польхали — залег в засаде в гостиной. Перед судьями — а в судьи подалась чуть не вся семья — он разоблачил меня как нарушителя субботы. Он же шабес гой, подзуживал деда Янкель. Дед ухватил меня за ухо, надавал пощечин и буквально вышвырнул из дому. Я перебежал через дорогу, потоптался напротив дедова дома: думал, отец будет меня искать, но когда он в конце концов вышел, выслушав уничижительную нотацию, уже в свой адрес, он только и сказал:

— Так тебе и надо.

— Нечего сказать, отец называется.

Тут-то я и заработал еще одну пощечину.

— Послушай меня, пойдй к зейде, извинись, как человек.

— Черта с два.

Больше я с дедом никогда не разговаривал.

Но когда он меньше чем через год после того, как брак моих родителей аннулировали, умер, моя мать настояла, чтобы я пошел на похороны: этого требовали приличия. Когда я явился в дом на улице Жанны Манс, гроб уже стоял в гостиной, вокруг него толпились дядя и тетки. Дядя Солли отгеснил меня в угол.

— Вот и ты, — сказал он.

— Ну и что?

— Ты ускорила его смерть, ты даже не поговорил с ним, а ведь он все эти месяцы проболел.

— Я в его смерти не виноват.

— Тебя, умник, он назвал в завещании первым.

— Вот как.

— Ты — плохой еврей, и он написал, чтоб ты не смел прикасаться к его гробу. Так сказано в его завещании. Так что к его гробу не приближайся.

Я обратился к отцу. Помоги мне, помоги. Но он пошевелил бровями и ретировался.

Вот почему многое в отце если не выводило меня из терпения, то ставило в тупик.

Все эти годы им помыкал отец, его пилила моя мать, над ним подтрунивали (пусть и любя) братья и родичи, все более и более преуспевавшие, — не клокотало ли у него все внутри, не лелеял ли он планы свести с ними счеты в дневнике? Или это его и впрямь нисколько не задевало — настолько он был незлобивый. Вообще-то, возможна еще одна версия, но о ней мне даже думать не хочется. Что, если он был вовсе не незлобивый, а просто трусоватый? Как и я. Кто, как не я, готов ехать черт-те куда, лишь бы избежать ссоры. Кто, как не я, не забывает обид, держит их в памяти, переиначивает и, зашифровав, причем мой шифр разгадать легче, чем отцовский, в итоге обнаруживает. Питает ими свои вымыслы.

Загадка в загадке.

Отца привезли в Монреаль в младенчестве, его отец бежал из Галиции. Погромы. Буйствующие казаки. Вместе с тем, если не считать стриптиза, из всех видов театрального искусства отец получал наслаждение только от Хора донских казаков, ежегодное выступление которого в театре Св. Дениса мы с ним никогда не пропускали. Отец топал в такт их застойным, их походным песням, глаза его загорались, когда он смотрел, как эти чудища, мучители его отца, ходят колесом, выделывают кренделя. И это Мозес-Айзек Рихлер, никогда не бывавший в походах, никогда не напивавшийся и не ходивший колесом.

Семейная жизнь его явно не радовала. Ни моя мать, ни мой брат, ни я. По воскресеньям он, как правило, норовил с утра пораньше в одиночку улизнуть из нашей квартиры, где горячей воды и той не было, в какой-нибудь центральный кинотеатр, начинал он с «Принсес» — тот открывался первым, оттуда перебирался в «Кэпитол» или «Пэлэс», затем в «Лоу». И возвращался домой уже затемно с помутневшими глазами, но довольный. К моему удивлению, он зорко следил за ошибками постановщиков. Обнаружив ошибку, он только что не прыгал от радости. Как-то раз он, к примеру, сказал:

— Нет, ты только послушай, Кларк Гейбл — он сидит в редакции газеты и говорит Клодетт Кольбер[17], что через час статья будет готова. И вот она возвращается, предполагается, что прошел час, а стрелки настенных часов не сдвинулись с места. Ни на сантиметр.

Другой раз он подметил вот что:

— Пустыня, Франкот Тоун[18] сидит в танке, и — хочешь верь, хочешь нет, — он кричит: «Ребята, вперед! В атаку!» И они идут в атаку. Но, если приглядеться, топливный расходомер показывает, что бак пуст. Не заправлен. Усек?

«Лучшие годы нашей жизни»[19] его потрясли.

— Там есть сцена, где Фредерик Марч[20] рыгает. Пьет с перепоя «алка-зельтцер» или что-то в этом роде и — как рыгнет! Прямо на экране. Нет, ты представляешь!

Моя мать мне рассказывала, и не раз (не дай Б-г я забуду): в ночь, когда я родился, отец вместо того, чтобы подождать в больнице и узнать, как она и кто у него — сын или дочь, — отправился в кино. Что за фильм тогда шел, вот что интересно.

Отец не мечтал об Италии, о крае, где лимоны зреют[21]. Он никогда не ходил гулять за город. Не читал романов, если только это был не один из моих — тут уж куда денешься, — и то потому, что его ими вечно шпыняли. Верхом блаженства для него были субботние представления в театре «Гэйети». Мой отец и один-другой из его младших, еще неженатых братьев, занимали центральные места в первом ряду. А на сцене — Персик, Анн Кюри или легендарная Лили Сен-Сир. Мой отец самозабвенно, с пересохшим горлом смотрел во все глаза на недостижимую Лили, изображавшую в ходившем волнами свете совокупление с лебедем, а потом трусил под снегом домой, сидел на кухне один-одинешенек, пил горячее молоко с мацой и отправлялся спать.

У нас с отцом случались стычки, и нешуточные. Вскоре после того, как брак моих родителей аннулировали, я подрался с отцом. Мы отходили друг друга. Два года не разговаривали. Потом помирились, встречались раз в неделю, но никаких разговоров не вели, играли в кункен по четверти цента за очко. Отец — такое у меня родилось подозрение — не был скрытным. Он не понимал жизни. Ему было нечего сказать.

В 1954-м, через некоторое время после моего возвращения в Европу, где я застрял на двадцать без малого лет, я женился в Лондоне на шиксе. Отец написал мне возмущенное письмо. Мы снова разошлись. Но мой брак кончился разводом, и отец торжествовал:

— Говорил же я тебе: смешанные браки хорошо не кончаются.

— Пап, твой первый брак тоже плохо кончился, а мама — дочь раввина.

— Что ты понимаешь?

— Ничего. — Я обнял его.

Когда я женился снова, на этот раз бесповоротно, но опять на шиксе, он не пришел в восторг, но и не роптал. После стольких пропавших лет к этому времени мы наконец подружились. Отец стал мне сыном. Когда-то он посылал мне деньги в Париж. Теперь, так как дедова свалка прекратила свое существование, я каждый месяц посылал ему чек в Монреаль. Наезжая домой, водил его в рестораны. Покупал ему всякие разносолы. Если он вел меня в воскресенье на сборище рихлеровского клана, он не забывал прихватить с собой шотландский виски, предварительно перелив его в бутылку из-под «Северн-Ап».

— Там тебе нечего будет выпить, а я тебя знаю.

— Это, пап, ты здорово придумал.

В шестидесятых я как-то ненадолго прилетел в Монреаль. Мои издатели сняли для меня номер в отеле «Ритц-Карлтон»[22]. И я пригласил отца в отель — выпить со мной.

— Знаешь, — сказал он, садясь за мой столик, — мне шестьдесят два, а я здесь в первый раз в жизни. В смысле внутри. Так вот он какой — «Ритц».

— Это же всего-навсего бар, — я смутился.

— Что тут полагается заказывать?

— Что хочешь, пап.

— Ржаной виски с имбирным элем. Это будет прилично?

— Разумеется.

Что от него осталось — неразгаданные тайны. Чувство жалости. Анекдоты — я буду наводить на них лоск.

Моя жена, гордая мать, показала отцу нашего первенца — ему исполнилась неделя отроду, и он вопил-надрывался — со словами:

— Правда, он похож на Мордехая?

— Ребенок, он ребенок и есть, — сказал отец, по-видимому, вполне безразлично.

Спустя несколько лет отец, приходя к нам, раздавал детям шоколадки.

— Ты кого больше любишь, — допытывался он, — папу или маму?

В середине шестидесятых я пригласил отца в Лондон, оплатил его перелет. Он прилетел с женой. Вместо того, чтобы улизнуть с ним в «Уиндмилл»^[23] или в «Реймондс-ревю бар», другое заведение со стриптизом, я — дурак он и есть дурак — купил билеты в театр. Мы повели отца с женой на «За рамками»^[24].

— Как тебе? — спросил я после спектакля.

— Подтанцовки не хватает.

Когда его в последний раз оперировали — у него был рак, — я прилетел в Монреаль, пообещал, что, как только он встанет, поеду с ним в Катскиллы. В «Гроссингер». С остановкой в Нью-Йорке — посмотрим там кое-какие шоу. Я вернулся в Лондон, и каждый раз, когда я звонил, его врач советовал мне подождать с приездом. Я ждал. Отец умер. В следующий раз я прилетел в Монреаль похоронить его.

[1]. *Страйк — удар, когда игрок разом выбивает все десять кеглей. — Здесь и далее прим. перев.*

[2]. *«Бонд клозес» — фирма готового платья для представителей среднего класса.*

[3]. *Дор. мод. — дорожная модель.*

[4]. *Шмот, 5, 7-13. Фараон повелел не давать евреям соломы, но требовать, чтобы кирпичей они делали столько же.*

[5]. *Здесь: дамочки (фр.).*

[6]. *Уолтер Уинчелл (1897—1972) — журналист, радиокомментатор. Считается отцом светской хроники, писал также о политике и экономике*

[7]. *«Попьюлар меканикс» — журнал, посвященный науке и технике, в нем также печатались статьи об автомобилях, ремонте дома и т. д.; выходил с 1902 года. «Док Сэвидж» — желтый журнал, целиком посвященный приключениям храброго молодца Дока Сэвиджа; выходил с 1933 по 1949 год. «Блэк маск» — низкопробный журнал, разные выпуски которого были отданы криминальной, детективной, оккультной и т. д. литературе; выходил с 1920 по 1950 год.*

[8]. *«Кингс-роу» (1940) — нашумевший в свое время роман американского писателя Хайнриха Хауэра Белламэна (1882—1945) о полной тайн и преступлений жизни американского городка в конце XIX века. «Земля» (1931) — эпический роман о жизни китайской семьи (Пуллицеровская премия 1932 года) американской писательницы Перл Бак (1892—1973). Нобелевская премия 1938 года.*

- [9]. *Св. Виатёр* — известная в Монреале бейгельная.
- [10]. *Гарольд Ллойд (1893—1971)* — американский актер немого кино, комик, создал образ наивного, трусливого простака.
- [11]. *Уильям Батлер Йейтс (1865—1939)* — ирландский поэт и драматург. Нобелевская премия 1923 года.
- [12]. *Нельсон Банкер Хант (р. 1926)* — американский предприниматель, в 1970-х годах начал скупать серебро, к 1980 году повысив его цену вдвое. Но 26 марта 1980 года в так называемый «Серебряный вторник» цена серебра резко упала, и Хант понес огромные убытки.
- [13]. «*Фиббер Макги и Молли*» — комическая радиопередача, выходила с 1936 по 1952 год.
- [14]. *Микки Спиллейн (1918—2006)* — американский писатель, автор «крутых» детективов, многие из которых стали бестселлерами.
- [15]. *Парчези, снейкс энд лэддерс* — настольные игры.
- [16]. «*Коронет*» — американский журнал, издавался с 1936 по 1971 год. В нем печатались самые разные материалы от популярных статей на разные научные темы до биографий кинозвезд и т. д.
- [17]. *Клодетт Кольбер (1903—1996)* — американская актриса, одна из самых знаменитых кинозвезд 1930-х годов.
- [18]. *Франчот Тоун (1905—1968)* — американский актер театра, кино, телевидения.
- [19]. «*Лучшие годы нашей жизни*» (1946) — фильм американского режиссера Уильяма Уайлера, рассказывающий о трудных судьбах демобилизованных солдат (премия «Оскар»).
- [20]. *Фредерик Марч (1897—1975)* — американский киноактер. За роль в фильме «*Лучшие годы нашей жизни*» получил премию «Оскар».
- [21]. Неточная цитата из Г. Гейне.
- [22]. «*Ритц-Карлтон*» — один из самых дорогих отелей Монреаля.
- [23]. «*Уиндмилл*» — известный лондонский мюзик-холл. Закрыт в 1964 году.
- [24]. «*За рамками*» — передовое для своего времени сатирическое театральное обозрение, в нем высмеивались Черчилль, Макмиллан и т. д.

Бесшабашные, напористые мальчишки и девчонки год за годом показывали на выпускных экзаменах наивысшие результаты в провинции Квебек.

«ББ» стоит на улице Св. Урбана, в самом сердце бурлящего жизнью еврейского квартала Монреалья. В мое время улица Св. Урбана занимала нижнюю ступеньку лестницы, по которой все мы рвались подняться. Впрочем, нет, улица Св. Урбана занимала не нижнюю ступеньку, ниже ее была Кларк: на Кларк не было даже задних дворов, мусор там выбрасывали на улицу. У самого входа в дом. Прямо за Кларк тянулась пресловутая Главная, точнее, бульвар Св. Лаврентия. «Кулинария» Левитта. «Котлетная» Мойше. «Булочная» Ричстоуна. Издательство газеты «Канадиэн джуиш игл»[3]. «Канада», где за четвертак можно было посмотреть три фильма за раз. Правда, порой во время сеанса тебя покусывали за щиколотки серые скользкие тварюги. В «Рокси» и «Кристал-пэлэс» показывали всего два фильма, зато сеанс включал и шоу — жалкий парад раздобревших стриптизерш.

— А ну-ка, ребятки, быстренько наденьте очки, — призывал конферансье, — красотки грядут!

За стилижными брючатами, модными коками и бесплатными рекламными календарями автозапчастей, на которых красовались длинноногие девчонки в задранных порывом ветра платьях, приходилось отправляться на Главную — куда ж еще. Если календарь был стоящий, «блузка рельефно обрисовывала девичьи соски», как писали в лучших из тех рассказов, что печатал «Тру детектив»[4].

Мир наш в основном ограничивался пятью улицами, расположенными между Парк-авеню и Главной: улицами Жанны Манс, Эспленейд, Уэверли, Св. Урбана и Кларк. Подтянувшись что есть силы на предпоследней ступеньке — улице Св. Урбана, — можно было разглядеть поверх разделяющей нас Парк-авеню благословенный Утремон с его обсаженными деревьями улицами, парками, катками и (О Б-же!) цокольными этажами с шикарной мебелировкой. Утремон, где девчонки носили не блескучие платьишки из уцененки с яркими — вырви глаз — ракушечными бусами, а наряды, купленные в настоящих магазинах, с ниткой жемчуга, да, да, и жемчуг этот купили аж у Биркса[5], а не стибрили с развалов в Кресге, а утремонские папаши в тройках и щегольских шляпах продавали недвижимость или свитера, или страховки, или (он тогда был в новинку) пластик. Учились играть в гольф. Им ничего не стоило проехаться в Нью-Йорк, чтобы «сходить на пару-тройку шоу» или снять на лето коттедж в Сент-Агат-де-Мон на берегу озера. Они приобретали для детей серию «Книги знаний» — их выставляли на видном месте в застекленных книжных шкафах. «Кингс-роу» или «Навеки Амбер»[6], напротив, прятали в нижние ящики письменного стола. Под замок.

Утремон — предмет наших вожелений — не переставал нас изумлять. Там наши ровесники не болтались по табачным лавкам или бильярдным, у них были свои комнаты. Игровые залы в цокольных этажах. Столы для пинг-понга. В ваннных комнатах были горячие полотенцесушители. Буквально в каждой кухне — миксер. И не какой-то там ледник, а холодильник. В школе у меня был приятель из Утремона. Так его мать носила пенсне, а чтобы открывать дверь и отвечать на телефонные звонки, они держали горничную.

Столпившись у телефона, мы названивали им, только чтобы услышать, как горничная прошепечет: «Вы позвонили в резиденцию Фейгельбаумов».

Отцы же с улицы Св. Урбана работали закройщиками, гладильщиками или мусорщиками, после работы расходились по квартирам, где и горячей воды-то не было, садились ужинать в длинном, не первой свежести исподнем, за столом стригли ногти. Матери организовывали благотворительные базары, вырученные на которых деньги шли Еврейскому национальному фонду, люто соперничали за места в попечительских комитетах талмуд торы или «Фольксшуле», обеих приходских школах. Тетки навевывались к нам, запасшись лотерейными билетами по десять центов за штуку. Выигрыш — RCA Victor radio[7]. Выигрыш — трехтомная «История евреев» с футляром в придачу. Дамы все, как одна, обожали «Синюю птицу счастья»[8] Жана Пирса (он был из наших) и вечно крутили эту пластинку.

Мы отдавали предпочтение «Звездной пыли» Арти Шоу[9] — под нее можно было танцевать, обнявшись, или любое буги-вуги — тут уж можно было откалывать разные коленца. В мои обязанности входило после ужина, перед тем, как заложить на ночь уголь в топку, отсеять золу, так что из сарая я выходил, до времени посевев. Я посещал приходскую школу (учил там английский, иврит, французский), после школы три дня в неделю корпел в задней комнате синагоги «Молодой Израиль» над Талмудом под руководством мистера Ялофского.

— Если человек падает с крыши восьмизэтажного дома, а четырьмя этажами ниже другой человек высунет из окна меч, и меч вонзится в первого, виноват ли второй в убийстве? Или нет?

— Рабби Менаше спрашивает: он упал с крыши или его столкнули?

— Рабби Йеуда спрашивает: не разорвалось ли у него сердце до того, как в него вонзился меч?

— Приходятся ли эти двое друг другу родственниками?

— Врагами?

— Друзьями?

— Меч просто торчал из окна или его вонзили в падающего?

— Умер бы тот человек, упав с крыши, и так?

Нам бы их заботы. На коленях под партой мы, с риском получить взбучку от мистера Ялофского, прятали развернутую на спортивной странице «Геральд». А заботило нас, детей нового мира, вот что: займет ли Ударная тройка (Морис «Ракета» Ришар, Элмер Лач, «Ту» Блейк[10]) первое-второе-третье место по числу заброшенных шайб и расколошматят ли «Монреаль канадиэн» грозных торонтских «Мэпл ливз» в финальных играх на Кубок Стэнли?

Наши родители рассчитывали, что мы, та еще бражка, но как-никак первое поколение, родившееся в Канаде, прорвемся в Макгилл, университет при этом они понимали вовсе не так, как кардинал Ньюман[11]: они смотрели на него как на тали, которые вознесут нас в благословенный Утремон. Многие из нас, не все, разумеется, пробрались не только в Утремон — Утремон оказался не более чем пересадочной станцией, — а в некогда judenfrei[12] Маунт-Роял и даже Уэстмаунт[13]. Повыше Бульвара.

Полное счастье, что да, то да, но чего оно стоило.

En route[14] Шнейдер, англизируясь, превращался в Тейлора, Паттершнит в Паттерсона, Крашинский в Кейна. Детей называли уже не Гиршлами или Мотлами, Малками или Ципорами, а Стюартами, Байронами, Мелиндами или Ванессами. После школы они больше не играли в камешки под винтовыми лестницами: девчонок в лифчиках-нулевках, купленных аж в Нью-Йорке, возили в мамочкином «мерседесе» к пластическим хирургам — подправлять носы, в балетные школы, к ортодонтам. Мальчишки больше не подрабатывали после школы в аптеке разноской лекарств, чтобы купить себе велосипед, а брали уроки тенниса: на них можно было завести нужные знакомства.

Ну а потом наш исходный рубеж стал (вот уж чего не ожидали, того не ожидали) модным. И кое-кто из детей, неблагодарных всезнаек, вытесняя новых его обитателей — греков, итальянцев, португальцев, вернулся на улицу Св. Урбана в паршивые жалкие квартирёшки без горячей воды. На улицу Св. Урбана, где распускали слухи, что они курят марихуану и кувыркаются с девчонками на своих замызганных простынях, даже не стянув ковбойских сапожек, а в окнах выставляют не фикусы, как заведено было в добрые старые времена, а возмутительные плакаты. Эти канающие под бедняков ребятишки в дизайнерских джинсах борются против атомных электростанций, кислотных дождей и герпеса, за выращенные без удобрений овощи, качественные многократные оргазмы и Parti Que'be'cois[15].

— Parti Que'be'cois?

— Вы угнетали французов, — поучали они дедов, которые гнули спины над швейными машинками, еле-еле сводя концы с концами, отцов, которые еще не забыли, как им приходилось отбиваться от вооруженных обрезками свинцовых труб сторонников Адриана Аркана[16].

— Пора бы вам уподобиться настоящим Que'be'cois, — поучали они.

— Это что же — мне в мои годы пристраститься к шоколадным тортам с кремом, сахарным пирогам и жареной картошке с уксусом?[17]

— Говоришь, как расист.

— Послушай, мальй, я же не требую, чтобы они постились со мной на Йом Кипур, ну а раз так, и я не обязан ходить с ними на парад в день Иоанна Крестителя[18].

Красные дни календаря на улице Св. Урбана.

Регулярно, раз в месяц, зажав в ладошке четвертак, я отправлялся в парикмахерскую на углу Парк-авеню и Лорье, и со временем привык, как это ни унижительно, что Мо, перед тем как приступить к стрижке, клал на подлокотник кресла доску, чтобы поднять меня повыше. Но в тот счастливый день Мо только мотнул головой и буркнул: «Садись». Доску класть не стал. Я подрос, и теперь мог — не хуже других — сидеть в кресле. Стал по меркам улицы Св. Урбана мужчиной. С того дня мне все по плечу.

А в еще один счастливый день я, на этот раз в «Барон Бинг», созрел политически.

Старший сын Рамсея Макдональда[19] Малкольм, британский министр по делам колоний, пришел поприветствовать нас в спортивный зал, но те из нас, кто были членами Рабочей сионистской партии, наотрез отказались встать и пропеть «Боже, храни короля». Враждебное молчание — вот что встретило Макдональда. О чем говорить: этот гад перекрыл иммиграцию в Палестину. Дырявые посудыны, битком набитые еле-еле душа в теле узниками концлагерей, которым посчастливилось выжить, поворачивали восwoяси или отводили в Кипр.

На улице Св. Урбана мы были строго ортодоксальными, убежденными членами Рабочей сионистской партии или пламенными коммунистами. Были у нас и свои гомосексуалисты, во всяком случае, они сходили за таковых, а именно юнцы, которые читали стихи и курили сигареты с пробковыми фильтрами, была у нас и своя, по крайней мере, одна, насколько мне известно, профессиональная проститутка, но, разумеется, никто ни за что на свете не признался бы, что он член Консервативной партии.

Попытки коммунистической агитации на улице Св. Урбана порой принимали странный оборот.

Один мой родственник, в ту пору коммунистический смутьян, ныне компьютерный специалист, ходил от двери к двери, уговаривая голосовать за члена парламента от Лейбористско-прогрессивной партии Фреда Роза[20]. И вот, когда он, стоя на крыльчке одного, как он полагал, симпатизирующего коммунистам дома, разглагольствовал о Марксе, Энгельсе и плачевном положении рабочих в Монреале, разгневанная домохозяйка оборвала его на полуслове.

— Может, вы и правду говорите, — не могла не признать она, — но уж вы как хотите, а на этот раз я за него голосовать не буду.

— Это почему же?

— В прошлом апреле его племянница выходила замуж, так на церемонию нас пригласили, а в ресторан — нет. Пошел он куда подальше.

Последний мой год в СШББ я вечерами работал в кегельбане на Парк-авеню — расставлял кегли. Через год, поступив в колледж сэра Джорджа Уильямса, я подыскал работу — писать репортажи для «Монреаль геральд» о всяких мероприятиях в нашем колледже, платили там пословно. Кегельбан платил за десять кеглей три цента, «Геральд» — за десять слов всего два, но высокооплачиваемой работе в кегельбане я, не постояв за ценой, предпочел «Геральд», надо думать, по причине скороспелого увлечения словесностью.

Св. Урбана.

Как и многим бывшим ученикам моего поколения, мне случается шататься по проулкам, где мы играли в хоккей, проулкам, по-прежнему заваленным кучами мусора и дырявыми матрасами, из которых торчат пучки конского волоса. Я неизменно останавливаюсь у бейгельной на Св. Виатёр неподалеку от Парк-авеню. В соответствии с положением о роли французского языка (указ 101) она теперь называется «La

Maison du Bagel. Boulangerie»[21]. АМИ[22] на Маунт-Роял, где мы боксировали в надежде заработать «Золотые перчатки», превратился в «Pavillon Mont-Royal de l'Université de Montréal»[23]. Моя прежняя приходская школа — талмуд тора, где мы когда-то с грехом пополам осваивали ивритскую грамматику, к счастью, не совсем утратила связь с Сионом. Теперь это е'cole Primaire Nazareth[24]. Всего за квартал, на Лорье, магазинчик Стюарта «Бисквиты», где за два цента давали целый пакет бисквитного лома, — он все еще там. Но табачная и бутербродная лавка Шахтера прямо напротив, в которой вечно торчал мой отец, превратилась в антикварный магазин, где вас обдерут, как липку, и где — хочется думать — все еще ведут баталии тени былых игроков в кункен. Лорье, что над Парк-авеню, уже не жалкая улочка с лавчонками, где торгуют велосипедами и запчастями. Теперь это улица изысканных ресторанчиков, бутиков, магазинов деликатесов и книжных магазинов. Г-споди ты Б-же мой, в наши дни всего за два квартала от Св. Виатёр с ее райского вкуса горячими бейглами и Mehadrin's Marche' de Viande Kocher[25] можно полакомиться горячими круассанами и эспрессо.

Парикмахерскую Джека и Мо, где можно было попутно поставить два доллара на лошадь, вытеснило отделение Banque Nationale de Gréce[26], куда вкладывать капиталы более надежно. На Парк-авеню не найти синагогу «Молодой Израиль». «Риджент-тиэтр», где я высидел на балконе, по меньшей мере, четыре сеанса по два фильма в каждом, прежде чем набрался смелости (потихоньку, потихоньку) положить руку на костлявые плечи Ривы Танненбаум, когда же я решился поцеловать ее в щеку, сердце мое бешено колотилось, — там началось мое падение в пучину неслыханного разврата. «Риджент-тиэтр» превратился в «Le Пилотку», теперь там показывают завлекательные ножи во «Всестороннем ознакомлении со взлетами и падениями производства чулок и подвязок». «Риальто» на углу Бернарда тоже стал порнозаведением, тут вам продемонстрируют забористые штучки в греческом вкусе. А на знакомом отрезке Парк-авеню — где наши матери в былые времена долго приценивались к разрозненным чашкам и блюдам, улице, где пределом греховности было по-быстрому пролистать у газетной стойки на углу последний номер «Эсквайра» в надежде поглядеть на Варгасову красотку[27], — теперь царит кромешное непотребство. Там, где девчонка, выйдя погулять в свитере в облипку, выставлявшем напоказ, чем ее одарила природа, повергала в шок всю округу, теперь можно заскочить как в «Тайны суперсекса» с их danseuses nues[28], так и в «Экспосекс» — в обоих заведениях вам еще подадут и гамбургеры на обед. В придачу — так они говорят. Но при всем при том Парк-авеню все еще улица хасидских раввинов и их потомства. Прямо за углом Парк-авеню, на Жанне Манс, укоренились могучие последователи Сатмарского Ребе[29], неподалеку от них поселились многочисленные приверженцы Любавичского Ребе. Мальчишки в кипах, с пейсами поют хором:

Ī ū māēpāāi ṯōdīāē ēāōdō,

Ā i dī ōdīōīā i'āōūīāi īā ādō:

Ādāiī īīī āēy āōē ē āēy ōāā,

Āā ādāp ēōāōūīā āāī.

Те, кто вырос на Св. Урбана, наведавшись в свой старый квартал, непременно заскочат к «Виленскому» на углу Кларк и Фэрмаунт — полакомиться его фирменным блюдом. А его фирменное блюдо, чтоб вы знали, это ассорти из разных салями, запеченных во вкуснющей булочке. Запивать ее принято домодельной вишневой газировкой прямо у сатуратора.

«Виленским», который обслуживал наш квартал с 1931 года, теперь правит Мо, сын первого владельца. Всю вторую мировую войну мы кучковались у сатуратора, спорили о политике так, что пух и перья летели. Должны ли союзники открыть второй фронт сейчас, чтобы ослабить натиск немцев на русских, но при этом рисковать жизнями многих юнцов с улицы Св. Урбана, которые пошли в армию?

Постаревшие ребята с улицы Св. Урбана, сорок лет спустя столкнувшись в «Виленском», все еще толкуют о политике, но уже не о войне по ту сторону океана, а о здешнем бедствии — Parti Que'be' cois. Ребята, с которыми я рос, — они успели стать отцами, и теперь их интересует не какой счет, а какой у них уровень холестерина, — растекаются по углам и перешептываются:

— А ты не собираешься уехать из Монреаля?

— Что ты мне предлагаешь? Драпануть в Торонто, обзаводиться там новыми друзьями, в моем-то возрасте?

В розни между англичанами и французами евреи, такое у них ощущение, очутились в Монреале между двух огней.

— Послушай, — сказал мне старый друг, — я вовсе не думаю, что Parti Que'be'cois — антисемитская партия. Ты только посмотри на лица в первом ряду ассамблеи, там каждый — ума палата. Они же что-то вроде сионистов у себя на родине. Я вполне понимаю, что им нужно. Головой понимаю. Но знаешь, что я здесь, — он похлопал себя по пузу, — что я нутром чую? Если они получают, что хотят... кто будет виноват? Мы, кто ж еще.

Ну а теперь и улица Св. Урбана, и Главная, и Парк-авеню перешли к итальянцам, грекам, португальцам, иммигрировавшим, по большей части, после второй мировой войны, и в нахрапистости они евреям былых времен не уступят.

Вот, к примеру, старый проныра Джимми Эссарис. Видный брюнет под пятьдесят с жгучими черными глазами. Джимми родился в фермерской деревеньке в окрестностях Афин, в Канаду приехал в 1951 году без гроша в кармане, ходил взад-вперед по улицам, стучался во все двери, пока наконец не устроился посудомойкой в греческую забегаловку в пригороде Лашина. Ни по-английски, ни по-французски он не говорил, но уже через пять месяцев дорос до бармена, убедил хозяина торговать круглосуточно и тем самым утроить выручку. Джимми проработал в той забегаловке три года и в 1954-м уже получал сто долларов в неделю.

Notman photographic Archives | McCord Museum

— Не пойми меня неправильно, — сказал мне Джимми, — тогда это были ого-го какие деньги.

Годом позже Джимми уволился и приобрел ресторан у греческой четы в летах. Они просили за ресторан четыре тысячи долларов, Джимми предложил три — все, что он скопил.

— И вы их возьмете, — сказал он им, — потому что вы греки и я грек, ну а нет — я открою ресторан по соседству. — Я выложил деньги на прилавок, и старикан дрогнул. — И нотариуса тоже оплатишь ты — так я ему сказал, — добавил Джимми. — В скором времени дела у меня пошли лучше не надо, я заколачивал по двести долларов в неделю чистыми, но ресторанчик их мне не подошел — маловат, в нем не развернешься, ну, я и продал его за девять тысяч. На дворе 1955-й, я уже завел автомобильчик, он мне встал в триста долларов. И вот как-то под вечер звонит мне одна девчонка и говорит: хочу, мол, съездить в Монреаль, кино посмотреть. А я до тех пор так и не расчухал, что это за Монреаль такой. Но раз ей загорелось в Монреаль, едем в Монреаль. А припарковаться я никак не могу. Здесь не могу, там не могу. И хочешь не хочешь пришлось мне ехать на парковку. А старикан, тамошний служитель, и говорит мне: парковка доллар. Доллар за парковку. Ну я чинно, благородно даю ему доллар, а сам тем временем считаю, сколько на парковке машин. И меня точно обухом по голове ударило. Я сажусь на поребрик и думаю: это ж какие дела тут можно проворачивать. Доллар за парковку, и ни тебе сэндвичей черт-те с чем не надо варганить, ни посуду мыть. И что там за кино, я не вижу: не о кино у меня мысли. И я говорю девчонке: плачу тебе двадцать пять долларов в неделю, только найди мне парковку.

В начале 1956 года Джимми нашел парковку в центре, на Стэнли-стрит, и арендовал ее за семьсот пятьдесят долларов в месяц. Но не успел он подписать договор с владельцем, как служитель парковки ему и говорит: «Ну ты и простофиля, за два года эта парковка четыре раза переходила из рук в руки, ты будешь пятый, кто ее арендовал».

— В первый вечер я заработал двадцать долларов, во второй восемнадцать. Множу на тридцать, и что же: выходит, мне даже мои семьсот пятьдесят не отбить. Тогда подумал я, подумал да и позвал копа со Стэнли-стрит выпить со мной кофе и говорю ему: не пойми меня неправильно, но я хочу поделиться с тобой своим горем. Я бедный греческий парень. У меня ни гроша за душой. Мне нужна помощь. Выписывай им штрафы. Нагони на них страху. Не могу, говорит он. Но мы сдружились, близко сдружились, и он говорит: я тебе помогу. Словом, в первый же вечер я огреб сто долларов. Деваться-то им некуда. А через две недели на моей парковке яблоку негде упасть. И деньги сами плывут мне в руки.

Сегодня у Джимми Эссариса пятьдесят парковок в Монреале, Квебек-сити и Торонто, на него работают триста человек, валовая выручка у него двенадцать миллионов долларов.

— Я против сепаратизма, — говорит он, — но я отсюда ни ногой. Придется драться, буду драться. Без английского нам никак. Все дела делаются на английском, и им придется это скушать. Но меня огорчит, если мои дети не будут говорить и по-французски. Бедные греки с улицы Св. Урбана не знают покоя. Они работают в поте лица. Бежали сюда в надежде на тихую жизнь, а теперь и здесь начались раздоры, это ж ужас что такое. В Греции с 1939 по 1951 год мы хлебнули лиха. А Левек[30], он так руководит экономикой, что все разорятся и предприятия одно за другим позакрываются.

[1] Средняя школа «Барон Бинг» названа в честь Джулиана Хедуорта Бинга, с 1921 по 1926 год генерал-губернатора Канады. С 1920-х по конец 1950-х годов в ней учились преимущественно ребята из еврейских семей с невысокими доходами. Из нее вышли видные ученые (в том числе нобелевские лауреаты), деятели искусств, предприниматели. Описана в произведениях многих писателей.

[2]. Линия Гитлера — линия немецкой обороны в Центральной Италии. Соединенные силы 8-й Британской армии, 1-й Канадской пехотной дивизии и 2-го Польского корпуса прорвали ее не в сентябре, а 25 мая 1944 года.

[3]. Точнее, «Канадиэн игл» — ежедневная еврейская газета, основанная в 1907 году с целью помочь иммигрантам найти себя в новой жизни.

[4]. «Тру детектив» — журнал, публиковавший детективные рассказы, рассказы об известных преступниках и т. д. Основан в 1924 году. Пользовался огромной популярностью.

- [5]. Ювелирные магазины фирмы «Биркс и Мэйор». Сеть дешевых магазинов основателя крупной компании Себастьяна Кресге (1867—1966).
- [6]. «Навеки Амбер» (1944) — популярный роман Кэтлин Виндзор о любовных приключениях красавицы авантюристки при дворе Карла II.
- [7]. Настольный ламповый приемник, выпускавшийся Радиокорпорацией Америки.
- [8]. «Синяя птица счастья» (музыка Шандора Хармати, слова Эдварда Хеймана) в исполнении лирического тенора Жана Пирса (Якова-Пинхаса Перельмута; 1904—1984), американского оперного певца, была записана в 1936 году и издана огромными тиражами.
- [9]. «Звездная пыль» — одна из самых популярных пластинок оркестра Арти Шоу (Артура Джейкоба Аршавского; 1910—2004), американского джазиста («короля кларнета»), композитора и руководителя оркестра.
- [10]. Морис «Ракета» Ришар, Элмер Лач, Гектор «Ту» Блейк по прозвищу Ударная тройка — знаменитые хоккеисты, играли за команду «Монреаль канадиэн».
- [11]. Джон Генри Ньюман (1801—1890) — английский религиозный и общественный деятель, писатель. Один из основателей и ректор Дублинского католического университета. Его лекции и эссе с размышлениями о роли университетов собраны в книге «Идея университета» (1873). Ньюман считал, что задача университета — развивать ум, а не снабжать практическими знаниями.
- [12]. Свободный от евреев (нем.) — термин, употреблявшийся нацистским режимом. Обозначал Европу, освободившуюся от евреев путем «окончательного решения» еврейского вопроса.
- [13]. Маунт-Роял, Уэстмаунт — городки на островке посреди Монреалья, где в основном живут представители высшего слоя среднего класса.
- [14]. По пути (фр.).
- [15]. Квебекская партия (фр.) — политическая партия, выступавшая за предоставление суверенитета провинции Квебек, предоставление французскому языку в Квебеке статуса государственного и т. д. Образована в 1968 году на ассамблее путем слияния двух движений — Движения за суверенитет и Национального объединения.
- [16]. Адриан Аркан (1899—1967) — журналист, демагог, последователь Гитлера, издавал газеты фашистского толка, возглавлял различные партии франко-канадских националистов.
- [17]. Блюда национальной кухни квебекских франкофонов.
- [18]. День Иоанна Крестителя (24 июня) — национальный праздник провинции Квебек. В этот день устраивают парад, играют уличные оркестры и т. д.
- [19]. Рамсей Макдональд (1866—1937) — английский государственный и политический деятель, один из основателей и лидеров Лейбористской партии.
- [20]. Фред Роз (Фред Розенберг; 1907—1983) — канадский политический деятель, профсоюзный организатор, коммунист. Евреи в большинстве своем голосовали за Роза. В 1947 году Роза арестовали за шпионаж в пользу иностранного государства, Роз свою вину отрицал.
- [21]. Буквально: «Дом бейгла. Булочная» (фр.).
- [22]. АМИ — Ассоциация молодых иудеев, так первоначально называлась международная еврейская неполитическая организация, ныне объединяющая свыше двухсот объединений в

Североамериканскую ассоциацию местных еврейских центров. Организует досуг и обучение молодежи, содержит общежития, клубы, гостиницы и т. д.

[23]. Павильон Мон-Руаяль Монреальского университета (фр.).

[24]. Начальная Назаретская школа (фр.).

[25]. Рынок строго кошерного мяса (фр.).

[26]. Национальный банк Греции (фр.).

[27]. Красотки, которых писал для разных журналов Альберто Варгас (1896—1983), американский художник родом из Перу. Его рисунки пользовались огромным успехом у солдат во время второй мировой войны.

[28]. Голыми танцовщицами (фр.).

[29]. Рабби Йозель Тейтельбаум (1887—1979) — основатель сатмарского хасидизма, получившего распространение среди венгерских и румынских евреев, переживших Холокост.

[30]. Рене Левек (1922—1987) — лидер Квебекской партии с 1968 по 1985 год. В 1976 году образовал правительство провинции Квебек, стал премьером Квебека, после чего многие англофоны стали переезжать в Торонто, начался экономический спад, и в 1984 году Левеку пришлось уйти.

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

Не смотри на меня так, сказал он. Ему было совсем не безразлично, как она выглядит. И его огорчало, что она смотрится старше, чем двадцать лет назад. Он сказал: Я-то видел, как умирают люди. Не один и не два. Много их было. Они были полностью готовы. Боль. Отчаяние. Беспмятство, кошмары. Настоящая кома, в которой бушуют кошмары. Они были готовы. И ты, Сашка, тоже будешь готова. Слишком уж не волнуйся.

Хо-хо-хо, сказал из-за занавески с соседней кровати Джон. Док, я не готов. Чувствую себя ужасно. Кошмары достали. Не сплю вообще. Но я не готов. Я не могу мочиться без катетера. Одиночество! Да ты хоть раз видел, чтобы меня кто из детей навестил? Нет! А я все равно не готов. Н-Е-Г-О-Т-О-В. Он произнес это по буквам, глядя в потолок или сквозь потолок — на садик для неизлечимых на крыше, а сквозь него — на Б-га.

На следующее утро Деннис сказал: Я лучше умру, чем лягу в больницу. А это еще почему?

Почему? Не хочу, чтобы мной распоряжались другие. Тебе не дают принимать таблетки, которые — ты точно знаешь — тебе помогают, а когда наконец ты готов принять хоть их таблетку, звонишь, а они не подходят. Медсестра с тремя интернами развлекаются в справочной. Сам видел. Там стойка высокая, она отвечает на вопросы, а они по очереди пользуют ее раком.

Деннис! Что за идиотизм? Ты говоришь как старушка, которой снятся сны про изнасилование.

Очень круто, сказал он. В том, что касается моего здоровья, — я действительно как старушка. Ну, нравится мне это. Хочу, чтобы зубы у меня кусали как надо. Как надо, сестричка. Он начал петь, но тут же умолк. Ну ты подумай! Твоя судьба в их руках. Они все решают. Жить тебе? Или ты, с их точки зрения, хиппарь, который слова доброго не стоит? Тогда помирай!

Да неужели? Никто не даст тебе умереть. Это-то и есть главная ошибка. Они по многу лет держат людей живыми — когда смерть уже в них поселилась.

Это ты про таких, как твой отец? Александра, голая, выпрыгнула из постели. Мой отец! Да он в двадцать раз тебя живее! Остынь! — сказал он. Залезай обратно. Я только начал тебя трахать, а ты развопилась. И вот еще что. Не говори это слово. Я его ненавижу. Когда ты с женщиной, используй подходящие выражения.

И как же ты хочешь, чтобы я говорил?

Я хочу, чтобы ты говорил: я только собирался заняться с тобой любовью и так далее.

Это точно, сказал Деннис. Собирался. Когда она вернулась в постель, он коснулся лишь кончиков ее пальцев, хотя она была вся перед ним. Он целовал каждый пальчик и приговаривал: Я хочу заняться с тобой любовью. Говорил нежно, без издевки.

Деннис, сказала Александра, сама смутившись своего открытия, ты совсем как мои подопечные. Ты даже похож на одного, на Билли Батальона. Его настоящая фамилия Баталь, но он называет себя Батальоном — хочет, чтобы его отправили во Вьетнам и убили — как его сводного брата. Он большой фантазер.

Александра, ты слишком много болтаешь, все, хватит политики. Александра сказала еще пару фраз. Он носит с собой палку с шаром, утыканным гвоздями, — просто какое-то средневековое оружие, на случай, если враги с Суффолк-стрит его отцээршат. Так они выражаются.

Никогда не слышал. И вообще, я ревную. И я тоже враг с Суффолк-стрит.

Нет-нет, сказала Александра. И тут в зеркале на материнском туалетном столике в углу комнаты углядела кусок голый груди. Она сказала: Фу! Так-так, сказал Деннис, лаская то, что, как ей показалось, она и увидела — складочку между грудью и животом. Александра, это совершенно нормально. Мужчины так не меняются, как женщины. Из всех животных только женские особи человека теряют с возрастом эстроген.

Правда? — спросила она.

Следующие полчаса им говорить было не о чем.

Откуда ты это знаешь? — спросила она. Деннис, ты столько всего знаешь. Зачем? Зачем? Это мне нужно для творчества. И, невзирая на свою юность, он отвлекся от любви — как часто делают настоящие творцы, которым важнее их песнь. Он запел:

**Заночуй
Средь лесных маргариток
Под деревом висельника
с тузом пентаклей
и со мной
маргаритка**

**А как же
экология?
Ты мчишься слишком быстро
Маргаритка ты едешь одна**

**Эй Маргаритка выруби мотор
слей масло
обратно в камень**

Мне эта очень нравится. Просто замечательно! — сказала Александра. Только вот разве экология — подходящее слово для песни? Оно же научное...

Любое слово подходит, и вообще, сегодня время слова, сказал Деннис. Главное, что ты делаешь со словом. Слово и мысль, они действуют сообща.

Правда? А откуда ты в основном берешь мысли?

Не хочу ни есть, ни спать, сказал он. Пожалуй, больше всего хочу уткнуться носом в твою сиську. Разговоры, разговоры. В основном? Ну, по большей части из журнала «Научная Америка». За завтраком он продолжал думать о языке. И поэтому молчал. Съев оладьи, он сказал: Вообще-то, Александра, я могу использовать любое слово, какое захочу. И использую. На прошлой неделе я доказал это в одном разговоре вроде этого. Попросил голубоглазых кошечек дать мне словарь. Полистал его и ткнул пальцем, попал в слово *офидический*. Но я его использовал. Потому что слово само включает твоё воображение. Само слово.

На мелодию, напоминавшую балладу «На вершине холма», он спел:

**Офидический сад
Придумал Фрейд
там убили трех женщин
о, трех женщин убили**

птичьи члены

**кобру закопали
гремучая извивается**

**в черном змеином саду
в синем змеином саду**

в волосах моих жен

Кофе еще, пожалуйста, сказал он скромно и с достоинством. Это лучше большинства твоих песен, сказала Александра. Это же стихи. Точно, лучше. Что? Что? Ничуть не лучше, черт возьми! Это не... Это не только... Ой, извини, что-то я разгорячился. Ничего страшного, сынок, сказала Александра уважительно. Я просто хотела сказать, что она мне нравится, я понимаю, я слишком прямолинейная — это все, наверное, потому, что я слишком давно живу одна. Слушай, а почему ты все время думаешь о женах? О женах, о матерях.

Потому что я такой, сказал умиротворенный Деннис. Ты что, не поняла еще? Это моя фишка. У меня на мамочек стоит.

А, сказала она, теперь поняла. Но я, Деннис, не твоя мамочка. Ошибаешься, Александра. Я все про тебя вычислил. Я все знаю. Знаю, что иногда веду себя как жеребец на выпасе. Но я написал для тебя песню. Вчера вечером, в такси. Я думаю о тебе. «Прокаженные» в такое не врубятся. Они плохо знают жизнь. Они как молоденькие пчелки, хотят долететь до следующего цветочка, только их обгонит кто-то бывалый, какой-нибудь психический чувак, который уже пару лет как соскочил и хочет вырасти. Он все просечет.

О!
Я знаю про твою детку
только не грусти,
только не злись
детка
Никогда ты не прижмешь малыша
к своей чудной груди,
любовь моя

Но смотри
Куда бы ты ни шла, дети за тобой
Больше, много больше детей по жизни
Чем детей от законной жены

А вот это из Библии, сказал он.

Пап, сказала Александра, как ты думаешь, женщина должна родить хотя бы одного ребенка?

Вне всякого сомнения, сказал он. Тебе надо было рожать, когда ты была замужем за Гранофски, за коммунистом. Мы с ним много ругались. У него не было чувства юмора. Вполне возможно, сейчас он достает каких-нибудь кубинцев. Но все равно он был умный, в этом ему не откажешь. Внуки были бы великолепные. Его политические взгляды они могли бы и не разделять.

Тут он посмотрел на нее, прикинул, какие у нее в ее возрасте возможности. И смирился. Ты совсем неплохо выглядишь. Ты еще вполне можешь выйти замуж, девочка моя. Тут он еще больше смирился, вспомнил об удручающей статистике — он читал недавно про соотношение мужчин и женщин. Да уж! Ну и что с того? Александра, это неважно. По Торе, только мужчина обязан размножаться. Ты — нет. Есть у тебя ребенок, нет у тебя ребенка, Б-гу все равно. Нет ребенка — призываешь служанку. Говоришь мужу: Дорогой, пусть понесет от тебя. Ну, ладно. Пусть твой муж два года развлекался со служанкой, но теперь-то все прилично. Очень хорошо. Тебе не надо через все это проходить, мучиться девять месяцев, а ведь могут быть и осложнения, даже кесарево, нет-нет, быстренько: дитя для Б-га, Осанна!

Пап, сказала она через несколько недель, а что, если я все-таки рожу? Не глупи, сказал он. А потом долго и пристально осматривал ее взглядом врача — все ее тело. Он сказал: Почему ты задаешь такие вопросы? Он побагровел, чего с ним никогда прежде не случалось.

Правой рукой он схватился за грудь, левой нажал кнопку вызова. Сначала он сказал: Сестру! Немедленно! А потом велел: Выходи замуж!

Деннис сказал: Уж не знаю, как я в это вляпался. Так неправильно, у тебя другие привычки, другая культура. Я вот что предлагаю, Александра. У нас в коммуне трое детей, они принадлежат нам всем. Никто не знает, кто чей отец. То, что надо. Клянусь членами наших безотказных богов, это прекрасно. Одна, возможно, моя. Но никаких отличий в ней нет. Переезжай к нам, мы вырастим этого ребенка порядочным и человеческим человеком. Нам нужен человек постарше, правда, нужен — тот, кто видит мир сквозь призму истории. Нам этого не хватает. Спасибо, ответила Александра. Нет. Отец сказал: Прошу тебя. Объясни, зачем все это? С какой целью ты затеяла эту ерунду? Из-за любви? В твоём-то возрасте. Из-за денег? Какой-то проходимец тебя соблазнил. Небось ужин ему готовила. Небось какой-то вечно голодный неудачник решил подкормиться и сказал: А почему бы и нет? Дура средних лет — легкая добыча. Вечером она будет кормить меня жарким, а утром — яичницей с беконом.

Пап, не надо, прошу тебя, не надо, сказала Александра. Тебе хуже станет. Сосед Джон, умиравший при здоровом сердце, написал ему записку. Док, ты спятил. Не ругайся с близкими. Твоя девочка не пропустила ни одного вторника, четверга или субботы. Ты видел, чтобы меня дети навещали? И вот еще что. Мне все хуже и хуже. Но я еще *не готов*.

И вот еще что, сказал отец. Ты хочешь отравить мне последние дни и погубить мою жизнь.

После этого Александра каждый день надеялась, что отец умрет, чтобы она могла родить ребенка, не погубив его замечательную жизнь под самый конец, когда жизнь губится в ретроспективе. Наконец Деннис сказал: Тогда давай я хотя бы у тебя поживу. Это *в твоих* интересах. Нет, сказала Александра. Деннис, прошу тебя. Мне на работу рано. Я спать хочу. Я врубилась. Я был для тебя игрушкой. Ты использовала меня по полной. Это не круто. Небеса — они подлость видят. Нет, сказала Александра. Прошу тебя, замолчи. И вообще, с чего ты взял, что отец ты? Будет тебе, сказал он, кто ж еще-то?

Александра улыбнулась, чуть не до крови прикусила губу — чтобы вежливо продемонстрировать свою боль. Она думала, как продолжать свою работу, как вести себя с достоинством и не терять ни одной полезной минуты. Она думала о своих подопечных — о каждом из них.

Она сказала: Деннис, я точно знаю, что я буду делать. В таком случае вот что: я сваливаю.

Вот что Александра сделала, чтобы использовать перемены в своей жизни во благо. Она пригласила своих трех беременных подопечных лет пятнадцати-шестнадцати к себе жить. Она пришла к каждой и объяснила, что она тоже беременна, а квартира у нее очень большая. Они ее недолюбливали, потому что она всегда уделяла больше внимания мальчикам, но и недели не прошло, как они переехали от своих злых родителей к ней. И за первым же ужином стали давать Александре советы, как вести себя с мужчинами, и годы спустя она оценила эти советы. Она следила и за их, и за своим здоровьем, а еще вела дневник. Это был первый подобный опыт среди социальных работников, но еще лет пять у нее не было последователей и об этой истории даже не упоминали в официальных изданиях.

Отцу Александра жизнь не погубила, и умирать ему не пришлось. Незадолго до рождения ребенка он упал в ванной на кафельный пол, расколочил череп и проводочки от мозга смочил кровью сердца. Короткое замыкание! В этом потоке он потерял лет двадцать-тридцать жизни, забыл лица племянников и родни жены, имена двух президентов и войну. Глаза у него стали чуть навывкате, он часто пугался, но был умен по-прежнему и смог начать все заново — не замечая многих мелочей. Ребенок родился, его назвали Деннисом в честь отца. Фамилия у него была, разумеется, Гранофски — как у мужа Александры, коммуниста Гранофски.

«Прокаженные» — они поменяли название на «Съедаемые поганки» — записали в честь младенца песню «Кто? Я».

Стихи были простые. Вот они:

**Кто отец?
Кто отец
Кто отец
Я! Я! Я!
Я отец
Я отец
Я отец.**

Деннис исполнял соло, а именно «Я! Я! Я!», хриплым и сердитым пророческим голосом. У него хватило смелости признать себя автором стихов. После тридцативосьмичасовых разборок у него в коммуне его попросили вон. На следующий день он переехал в дом получше, из песчаника, кварталах в четырех от того места, где ожидалось рождение его ребенка.

На третий день рождения малыша Деннис с «Кукурузными полями свободы» записали альбом в стиле фолк-рок, с новым волнующим звучанием. Он назывался «Нашему сыну». Внимательные слушатели могли оценить, как короткие сорокократные всхлипы пикколо перекликаются с долгой мрачной барабанной дробью, традиционными аккордами банджо и напевом скрипки, что отдаленно напоминало «Колыбельную на сон грядущий».

**— Повидаемся ль мы, Джек?
Ведь я старым стал намедни.
— Да, поскольку ты, папаша,
Схоронил жену последнюю.
Хоть уехал за сто миль
В переселки, горы, рощи,
Стырив наш автомобиль,
Все равно отца не брошу.**

**— Джек, увидимся ли мы?
Хоть мне одному не грустно,
Сына видеть я хочу:
Без родных ужасно пусто.
— Я приду к тебе, хотя
Бросил ты меня и братьев,
Матерей других ребят,
Вечно тискаю в объятьях.**

**— Джек, придешь ли ты ко мне,
Хоть я выгляжу неважно:**

*Ведь стареть всегда несладко.
— Непременно, ты ж отец,
Пусть ты нам не помогал,
Без тебя мы пробивались.
А теперь мы будем вместе,
Хоть не виделись по году,
Вечером чай гонять
По ТВ смотреть погоду.*

Песню пели везде — от Западного побережья до Восточного, от лесов Мэна до Мексиканского залива. Благодаря ей был отмечен наплыв посетителей домов престарелых — туда зачастили и уже присматривающиеся сорокалетние, и удивленные двадцатилетние.

Перевод с английского Веры Пророковой

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

ГРЕЙС ПЕЙЛИ:

МЕЧТЫ НА МЕРТВОМ ЯЗЫКЕ

יִדְּוֹרָא נַי אִי אַעֲרֵעֵר אֲדָוִי יִדְּוִעֵר אֶע

Старики скромные, сказал Филип. Они делают все, чтобы друг друга не пережить.

Остроумно, сказала Фейт, но чем больше вдумываешься, тем меньше смысла.

Филип подошел к другому столику и там повторил то же самое. Фейт подумала, что практически каждому любовнику идет немного упрямства. Она сказала: Ну, хорошо, ладно...

Только вот почему в эту прекрасную пору жизни, когда можно и свое отстоять, и чему-то поддаться, почему они размышляют и говорят о стариках?

Потому что отец Фейт, один из поэтов, обитающих в «Детях Иудеи», кони-айлендском отделении приюта «Золотой век», сочинил очередную песнь. Что поразило почти всех посетителей «Зеленого петуха», самоироничного кабачка, где собирались художники, продюсеры и работающие женщины. В те годы, многим схожие с этими, странные стихи и жуткие сказки рассказывали третьекурсники, даже, скорее, первокурсники — дети пьяниц и болтунов, обучавшиеся сочинительству. Но чтобы старик! Очень интересно, сказали одни. Нет, это уж слишком, сказали другие. Продюсеры сказали: Вовсе нет, приглядитесь — это тенденция.

Джек, старейший друг отца Фейт, — он обычно был поблизости, но держался особняком — сказал: Я понимаю, что Филип имеет в виду. Что старики скромные. Они стараются не пережить друг друга надолго. Так, Фил?

Ну, сказал Фил, вы, конечно, правы, но интрига ушла.

Позже вечером, на кухне у Фейт, Фил зачитал стихотворение вслух. Тембр его голоса напоминал о вечере, быть может, о ночи. Она часто думала о том, как гуляет воздух в широкой мужской груди. А потом выходит через гортань, уже стреноженный и оформленный, и становится дивным вторичным половым признаком.

Ì íá òáíé ãëíñ òíæá íáííí èí ááò í áá-áðá, ñæáæ Õèèèí.

Áíò èæéíá ñòèðí òáí ðáí èá íí í ðí-è òáè:

Ì áíý ííèèí ðéà èþáíáí, è íáò í íá ííèíý, íáò ñá

èæé áíñòèáý áíá í íðíèíá

è í ðáíáèà òíé æáí ùèíú, æáí ú í íæé.

С какого корабля? спросила она. Прекрати ходить взад-вперед, здесь и так повернуться негде. Детей разбудишь. Фил, почему ты, когда говоришь о делах, всегда начинаешь визжать? Причем на высоких нотах? Сейчас ты уже выше верхнего до.

Он уже углубился в затраты на печать и проценты от выручки. И ответить сумел всего на пол-октавы ниже. Потому что некогда я был чистым душой студентом и изучал английскую литературу — но, увы, без надлежащего руководства, бездумно наплодил детей, попал в мстительные лапы алиментов и вынужден был заняться делом низменным и практичным.

Фейт опустила голову. Очень уж не хотелось лишать себя долгожданной ночи, обещающей приятное чередование сна, секса и нежностей. Что же делать-то? — подумала она. Как ты можешь так со мной разговаривать, Филип? Мстительные лапы... Фил, ты просто мерзок. Говоришь это мне, которая дружит с Анитой много лет. Ты что, совсем тупой? Она не хотела его обидеть. Наоборот, сама заплакала.

Что мне теперь прикажешь делать? спросил он. О, я знаю, что я сделал. Совершенно точно знаю.

Кого из поэтов ты считал великим — когда был чист душой?

Мильтона, ответил он. И сам удивился. Он и не представлял, пока его не спросили, насколько он истосковался по этому морализаторству на латыни[1]. Знаешь, Фейт, Милтон ведь был из сторонников дьявола — он сам так говорил. Я, похоже, нет. Наверное, потому, что мне надо на жизнь зарабатывать.

Мне нравятся два стихотворения, сказала Фейт, и, не считая отцовских, мне больше никакие стихи не нравятся. Мне нравится «Здравствуй, дух веселый! Взвившись в высоту...»[2], а еще «Зачем здесь, рыцарь, бродишь ты один, угрюм и бледнолиц?»[3]. Больше ничего.

И вот что, Филип, если ты когда-нибудь повстречаешься с моими стариками, если я тебя туда возьму, не упоминай Аниту Франклин — мои родители были очень к ней привязаны, думали, она станет доктором медицинских наук. Не вздумай признаться, что это ты — тот тип, который ее кинул. Собственно, сказала она грустно, и мне об этом больше не напоминай.

Отец Фейт ждал у ворот почти полчаса. Он нисколько не скучал. Обсуждал лозунг «Черное прекрасно»[4] с Чаком Джонсоном, привратником. Чак, кто его придумал?

Чего не знаю, того не знаю, мистер Дарвин. Он просто однажды взял и появился на улицах, вот так вот.

Блестящий лозунг, сказал мистер Дарвин. Придумай его мы, уж поверь, сломанных носов было бы куда меньше. Ты понимаешь, о чем я?

Тут он расплылся в улыбке. Фейти! Ричард! Энтони! Обещали прийти — и пришли! Я вовсе не язвлю — просто констатирую факт. Я счастлив. Чак, помнишь мою младшенькую? Фейти, это Чак, он отвечает за приходы и уходы. Ричард, Энтони, поздоровайтесь с Чаком. Фейти, взгляни на меня, сказал он.

Как тут здорово! сказал Ричард.

Настоящий замок! сказал Тонто.

Молодцы, что пришли проведать дедушку, сказал Чак. Он наверняка в былые дни любил с вами повозиться.

Какие такие былые дни? По мне, так все только начинается. Правда, Фейт? Я вообще в начале пути.

Пути куда? — спросила Фейт. Ей было стыдно, что столько всего произошло, прежде чем она вот так, по-настоящему, по-дружески приехала.

Честно тебе признаюсь, я на днях беседовал с Рикардо.

Так я и думала. И какую лапшу он тебе на уши навешал?

Фейт, во-первых, не говори так при мальчиках об их отце. Сделай мне одолжение. Это недостойный прием. Во-вторых, возможно, между вами с Рикардо просто нет химии.

Химии? Так сказал знаменитый ученый? Это его слова? А между ним и тобой химия есть? А?

Ну, он со мной беседует.

А папа здесь? — спросил Ричард.

А нам-то что? — сказал Тонто и посмотрел на мать. Нам до этого дела нет, правда, Фейт?

Нет-нет, сказала Фейт. Папы здесь нет. Он просто разговаривал с дедушкой. Помните, я вам рассказывала, что дедушка пишет стихи? Так вот, папе они нравятся.

Так-то лучше будет, сказал мистер Дарвин.

Пап, я желаю тебе всяческих успехов, но тебе нужно еще с кем-нибудь поговорить. Я могу кое-кого спросить — Рикардо делец ушлый, я знаю. Что он придумал?

Понимаешь, Фейти, вариантов два. Первый — маленький томик на веленовой бумаге, ну, на чем-то в этом роде, «Стихи из Золотого века»... Нравится тебе такое?

Хм! — сказала Фейт.

Это что, больница? — спросил Ричард.

А второй вариант вот какой. Фейти, у меня десятки песен — это слово больше всего к ним подходит. Но можно называть и песнями, и стихами — не знаю, как угодно. Так вот, у него отличная идея — составить книгу вместе кое с кем еще из здешних или если не книгу, то серию. Например, Келлер в том, что касается поэзии, не последняя фигура, но у него поэзия скорее эпическая, понимаешь? Когда Израиль был юн, любил я... Это первая строчка, там страниц сто, не меньше. У мадам Наздаровой, нашей редакторши из «А бессере цейт»^[5] — ты с ней знакома? — слух исключительный. Она прирожденный редактор. Ей в ухо влетело, и через неделю это все вычищено, исправлено и записано.

Да, пап, ты у нас молодчина, сказала Фейт. И нахмурила брови — ее захлестнули беспокойство и нежность.

Зачем ты так морщишься, сказал он.

ТЬфу ты, черт! — сказала Фейт.

Это больница? — спросил Ричард.

Они шли к ряду инвалидных кресел, гревшихся на осеннем солнце у стены. Справа, под раскидистой липой, о чем-то яростно спорили несколько человек — все на алюминиевых ходунках.

Какая композиция, сказал мистер Дарвин. Чудесная картина.

Так это больница? — спросил Ричард.

Сынок, это и впрямь похоже на больницу. Правда?

Немного похоже, дедушка.

Ты уж честно говори, очень похоже. Честность, внук мой, одна из важных жизненных установок.

Ричард засмеялся. Всего одна из, а, дедушка?

Видишь, Фейт, он уловил шутку. Милый ты мой. Какое чувство юмора! Мистер Дарвин аж присвистнул — так обрадовался, что у внука есть чувство юмора. Вы послушайте, как он смеется, сказал он даме из волонтеров, которая пришла громко читать глухим.

Дедушка, у меня тоже есть чувство юмора, сказал Тонто.

Конечно, детка, а как же. Ваша мама всегда нас развлекала. Шутки брала невесть откуда — веселила и меня с бабушкой, и ваших дядю и тетю. Доводила нас до колик, вот она какая была.

Теперь она больше смеется за компанию, сказал Тонто, например, когда Филип приходит.

До чего же он любит преувеличивать, сказала Фейт и дернула Тонто за ухо. Сплошное вранье...

Энтони, тут нужна наша помощь. Твоя мама красавица. Она заслуживает счастья. Давай вспомним для нее смешную историю. Он задумался секунд на десять. Так, есть. Слушайте.

История про старого еврея. Он живет в Германии. Год тридцать девятый или сороковой. Он приходит в турагентство. Рассматривает глобус. У них там есть глобус. И он говорит, слушайте, мне нужно отсюда выбраться. Герр агент, куда вы мне посоветуете поехать? Агент тоже смотрит на глобус. Еврей говорит: Может, сюда? И показывает на Америку. Нет, говорит агент, извините, не получится — там вся квота выбрана. Тц, прищелкивает языком еврей, а вот сюда? И показывает на Францию. Последний поезд туда уже уехал, очень жаль, очень. Ну, тогда в Россию? Извините, они в настоящее время вообще никого к себе не пускают. Еще несколько мест... ответ один: порт закрыт. У них там уже перебор, у нас нет кораблей... Наконец бедный еврей понимает, что на этом глобусе нет места, куда бы он мог поехать, но и здесь он оставаться не может, он говорит «ой», он говорит «ах», раздраженно крутит глобус. Но надежды не теряет. Он говорит, этот весь не подходит, герр агент. Слушайте, а не найдется ли у вас другого глобуса?

Ох, сказала Фейт, какая жуткая история. Что тут смешного? Гадость какая.

Я понял, я понял, сказал Ричард. Другой глобус. Другого глобуса не бывает. Мам, понимаешь, глобус только один. Ему некуда было поехать. Из-за этого старикашки Гитлера. Дедушка, расскажи мне все еще раз. Чтобы я мог ребятам в классе рассказать.

Мне тоже она не кажется смешной, сказал Тонто.

Пап, а Гегель-Штейн с мамой? Сегодня я вряд ли смогу ее вынести. Это выше моих сил.

Откуда мне знать, Фейт? Ты в этом не одинока. Кто вообще ее может вынести? Только один человек, твоя мать, святая женщина, вот кто. Вот что я тебе скажу: отпусти мальчиков со мной. Я им быстренько все тут покажу. А ты иди наверх. Я покажу им много чего интересного.

Ну хорошо... мальчики, пойдете с дедушкой?

Конечно, сказал Тонто. А ты куда?

Я к бабушке.

А если ты мне понадобишься, можно мне туда зайти? спросил Ричард.

Разумеется, внучатки мои, сказал мистер Дарвин. Если вам понадобится сказать маме слово, другое, третье, вы отправитесь к ней. Договорились? Фейт, лифт вон там, у того входа.

Г-споди, да знаю я, где лифт.

Однажды, когда она поднималась, вся во мраке своих проблем, дверь лифта открылась и она увидела это: отделение на шестом этаже.

Да, конечно — неизлечимые, сказал тогда отец. И чтобы успокоить ее, добавил: Фейти, ты не поверишь! Несправедливость — как во всем мире. Даже здесь некоторые начинают с самого верха. А мы, остальные, должны дорогу наверх себе еще пробивать.

Ха-ха, сказала Фейт.

Увы, это правда, сказал он.

Он объяснил, что неизлечимые — это необязательно люди на пороге смерти, в большинстве случаев их состояние просто слишком далеко от жизни. Собственно, в отделении лежат тридцатилетние, со здоровым сердцем и сносными легкими. Но они лежат неподвижно или скрученные болью, или же привязанные платками к инвалидным креслам. То к одному, то к другому в течение дня приходили родители — старые или средних лет — поменять простыни или спеть своему покореженному дитянке колыбельную.

Третий этаж напоминал скорее гостиницу — там были коридоры с коврами и двери, и дверь матери Фейт была, как всегда, распахнута. У окна, на свету и в легкой тени висячих растений, блдела миссис Гегель-Штейн, улыбающаяся и шныряющая глазами, и в воздухе мелькали вязальные спицы и ее локти. Фейт поцеловала ее в щеку — сделала через силу одолжение ради своей матери, чья доброта не имела границ. После чего села подле матери — поболтать по-дружески.

Естественно, первым делом мать сказала: А мальчики? С таким видом, словно вот-вот заплачет.

Нет-нет, мама, я их привела, они просто остались ненадолго с папой.

А я было испугалась... Но теперь у нас есть шанс... Итак, Фейт, отвечай без утайки. Как ты? Получше? Работа помогает?

Работа... хм. Мам, я решила купить новую пишущую машинку. Хочу работать дома. Это серьезная трата — все равно что деньги в собственное дело вложить.

Фейт! — мать обернулась к ней. Зачем тебе собственное дело? Ты можешь стать социальным работником при муниципалитете. У тебя доброе сердце, ты всегда переживаешь за тех, кто рядом. Или можешь стать учителем, тогда у тебя будет лето свободное. Можешь работать воспитателем, дети поедут в лагерь.

Ой, мама... ой, к черту все! — сказала Фейт. Она взглянула на миссис Гегель-Штейн, которая целую минуту их не слушала: считала петли.

Что я могла поделывать, Фейти? Ты сказала — в одиннадцать. А сейчас уже час. Так ведь?

Наверное, сказала Фейт. Поговорить было невозможно. Она склонилась к плечу матери. Ростом она была много выше, поэтому это было непросто. Неудобно, но иначе никак. Мать прижала ее руку к своей щеке. И сказала: Ах! Сколько я всего знаю про эту руку — как ты ей ела яблочное пюре, считая, что ложка ни к чему. Рука из прошлого.

Ой, как это мило, сказала миссис Гегель-Штейн.

Миссис Дарвин посмотрела на ладонь дочери, погладила ее и отпустила руку. Б-же ты мой! Фейти. Фейти, откуда у тебя нарыв на запястье? Ты что, руки не моешь?

Мам, разумеется, я мою руки. Не знаю. Может, это на нервной почве, но это точно не нарыв.

Прошу, не заставляй меня волноваться. Ты же училась в университете. Держи руки в чистоте. Ты же занималась биологией. Я помню. Так что мой руки.

Мама, ради всего святого. Я знаю, когда что нужно мыть.

Миссис Гегель-Штейн перестала вязать. Миссис Дарвин, не хочу вмешиваться, только так уж получается, что ваша дочурка права. Нарывы на руках — как минимум из-за волнений. Это научный факт. Волнения, что начались давным-давно, сами собой не проходят. Вы просто не понимали. Они только ходят туда-сюда, в сердце и обратно раз двести, — ну, как газ какой. Вижу, вы мне не верите. Вы упрямица, Селия Дарвин! Болезнь — она от переживаний. Кисты, они у меня внутри повсюду — со времен Депрессии. Доктор куда ни ткнет, так и кричит: Киста! Желчный пузырь меня мучает с тех самых пор, как Арчи женился на этой дуре. Кровоток у меня медленный, как мистер Штейн умер. Варикоз с геморроем и шею еще перекосило, когда мистер Штейн получил страховку и вышел на пенсию. Для него-то тогда все переживания насчет будущего закончились. А для меня начались. Знаете, что такое ответственность? Это когда нужно поддерживать жизнь в больном старике. Вся жизнь — как последний ужин перед тем, как человека сажают на электрический стул. Индейка. Жаркое. Фаршированные кишки, всяческие кугели[6], бесконечные супы. Ой, Фейти, от этого меня всю с головы до пят терзают артрит с ревматизмом. Нарывы на руке — это только начало.

Вы имеете в виду, сказала Фейт, вы имеете в виду, что вы сделались больной от жизни.

Если я это имела в виду, значит, имела в виду это.

Вот что, сказал мистер Дарвин, который направлялся с мальчиками в садик на крыше. Он проходил мимо комнаты, остановился послушать; ему было что сказать по этому поводу. Он повторил: Вот что! — и продолжил: Именно это мне в нынешнем времени и не нравится. Получается, вы, миссис Г., в курсе дела. Психосоматика нынче — всё. Когда у вас насморк, вы уже не говорите, я подцепил его на работе, от мистера Хирша. Нет, сударь, нынче насморк у вас из-за жены, здоровье у которой отменное, она просто не считает вас больше таким уж красавцем. Может статься, для нее вы всегда были полным болваном. Тогда вы получаете сennую лихорадку на всю оставшуюся жизнь. Каждый август — годовщина того, что проходит под названием «Только не напоминай».

Ну, ладно, сказала миссис Дарвин, хватит этих обсуждений. На моем здоровье все твои завиральные идеи не сказываются, Сид. А ты все-таки мойся почаще, хорошо, Фейт? Ради моего спокойствия.

Хорошо, мам, буду, сказала Фейт.

А я как же? — сказал мистер Дарвин, когда мне-то удастся поговорить с моей дочкой? Фейти, пойдем, прогуляемся немного.

Я с мамой еще толком посидеть не успела.

Иди уж с ним, сказала мать. Ему на месте не сидится. Шило в заднице. Сид, скажи ей, пусть будет поблагодарнее. Ей ничего другого не остается.

Селия, только не надо мне говорить, что мне ей надо сказать. Пошли, Фейти. Мальчики, посидите тут, пообщайтесь с бабушкой. И с ее подругой.

А что, мальчики! — миссис Гегель-Штейн улыбнулась и поманила их к себе. Посмотрите в лицо старости. Так она приходит, готов ты к ней или нет. Мальчики посмотрели и придвинулись друг к другу поближе, локоть к локтю.

Фейт хотела вернуться к детям, но отец крепко держал ее за руку. Фейти, не обращай внимания. Пусть мама разбирается. Она превратит все в шутку. У нее для них подарки. Пошли! Найдем лавочку под деревом. Чего-чего, а вот деревьев и лавочек тут хватает. Да и лавочки непростые — все установлены в память кого-то. На каждой табличка с именем.

Он вывел ее в сад через боковую калитку, показал. Вон та лавочка, моя любимая, названа в память Джерома (Джерри) Кацоффа шести лет. Ужасно умереть таким юным. Впрочем, экономится много времени. Улавливаешь? Эта чудесная круговая скамейка под вязом (он просто обязан жить долго) — знаменитая, названа в память Сидни Хиллмана. Так что, видишь, скамеек у нас много. А вот чего нет, из-за чего я страдаю каждый день, так это по-настоящему хороших книг. Бестселлеров полно, а вот настоящей

литературы... Ты, наверное, удивлена? Я написал письмо управляющему: «Уважаемый Гольдштейн, — говорилось в нем, — уважаемый Гольдштейн, так мы народ Книги или нет? Согласен, по закону наше заведение ни к какой определенной религии не принадлежит, но по большому счету живут здесь в основном те, кто относится к народу Книги. Для вас Книга — это, по-видимому, прежде всего Библия, Талмуд и т. д. Для меня и моего поколения — мы все идеалисты — книга означает КНИГИ. Улавливаете? Гольдштейн, а как насчет того, чтобы часть еврейской благотворительности пошла на поддержание репутации еще лет на пятьдесят? Вы можете решить этот вопрос единолично, лишь слегка увеличив бюджет. Проснись, брат, пока я еще не растерял остатки ума».

Это, Фейти, напомнило мне еще кое про что. Я тут отметил один интересный факт. Я заметил, что мозги у всех окружающих тают. День ото дня.

Давай присядем на минутку. Меня это так донимает. Дольше всего держался мистер Элизер Хелигман. Однажды я обратил его внимание на то, как семена, семена сталинизма и антисемитизма, прорастают не только в российской ментальности, запрограммированной на погромы, но и в повседневном отношении меньшевиков к сионизму. Он стал спорить, так горячо, серьезно, аргументированно. Не будь я полностью уверен в своей правоте, я бы решил, что ошибаюсь. Через пару дней иду я, а он сидит вот на этой самой скамейке. Я тоже сажусь. А с ним миссис Грунд, дама, про которую всем известно, что она впала в детство — причем не в первый раз.

Она плачет. Рыдает. Я не вмешиваюсь. Хелигман говорит: Мадам Грунд, вы плачете. Почему?

У меня мама умерла, говорит она.

Тц, говорит он.

Умерла. Умерла. Мне было всего четыре года, а мама умерла.

Тц, говорит он.

И папа привел мачеху.

Ой, говорит Хелигман. С мачехой жить плохо. Это ужасно. В четыре года потерять мать.

Не могу я так больше, говорит она. Весь день. Мне не с кем разговаривать. Ей, мачехе, на меня наплевать. У нее своя дочка есть. А такой малышке, как я, мать необходима.

Ой, говорит Хелигман. Мать, мать... Девочке, разумеется, нужна мать.

Нужна, а у меня ее нет. Мачеха есть, а матери нету.

Ой, говорит Хелигман.

Откуда мне взять мать? Это невозможно.

Ах, говорит Хелигман. Вы не переживайте, мадам Грунд, дорогая, не переживайте. Время идет. Вы будете здоровы, вырастете, сами увидите. Скоро выйдете замуж, родите детей, будете счастливы.

Хелигман, ой, Хелигман, что ты такое несешь?

О, добрый день, говорит он мне так, будто видит меня впервые. Мадам Грунд, говорит он, осталась одна-одинешенька. Девочка в четыре года потеряла мать. (По его отмирающему лицу текут слезы.) Так я ей сказал, она не будет плакать вечно, у нее будут дети, время ее придет, время ее придет.

И тебе добрый день, Хелигман, говорю я. Точнее, прощай, дорогой друг, лучший из моих врагов, Хелигман, прощай навсегда.

Ой, папа-папа! — вскочила со скамейки Фейт. Не могу смириться с тем, что ты тут.

Правда? А кто говорит, что я могу с этим смириться?

Оба замолчали.

Он поднял с земли лист. Вот, смотри. Ворота к небесам. Это айлант — дерево небес. Они обошли весь садик. Подошли к другой скамье: «Посвящается Теодору Герцлю, который спас если не землю, то свет. В память о мистере и миссис Иоханнес Мейер, 1958». Они сели рядышком.

Фейт положила руку отцу на колено. Папа, дорогой, сказала она.

Мистер Дарвин чувствовал свободу самозабвенной любви. Я должен сказать тебе правду. Фейт, дело вот в чем. Я не хотел говорить об этом по телефону. К нам приезжал Рикардо. Я не хотел говорить об этом при мальчиках. Мы с твоей матерью... Она, увидев его, была в шоке. Отправила нас попить кофе. Я и не думал, что он такой интересный молодой человек.

Не такой уж и молодой, сказала Фейт. И отодвинулась от отца — совсем чуть-чуть.

Для меня молодой, сказал мистер Дарвин. Молодой — это не просто нестарый. О чем тут спорить. Ты понимаешь то, что понимаешь ты. Я понимаю то, что понимаю я.

Хм! — сказала Фейт. А тебе известно, что он не приходит повидаться с детьми? И еще он должен мне кучу денег.

Ага, деньги! Может, ему стыдно? Денег у него нет. Он мужчина. Наверное, ему стыдно. Ах, Фейт, зря я начал этот разговор. Когда речь идет о Рикардо, ты становишь невменяемой.

Здорово! Рикардо с тобой мило побеседовал, и я уже невменяемая.

Фейти, умоляю, не заводись. Тебе бы пожить спокойно. Может, ты сама себе накликаешь неприятности? И район у тебя жуткий. Лучше бы ты переехала.

Переехала? Куда? На что? О чем ты говоришь?

Давай не начинать. Я хотел о другом поговорить. О серьезных вещах, девочка моя, по сравнению с которыми Рикардо — это пустяк. Я принял решение. Твоя мать со мной не согласна. Дело в том, что я больше не желаю тут оставаться. Я все обдумал. Твоей матери здесь нравится. Ей мнится, что она в чудном тихом кибуце, плюс, к счастью, здесь нет Иордании с одной стороны и Египта с другой. Она сидит себе. Она вяжет. Она читает слепым вслух. Дает уроки по так называемой вышивке. Она организовала здешних женщин. У них теперь есть исторический клуб. Не забывайте прошлого. Можешь представить, он так и называется.

Пап, к чему ты ведешь?

Веду? Веду я к фактам. Ты совершенно правильно сказала. Я не хочу здесь оставаться, я тебе уже говорил. Если я не хочу здесь оставаться, мне надо отсюда уйти. Уйду, значит, придется оставить маму. Это, конечно, будет ужасно — если я оставлю маму. Но, Фейт, я не могу больше здесь жить. Это невозможно. Такая жизнь не для меня. Я не чувствую себя старым. Никогда не чувствовал. Мне просто было жаль твою мать — мы были так близки. У нее уже не было сил вести дом как прежде. После операции она очень изменилась... тебя, когда все это стряслось, с нами не было. У тебя уже была собственная личная жизнь... так вот, для нее тут все равно как в «Гранд-отеле», только тут еще полно земляков. Она видит в Гегель-Штейн не злобную ядовитую старушку. Она видит колоритную, полную жизни даму-матриарха. Она не видит, что близняшки Биссель — жуткие старухи далеко за восемьдесят, впавшие в детство и провонявшие насквозь мочой. Они замечательные — вот как она их видит! Посмотрите все, они всю жизнь прожили вместе! Ах, она совсем не то видит! Фейти, она просто не замечает!

И что же?

И то, сам Рикардо на днях сказал: Вы несколько не похожи на старика, вы носитесь туда-сюда, вверх-вниз, вы фонтанируете идеями.

Так оно и есть... Троцкий говорил, что самая большая неожиданность для человека — это его старость. Ну, ладно. Я вот о чем: я этого не чувствую. Вот что удивительно. Вот что интересно: ему было что сказать на любую тему. Прежде я не мог оценить его по достоинству. Его выкинули в дверь истории, так он лезет в окно — и располагается в гостиной, извини, это я про то, что не чувствую себя стариком. Не чувствую. Фейт, ты меня понимаешь?

Фейт надеялась, он не то имел в виду, что поняла из его слов она.

О да, ответила она. Наверное. Ты чувствуешь себя здоровым и полным сил. Ты это имел в виду?

Больше, намного больше. Он вздохнул. Как тебе это объяснить, девочка моя... Ну, допустим, так. Мне точно нужно отсюда бежать. Это конец. Это конечная станция. Так?

Ну, так...

Конечная. Будь это возможно, я бы развелся с твоей матерью — такое у меня теперь отношение к жизни.

Пап! — сказала Фейт. Пап, ты что, нарочно меня подкальываешь?

Да ты последняя, кого я буду подкальывать, ты сама так настрадалась от перемен в жизни. Нет. Я бы развелся с твоей матерью. Это было бы честно.

Ой, пап, ты же на самом деле не станешь, хотя... Но ты же этого не сделаешь.

Естественно, я не мог бы бросить ее в таком положении, но, главное, я не могу. Фейт, ты же знаешь, почему я не могу. Ты просто забыла. Потому, что мы с ней так и не поженились.

Не поженились?

Нет. По-моему, если ты прожил с человеком столько лет, это почти так же законно, как если бы раввин самолично водрузил на вас венки из июньских роз^[7]. Однако проблема эта с шипами — как и сама роза. Если не женились, как можно развестись?

Пап, погоди, дай разобраться. Ты собираешься оставить маму?

Нет-нет-нет. Я собираюсь бежать отсюда. Если она уйдет со мной — что ж, отлично, но жизнь будет совсем другая. Если не уйдет, нам придется проститься.

Не поженились, повторила про себя Фейт. Ох... да как же так вышло?

Не забывай, Фейт, мы были не такие, как ты. Мы были идеалистами.

Да уж, вы были идеалистами... — сказала Фейт. Она встала, обошла скамью, посвященную Теодору Герцлю. Мистер Дарвин смотрел на нее. Она снова села и решила рассказать ему, простодушному, о реальном, обычном мире.

Знаешь, папа, у меня в настоящий момент три любовника, и я еще не знаю, за кого именно выйду наконец замуж.

Что? Фейт...

Понимаешь, папа, я такая же, как ты, я идеалистка. Мир все больше стремится к идеализму. Все это чистый идеализм. Люди хотят только самого лучшего, совершенного.

Ты шутишь.

Шучу? Какие тут шутки? Почему Рикардо сбежал? Тут все ясно: он идеалист. Он считал, что где-то существует нечто совершенное. И я говорю: Так и есть. Я тоже так хочу. Меня где-то поджидает нечто совершенное. Как ты думаешь, кого из любовников мне выбрать? Я не могу решить.

Фейт! С тремя мужчинами, ты спишь с тремя мужчинами. Я отказываюсь в это верить.

Правда. Все за одну неделю. Как тебе такое?

Фейти! Фейт... Как ты могла так поступить? Б-же ты мой, ну как? Только матери не говори. Я ей ни за что не скажу. Ни за что.

Пап, ну что в этом такого ужасного? Что?

Ты мне вот что скажи, сказал он тихо. Зачем? Зачем ты такое с ними делаешь? У тебя нет денег, вот в чем дело. Да, сказал он себе, у девочки нет денег.

О чем это ты?

О деньгах...

Ну да, они мне отлично платят. Как ты догадался? Они расплачиваются со мной парой часов своего драгоценного времени. Они делятся со мной своими переживаниями, рассказывают, почему развелись или расстались, и время от времени позволяют приготовить им ужин. По воскресеньям они играют с моими мальчиками в мяч в Центральном парке. Да, папа, конечно, мне платят с лихвой.

У меня есть деньги, настаивал он. Тебе достаточно только попросить. Фейт, ты с каждым годом запугиваешься все больше и больше. Что мы с твоей матерью такого сделали? Мы хотели как лучше.

Только вот, похоже, ваше «как лучше» оказалось никуда не годным, сказала Фейт. Хочу пойти за мальчиками. Я хочу уйти отсюда. Хочу уйти немедленно.

Расстроенная — у нее разболелась челюсть, разболелся правый бок и нарыв на запястье, — она промчалась мимо приемной, мимо библиотеки, где было темно, мимо забитой людьми художественной студии. Даже не бросив взгляда, она пронеслась мимо великолепной, с огненными волосами и в черной кружевной шали мадам Елены Наздаровой, которая сидела у входа в зал периодики и редактировала удостоенный многих премий журнал «А бессере цейт». Мадам Наздарова увидела, как мистер Дарвин, запыхавшись, мчится за Фейт, и окликнула его. Эй, Дарвин... что, в этом месяце любовных стихов не будет? Что же мне в номер давать?

Нечего надо мной подтрунивать, нечего, сказал мистер Дарвин, торопясь за Фейт. Фейт, крикнул он, ты слишком быстро бежишь.

Вот оно как! Да уж! — сказала Фейт, остановившись на лестничной площадке на второй этаж и обернувшись к нему. Я думала, ты молодой. Вам с Рикардо надо снять в Ист-Сайде какую-нибудь уютную квартиру с отдельным входом — чтобы по очереди водить туда девушек.

Не суди весь мир по себе. Рикардо достаточно от тебя натерпелся. Я потихоньку начинаю соображать, что к чему. Я когда-то предлагал обратиться к психиатру. У Чарли хорошие связи в медицинском мире.

Про Чарли при мне даже не упоминай. Не упоминай. Мне надо забрать мальчиков. Нам пора. Пора уходить отсюда.

Я за тобой мчался, как дурак, по лестнице, чтобы попросить тебя: матери ничего не говори. У нее была сестра, такая же распутная. Она посмотрит на тебя и сразу все поймет. Сразу поймет.

Не смей за мной идти, завопила Фейт.

Ты давай потише, сказал сквозь зубы мистер Дарвин. Не роняй себя, слышишь меня?

Уходи, прошептала Фейт — разъяренная, но послушная.

Матери не говори.

Заткнись! — прошептала Фейт.

Мальчики внизу, играют в пинг-понг с миссис Рейс. Она любезно их пригласила. Фейт, в чем дело? Ты вся черная, сказала мать.

Дышать нечем, сказал запыхавшийся мистер Дарвин. Сумасшедшая, совсем сумасшедшая, как твоя сестра Сильвия.

Она-то? Миссис Дарвин засмеялась, но взяла руку Фейт, прижала к щеке. Что стряслось, Фейт? Ну да, ты немного напоминаешь Сильвию. Норов у тебя тоже тот, ее. Да уж, жизнь у нее была... У моей бедной Сил пыла было не занимать. Умерла перед телевизором. Всегда была в курсе всего.

Ой, мам, ну кому какое дело до того, что случилось с Сильвией?

Что с тобой, собственно, стряслось?

В дверях возник бодрый мужчина. Дарвины здесь живут?

О, Фил! — сказала Фейт. Очень кстати.

Что это? Кто это? — закричал мистер Дарвин.

Филип наклонил голову и вошел в комнатку. Вид у него был одновременно застенчивый и решительный — отчего казалось, что он того и гляди исчезнет. Я друг Фейт, сказал он. Моя фамилия Маццано. Собственно, я пришел поговорить с мистером Дарвином о его работе. Тут есть много вариантов.

Вы обо мне слышали? — спросил мистер Дарвин. От кого?

Фейти, достань хорошие чашки, сказала ей мать.

Что? — спросила Фейт.

Как это «что»? «Что», повторила она, девочка еще спрашивает что.

Я ухожу, сказала Фейт. Забираю мальчиков и ухожу.

Пусть идет, сказал мистер Дарвин.

Тут Филип ее заметил. Что мне-то делать? — спросил он. Что ты хочешь, чтобы я делал?

Можешь с ним поговорить, мне все равно. Ты же этого хочешь. Поговорить. Так? Она подумала: Этот кошмарный день — это же чистый фарс. Почему?

Филип сказал: Мистер Дарвин, у вас прекрасные песни.

До свидания, сказала Фейт.

Эй, Фейт, погоди минутку. Пожалуйста.

Нет, сказала она.

На берегу, на Брайтон-Бич, где прошло ее детство, она показала детям тайник под променадом, куда она прятала подобранные на улице бутылки из-под газировки. Они сколько стояли, три цента или десять? Не помню, сказала она. Это была моя территория. Мне приходилось за нее драться. Но мальчик по имени Эдди мне помог.

Мама, а почему они здесь живут? Им больше негде, да? А в нормальную квартиру они поселиться не могут? Как так получилось?

А мне здесь нравится, сказал Тонто.

Заткнись, придурок, сказал Ричард.

Мальчики, вы посмотрите на океан. А знаете, ваш прадедушка жил на севере, на Балтийском море, и он много-много километров проходил на коньках по прибрежному льду, а в кармане у него была мороженая селедка.

Такого Тонто просто представить себе не мог. Он упал на песок. Мороженая селедка! Он что, был псих?

Правда, мам? — сказал Ричард. А ты его знала? — спросил он.

Нет, Ричи, не знала. Говорят, он пытался уехать. Только кораблей не было. Было уже поздно. Вот почему я никогда не смеюсь над историей, которую рассказывает дедушка.

А дедушка почему смеется?

Ой, Ричи, ради всего святого, перестань.

Тонто, оказавшись на песке, уже не желал вставать. И начал строить замок. Фейт присела рядом с ним на прохладный песок. Ричард подошел к пенящейся кромке воды, посмотреть на волны, которые вздымались за маленькой бухтой — далеко, до самого неба. А потом вернулся. С поджатыми губками и тревожным взглядом. Мам, тебе надо их оттуда забрать. Они же твои отец и мать. Ты за них отвечаешь.

Да ладно тебе, Ричард, им там нравится. Ну почему я должна отвечать за все на свете?

Так получилось, сказал Ричард. Фейт оглядела берег. Ей захотелось заорать: Помогите!

Родись она на десять-пятнадцать лет позже, она бы так и сделала — орала бы не переставая.

Но, как всегда, ее глаза заволокли слезы — сквозь них было спокойнее смотреть на горе.

Ну, похороните меня, сказала она и легла, сложив руки как у покойника, под октябрьское солнце.

Тонто тут же начал засыпать ей ноги песком. Прекрати! — завопил Ричард. Прекрати немедленно, придурок несчастный. Мам, я просто пошутил.

Фейт села. Черт подери, Ричард, что с тобой такое? Почему ты так серьезно все воспринимаешь? Я тоже просто пошутила. Вы закопайте меня вот по сюда, до подмышек, чтобы я могла дать вам тумака, если вы слишком разойдетесь.

Ой, мам... — сказал Ричард и облегчил душу одним долгим вздохом. Он опустился на колени рядом с Тонто, и мальчики стали засыпать ее песком, но так, чтобы она могла двигаться.

[1]. Джон Мильтон (1608–1704) — английский поэт, писавший также на латыни и итальянском.

[2]. Стихотворение П. Б. Шелли (1792–1822) «Жаворонок». Перевод В. Левика.

- [3]. Стихотворение Джона Китса (1795–1921) «*La Belle Dame sans Merci*». Перевод Л. Андруссона.
- [4]. Слоган одноименного движения, которое возникло в США в шестидесятых годах.
- [5]. «А бессере цейт» — «Лучшие времена» (идиш).
- [6]. Кугель — запеканки всех видов (идиш).
- [7]. Браки, заключенные в июне, считались самыми удачными еще у древних римлян, поскольку 1 июня праздновался день богини Юноны, покровительницы брака.

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

ЛЕВ ГУРСКИЙ:

ЛАЗАРЬ — РАЗ, ЛАЗАРЬ — ДВА...

Москвичи ложатся поздно и встают поздно. Если телефон звонит до 10 утра, значит, кому-то очень невтерпех.

12 марта 1985 года в 9.45 в московской квартире писателя Юлиана Семенова зазвонил телефон.

— Позовите, пожалуйста, Наташу. — У голоса в трубке был мягкий, но осязаемый зарубежный акцент.

— Извините, товарищ, вы ошиблись номером, — ответил писатель, повесил трубку и, вздохнув, стал собираться.

Через сорок пять минут он уже входил под полутемные своды шашлычной на Ленинградке — той, что напротив гостиницы «Советская». Двадцатипятилетний корреспондент «Нью-Йорк таймс» Джек Вайнтрауб, месяц назад переведенный в Москву из сонного Баден-Бадена, сидел на своем обычном месте возле окна и внимательно рассматривал на просвет ломтик любительской колбасы.

— Жека, дружище, тебе еще не надоела эта конспирация? — Писатель подсел рядом и сделал знак официанту. — Ты же не шпион какой-нибудь, ты официально аккредитован в столице СССР, оплоте мира во всем мире. Ну давай в следующий раз сходим в ЦДЛ. Там солянка — пальчики оближешь. Я твоему папе обещал, что свожу тебя в лучшие рестораны Москвы, а мы с тобой уже в третий раз встречаемся в этой забегаловке. Спрашивается, какого черта?

Папа Джека, знаменитый фотокор агентства ЮПИ Сол Вайнтрауб, бывший одессит, ставший чемпионом Миннесоты по боксу в полутяжелом весе, был старинным другом Семенова. Солу не раз приходилось пускать в ход кулаки, убергая пытливого писателя от объектов его писательского

любопытства. Так что, когда Джек получил новое назначение, Вайнтрауб-старший дозвонился до Москвы и взял с Семенова клятву: пусть, мол, он теперь побудет его мальчику — хотя бы на первых порах — гидом, советчиком и большой ходячей советской энциклопедией.

— В вашем ЦДЛ все столики прослушиваются КГБ, — ответил Джек. По-русски он говорил неплохо, но акцент был неискореним. — Вы же, Юлиан Семенович, мне сами об этом рассказывали.

— Но-но! — Семенов погрозил ему пальцем. — Только не надо вот этих ваших буржуазных преувеличений. Не все столики, а всего пять, самых лучших. Хотя ты, пожалуй, прав: выбирать худшие я не привык... Ну, ладно, давай уже выкладывай, что у тебя случилось? Ты ведь меня разбудил не просто так.

Официант принес две порции шашлыка и был тотчас же отправлен обратно — за соусом, зеленью, острыми ножами и зубочистками, без которых здешняя баранина из еды превращалась в пытку.

— У меня — случилось? — медленно переспросил Джек. — Да вы что, Юлиан Семенович! Это ведь не у меня, это у вас случилось. Я до сих пор... как это по-русски?.. охреневаю. Я вообще не понимаю, как мне реагировать и как обо всем этом писать.

— Подумаешь, теорема Пифагора, — хмыкнул Семенов. — Смотри на вещи проще. Вам же всем наверняка раздали пресс-релизы. Как все собкоры пишут, так и ты пиши, не промахнешься. Если хочешь, могу надиктовать: в Москве состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС. Партия простилась с ее верным сыном, Генеральным секретарем ЦК, членом Политбюро, трижды Героем Социалистического Труда Константином Устиновичем Черненко. Затем был избран новый Генеральный секретарь. Вот и все. Что конкретно тебя удивляет?

— Имя, фамилия и отчество вашего нового Генерального секретаря! — выдохнул Джек. — Простите, но это ведь уму непостижимо!

— Вполне нормальные имя, фамилия и отчество, — пожал плечами писатель. — Юрий Владимирович Андропов. Я, кстати, неплохо его знаю. Вполне контактный дядька, даже немного поэт. В ближайшие пару месяцев я тебе, конечно, ничего не обещаю, но потом можно будет попробовать организовать интервью. Напомни в конце апреля, мы заранее обмозгуем вопросы... Женья, да что с тобой такое? Погоди, ты здесь что-то уже съел? Что-то несвежее? Паштет?

— Но послушайте, ведь Андропов же был... он же был... он же... — Джека заело, как пластинку, и он не мог закончить фразу.

— ...он же был Председателем КГБ СССР? — пришел ему на помощь Семенов. — Ты это имеешь в виду? Г-споди, как же у вас в Штатах падки на ярлыки! Не надо демонизировать КГБ, мы же не в Голливуде. Конечно, там был когда-то Берия, но сейчас другие времена. И я тебя уверяю, наш Юрий Андропов никому иголки под ногти лично не загонял — ни Буковскому, ни Щаранскому. Если хочешь знать, он...

— ...он же был мертвым! — наконец закончил свою фразу Джек.

Семенов поморщился, как дирижер, расслышавший неверную ноту.

— Вот только не надо распускать эти бабьи сплетни, — кисло произнес он. — Пусть «Сан», пусть «Бильд», но вы-то? «Нью-Йорк таймс» — солидная фирма. Вам ли плестись за таблоидами? Уж тебе, Жека, как журналисту должно быть известно: не все, что напечатано в желтой прессе, соответствует, так сказать...

Вайнтрауб-младший, не дослушав, нагнулся за своим портфелем, щелкнул замочком, извлек газетный номер и выложил на стол. Вся первая полоса газеты была обведена жирной траурной рамкой.

— Это ваша «Правда», — кротко сказал он. — За 10 февраля 1984 года, даже еще не успела пожелтеть. Смотрите, передовая статья: «Ушел из жизни верный сын партии и всего советского народа Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов...»

Две долгие минуты Семенов молчал, вдумчиво изучая некролог. За это время официант принес зелень, ножи и зубочистки, а вместо соуса — горчицу и перец. Наконец писатель объявил Джеку:

— Что ж, признаю, у советских медиков тоже порой случаются накладки. Весь наш народ, и «правдисты» в том числе, были введены в заблуждение, стали жертвой досадной врачебной оплошности. Думали, что он умер, а он, оказывается, не умер. Наверняка главврач Центральной клинической больницы получил строгий выговор по партийной линии. И уж конечно, никому там не дали никаких премий за весь первый квартал...

Джек опять полез за портфелем и достал еще один номер «Правды».

— А вот тут фотография его похорон, — сказал он. — Видите? Хотите мне сказать, что в Кремлевскую стену замуровали не его?

— Жекочка, ты зануда, — огорчился Семенов и принялся кромсать свою порцию шашлыка. — Ты точно сын Соломона Вайнтрауба? Потому что ты говоришь не как еврей — как какой-нибудь немецкий педант... Объясни, ну почему молодой человек, как ты, может быть таким занудливым? Мы с твоим отцом, когда были в твоём нежном возрасте... Хорошо. Допустим, его даже похоронили, и что? С чего ты взял, будто это навсегда? Мы живем в эпоху перемен. Сегодня похоронили, завтра опять откопали, привели в божеский вид. Это нормальный динамичный процесс...

Джек молча пододвинул Семенову одну из «Правд» и ногтем отчеркнул дату выхода.

— Ладно, — вздохнул Семенов, — пускай не завтра, пускай только через год, какая разница? За частностью надо видеть целое. У американцев история маленькая, вы цените каждый год. Но для тысячелетней истории Руси какой-то год — пустяк, исчезающе малая величина. Советский народ, увлеченный строительством светлого будущего, даже и не заметил этой мелкой, этой ничтожной паузы... Что, я по-прежнему тебя не убедил?

— Вообще-то нет, — признался Джек. — Абсолютно. Вы очень хороший писатель и очень здорово говорите, и если бы вы жили у нас, наверняка стали бы конгрессменом или сенатором... Но я все равно не понимаю, как ваш бывший Генеральный секретарь, который целый год был покойником, потом стал живым. Я, конечно, не атеист, но и ваш Юрий Андропов не похож на Лазаря.

— Лазаря? — быстро переспросил Семенов. — Если ты про Лазаря Кагановича, то да, совсем не похож. С чего Андропову быть похожим на Кагановича? Разговорчики о том, что у него будто бы еврейские корни — полный бред. Вот его прежний зам по КГБ, Семен Цвигун — это да, это другое дело, даром что Кузьмич. Могу, если хочешь, рассказать про Цвигуна подробно. Вашим читателям тоже будет интересно...

Джек Вайнтрауб был вежливым юношей и уважал отцовского друга. Но он не мог сейчас позволить писателю сменить тему.

— Если можно, давайте про Цвигуна в другой раз, — попросил он, — мне сейчас главное — в генсеках разобраться... Я, конечно, американский газетчик, но, честное слово, мне не нужно ваших государственных тайн. Мне надо хоть что-нибудь разумное, для зацепки. Просто так, без объяснений, у меня материал не пройдет... Я согласен на любую непроверенную информацию, хоть версию, хоть слух, и даже без ссылки на источник.

— Версию? — оживился Семенов. — Чего-чего, а этого добра у меня навалом. Думаешь, если я автор Штирлица, они мне всю правду открывают? Ха, не надейся! Врут мне, как и всем. Потом я вру за ними, а потом они сами мне верят и уже, как от печки, пляшут уже от моего вранья... такая вот игра недетская в испорченный телефончик АТС-1... Ну, хорошо, Жека, вот тебе непроверенная версия от анонимного источника. За что купил, за то и продаю, мне навару с этого не надо... Слышал ли ты что-нибудь про «кремлевскую таблетку»? Вроде как бы недавно разработали такой сильный стимулятор, что мертвого на ноги поднимет. Ну и...

— ...и что?

— Ну и поднял. Сам понимаешь кого. Ильича-то уже поздно, а этого еще успели, сохранность была хорошая. Я его, кстати, видел на вчерашнем Пленуме: снова как огурчик, посвежел, даже поправился. Первое испытание — и сразу такая неслыханная удача.

— Что значит «первое»? — удивился Джек. — А я думал, что сначала положено испытывать на лабораторных животных...

— В принципе да, — согласился Семенов. — В идеале. Сперва на крысах, потом на шимпанзе, потом на добровольцах, а уж только потом на пациенте. Но, видишь ли, ингредиенты такие дорогие и редкие, что первые три стадии пришлось сократить и сразу перейти к четвертой. Всех ресурсов нашей медицины будто бы хватает пока только на одну таблетку — то есть всего на одного пациента.

— Выходит, Черненко умер окончательно?

— Да нет, я бы так не сказал... — Семенов задумчиво поглядел в свою тарелку, уже свободную от шашлыка. — Советский Союз не в том положении, чтобы вот так запросто разбрасываться Генеральными секретарями. Это элита номенклатуры, золотой управленческий фонд. Даже если воскрешение Черненко нам пока не по силам, закапывать его тоже никак нельзя: у таблетки, я слышал, весьма ограниченный срок действия — года четыре, максимум шесть. А потом наступает временный анабиоз, на такой же срок. Ну, это как с почвой: чтобы она снова стала плодородной, надо некоторое время держать ее «под паром». С генсеками примерно такая же петрушка. Баланс, круговорот веществ и все такое.

— Значит, к тому времени, когда Андропов снова отключится, уже можно будет вернуть обратно Черненко?

— Что-то в этом роде, — кивнул писатель. — А потом мы опять попросимся с Константином Устиновичем и опять поприветствуем Юрия Владимировича. И так в режиме нон-стоп. Туда-сюда. Качели... Если вдуматься, это даже очень выгодно для страны. Вот вас, американцев, например, каждые четыре года трясет: кого изберут — республиканца или демократа? А у нас в стране никаких потрясений, предсказуемое стабильное будущее и твердая уверенность в нем каждого советского человека...

— И когда, по-вашему, в Советском Союзе кончится этот круговорот? — Сам того не замечая, Джек почему-то перешел на шепот: как будто где-то неподалеку лежал покойник.

— Скоро, — пообещал ему Семенов. — Как только коммунизм одержит победу в отдельно взятой стране и СССР перейдет к бесклассовому обществу... — Насладившись вытянутым лицом корреспондента, писатель улыбнулся и добавил: — Да шучу я, Жека, шучу. На самом деле у нас это теперь не кончится никогда.

Автор считает своим долгом предупредить: все события, описанные в его рассказе, вымышлены. Ответственность за случайные совпадения географических названий, дат, имен, фамилий, кличек домашних животных, марок вин и автомобилей и пр. полностью лежит на читателях этого рассказа.

ВИКТОР БЕЙЛИС:

МАМА КАК ВРЕДИТЕЛЬ

«Дело врачей» я запомнил не потому, что детская память бывает цепкой — а об этом деле говорили все вокруг, — просто, склоняя нерусские имена, люди тяжелым взглядом провожали евреев, которые, ссутулясь, свободно проходили по улицам. Недобрые взгляды ловили и еврейские дети, а бросали эти взгляды как товарищи по играм, так и их родители. В нашем доме — я это чувствовал — назревал ужас. Отец, возвращаясь из университета, закрывал все окна, включал радио и прикивал к нему вплотную ухом, так что произносимые слова мог слышать только он, остальные же различали только треск.

Как я понял, у мамы на работе, то есть в мединституте, должны были вот-вот разоблачить пособников врачей-вредителей и, хотя мама врачом не была (она занималась проблемами регенерации, и ее пациентами были аксалотли), подозрение о вредительстве должно было, по ее твердому убеждению, пасть на нее. Ни разу на этих страницах не упоминались имена негодяев, но одно имя все же назову. Я не видел этого человека, но его фамилия часто произносилась в эти дни в нашей семье как фамилия мерзавца. Я запомнил ее: она принадлежала тогдашнему ректору мединститута Кузьменко. Он особенно ревностно, сверх положенной разнарядки на отравителей, выявлял соучастников.

Маму грубо выдворили из института с волчьим билетом.

Мама подала на Кузьменко в суд.

Удивительное дело! Суд удовлетворил мамин иск — кажется даже, еще до смерти Сталина (впрочем, точно сказать не могу).

Маму восстановили на работе — на несколько месяцев, затем Кузьменко вновь уволил ее по сокращению штатов — невиннейшая формулировка!

Мама вскоре сумела устроиться на работу в украинскую школу учителем биологии. Это было счастье. Мама любила детей и находила подход даже к абсолютно неспособным и более того — озлобленным детям. Особенно хорошо ей это удавалось в часы работы на пришкольном садовом участке, где под ее руководством выращивались цветы, фрукты и овощи. Урожай собирался и распределялся между учениками, охотно трудившимися на земле. Так было до тех пор, пока директор школы не решил, что выращенные цветы следует продавать, а урожай передать в одни руки, а именно в директорские. На участке стало запрещено даже яблочко надкусить. Мама отказалась выполнять распоряжение директора: ни торговать цветами, ни снабжать директора фруктами и овощами она не собиралась.

Но этот конфликт был легким переживанием по сравнению с тем, что произошло, когда мы узнали, что удумали начальники в Отделе народного образования. Они твердо усвоили: наукой доказано, что Б-га не существует, а религия — это опиум для народа. Между тем многие ученики маминой школы, одурманенные своими темными родителями, посещали церковь, особенно в праздники. Путь в церковь, решили чиновники, должен быть прегражден просветителями народа, то есть, в данном случае, учителями.

Стало быть, на Рождество или на Пасху мама получала распоряжение подойти к церкви и, распознав среди прихожан своих учеников или их родителей, остановить их, призвать их опамятоваться перед лицом мракобесия, да и просто взять за руку и не пускать.

— Представьте себе, — чуть не плача, говорила мама начальству, — стоит возле церкви еврейка, раскинув руки, и не пускает добрых христиан в храм! Да ведь это изуверство!

— Какая еврейка? — не понимало начальство.

— Я, я еврейка, — напоминала мама.

— А какая разница? У нас в Советском Союзе все равны, — напоминали маме Конституцию начальники.

— Делайте что хотите — не пойду!

У мамы был выговор за отказ участвовать в антирелигиозной пропаганде.

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

ВИКТОР БЕЙЛИС:

БЕСЕДА В СКВЕРЕ ТРОКАДЕРО

Одна из первых вылазок, которую мы с женой предприняли, переехав во Франкфурт, была поездка в Париж. Весна 1993 года, мы еще не успели пообвыкнуться в Европе; покупая что-нибудь к обеду, мы переводили все в масштаб русских цен, какими мы их запомнили в наш последний год в Москве. Если цена на продукт превышала одну марку, мы с ужасом переглядывались и отказывались от покупки за ее очевидной безнравственностью по отношению к россиянам.

В Париже мы передвигались пешком, потому что транспорт казался нам дорогим. Мы, конечно, успели посмотреть меньше, чем хотелось бы, но зато основательно, ничего по пути не пропуская. В тот день, который я описываю, мы направлялись к Эйфелевой башне, наметив привалом скверик на площади Трокадеро.

Когда мы дошли до скверика, ласково светило солнце и приветливо улыбался нам со скамейки человек с толстой тетрадь в руках лет тридцати пяти. Он подвинулся на краешек, доброжелательно приглашая нас присесть рядом с ним. Я опустился на скамейку, а Лена, не понимавшая французского, продолжала ходить, фотографируя то нашу беседу, а то окрестности.

Услышав мой акцент, француз поинтересовался, откуда мы приехали. Узнав, что из России, спросил, как там нынче. Я честно отвечал, что скверно, потому что произошло резкое и серьезное обеднение населения.

— И в это же самое время, — понимающе продолжил молодой парижанин, — евреи набивают себе бока и карманы.

Я с любопытством посмотрел на собеседника и сказал:

— Как раз такого еврея вы сейчас и видите перед собой. Правда, если вы положите в мои карманы в сто раз больше, чем в них сейчас есть, все равно никто не сможет назвать меня богатым, даже старушка в очереди за молоком из какого-нибудь российского магазина.

— О, это ничего не значит, — не теряя доброжелательства, произнес мой новый знакомый. — Просто евреи — это народ, стремящийся к мировому господству, и они, благодаря своим капиталистам, разбросанным по всему миру, этого господства достигли.

— А чем отличаются еврейские капиталисты от прочих?

— А тем и отличаются, что обычно капиталисты стремятся к наращиванию капиталов, а евреи хотят править миром.

— Б-г ты мой, Францией управляют евреи?

— Конечно.

— Вы бы могли сказать, кто именно? Разве Миттеран — еврей?

— Миттеран не еврей, но он куплен евреями. Да, вы правы, во Франции всего два процента еврейского населения, но в правительстве их восемь человек.

— А если бы вы были президентом?

— Я бы тоже был не в состоянии что-либо сделать.

— Французы — великий народ, евреи, как вы говорите, — вредный народ. При этом их всего два процента. Почему вы их просто не убьете?

— Нет, — рассудительно заметил мой собеседник, — евреев убивать нельзя: они тоже люди.

— Что же делать? — в отчаянии заломил я руки.

— Этого я не знаю, — мрачно признался француз.

— Вы верующий? Вы обсуждали этот вопрос в церкви?

— Евреи запретили обсуждать этот вопрос в католических храмах.

— Разве Папа Римский — еврей? — с ужасом пролепетал я, но, испугавшись, что мой вопрос может показаться обидным, тут же задал следующий: — А кто вы по профессии?

— Фармацевт.

— У вас еврейская профессия.

— Вот именно! — с жаром воскликнул бедняга. — Потому-то я и хожу без работы.

— А вы не пробовали обращаться к врачу?

— Нет, я не параноик, если вы это имеете в виду.

— Ну, тогда позвольте вам пожелать все-таки когда-нибудь стать президентом и найти выход из этой чудовищной ситуации.

Он приветливо помахал нам с Леной рукой на прощанье и углубился в свою толстую тетрадь, в которую я успел заглянуть и увидеть в ней неумело написанные китайские иероглифы. Под тетрадью я еще разглядел лежащий на коленях цитатник Великого Председателя Мао.

— Кто этот милый человек? — спросила Лена, не подозревавшая о содержании беседы.

Я вкратце пересказал ей наш разговор.

— А я думала, ты приобрел нового друга.

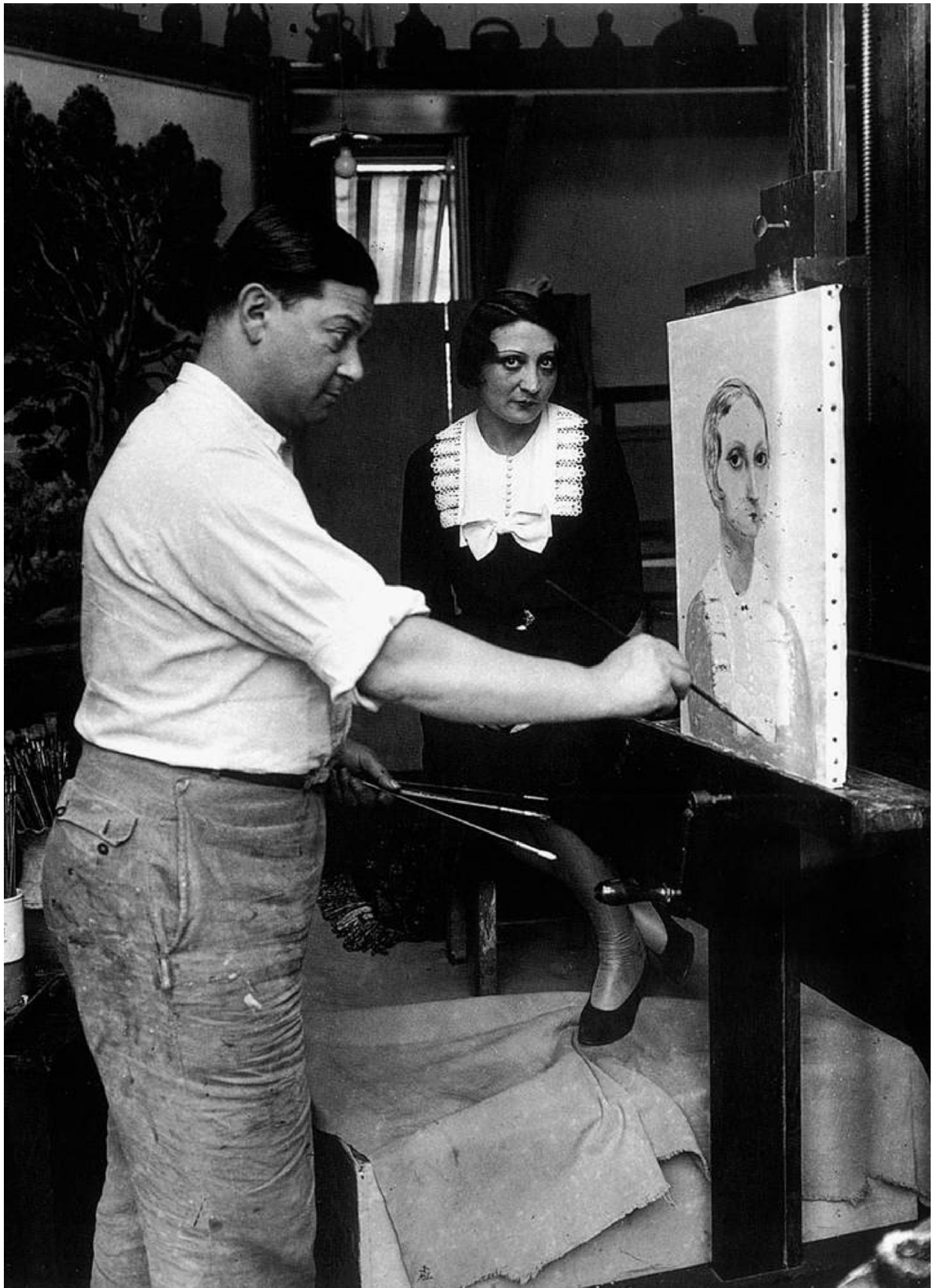
Лена сделала много фотографий, на которых дружеская беседа запечатлена. Следя за настроениями в мире, я полагаю, что мой теперь уже давний знакомый, пожалуй, способен занять президентское кресло. И тогда я смогу предъявить миру старые фотографии. Не бойтесь, евреи, мы найдем средство если не подкупа, то, по крайней мере, шантажа! Клянусь своей фамилией!

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

ПАРИЖ. НАШИ ВСЕ

Жанна Васильева

Выставка «Парижская школа. 1905–1932» в ГМИИ им. А. С. Пушкина, на которой было представлено около 200 произведений 56 мастеров, в том числе Амедео Модильяни и Хаима Сутина, Марка Шагала и Моисея Кислинга, Александра Архипенко и Ханны Орловой, Леонара Фужиты и Ладос Гудиашвили, Наталии Гончаровой и Пабло Пикассо, стала фактически первым полноценным знакомством с художниками XX века, чье становление во многом определил Париж.

Αἰ ἄδᾶ Ἐὰδὸ ἀο. Ἰ ἱεῖνῆ Ἐεῖνῆί ᾶ 1929 ᾶᾶ Ὀαί ὀδ Ἰ ἱ ἱ εᾶᾶ, Ἰ ἁδῆε.

Ἰ ἁδῆί ἁεῖν ἱ εᾶ ἱ ᾶδᾶ ἱ ἱ ἱ ᾶ ἁεῖν ᾶᾶ / Ὀαί ὀδ ἱ ὀ ἱ ἱ ἁεῖν ἱ ἱ ᾶ ἁεῖν ἱ ᾶ

Ἰ Ὀ Ἰ ᾶ × Ἐ Ἰ Ὀ ἱ Ἐ Ἐ Ἀ Ἰ Ἀ Ἰ Ἐ Ὀ Ἰ ἱ Ἐ Ἐ: Ἰ Ὀ Ὀ Ὀ Ἀ Ἐ Ἐ Ἰ ἱ Ἐ 83 Ἀ Ἰ Ἀ Ἀ

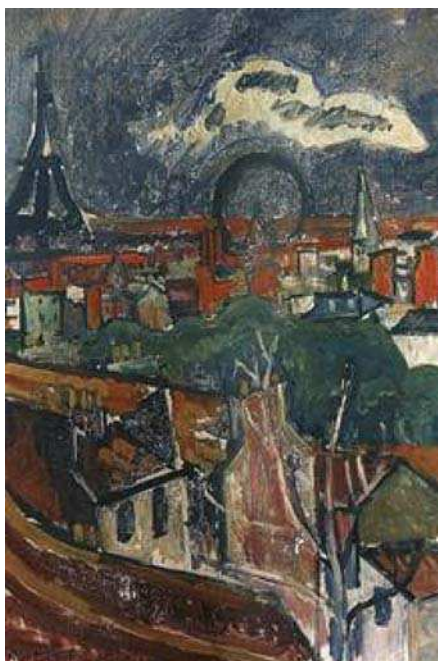
Помимо наших музеев и частных коллекционеров работы предоставили Центр им. Жоржа Помпиду и парижский Музей искусства и истории иудаизма, Институт Модильяни и Музей Оранжери, Музей современного искусства Парижа и Общество друзей Пти-Пале Женевы... Фактически экспозиция оказалась рифмой давней выставки «Современное французское искусство», открытой в 1928-м в Москве, в Морозовском особняке на Пречистенке, где располагался Государственный музей нового западного искусства (ГМЗНИ). Ее привез в Советскую Россию искусствовед Абрам Эфрос. Эфроса, заместителя директора упомянутого музея и сотрудника музейного отдела Наркомпроса, отправили в командировку в Германию и Францию. Это было вроде премии за организацию Всесоюзной художественной выставки к 10-летию Октября. Эфрос сумел договориться о привозе работ 70 мастеров, обитателей Монпарнаса, «Улья», в общем — Парижа. Как замечает исследователь русской художественной эмиграции Андрей Толстой, посредниками в переговорах с французской стороной выступили Михаил Ларионов и Сергей Фотинский, а договоренностям с художниками много помог скульптор Оскар Мещанинов, член «Общества русских художников».

Событие было беспрецедентным. Грабарь упомянет позже о «чудовищных препятствиях» на пути организаторов, и два-три года спустя показ «формалистов» станет невозможным. А пока московские зрители могли увидеть живопись Амедео Модильяни, Макса Эрнста, Жюлья Паскена, Константина Бранкузи... И работы бывших соотечественников, в разное время обосновавшихся в Париже. От тех, кто, как Оскар Мещанинов, Осип Цадкин, Пинхус Кремень, Яков Липшиц, Михаил Кикоин и Ханна Орлова, прибыл во Францию еще до первой мировой, до «первой волны эмиграции»: Юрия Анненкова и Александры Экстер, Константина Терешковича и Льва Зака, Абрама Минчина, Мане-Катца, Лазаря Воловика...

Очевидно, Эфрос не сумел договориться с Хаимом Сутиным — при том, что писал о нем в каталоге. Возможно, причиной был максимализм Сутина по отношению к собственным работам, или многие из них уже были в частных коллекциях. Другие художники выпали по идеологическим причинам. Вряд ли граф Андрей Ланской или баронесса Елена Эттинген жаждали показать свою живопись «большевикам».

Если говорить о «русской группе» (как озаглавил свою статью в каталоге Эфрос), то в экспозиции участвовали прежде всего те, кто считал возможным диалог с Советами. Именно поэтому Эфрос неожиданно называет русскую группу парижской школы «нашими историческими издержками». Имея в виду, что художники, которые «могут идти по высшему уровню западного искусства», в Россию не вернутся. Отсюда замечание, что «от нас самих зависит впредь не подсчитывать утрат и не жалеть, что люди не кролики и что их нельзя зарешетить в ящики и привезти назад».

Эфрос ошибся. Утраты нам пришлось подсчитывать весь XX век. Но выставка 2011 года не об утратах — о встрече. В том числе о встрече с мастерами, в работах которых писатель Борис Поплавский отметил «хорошо отличимое и резко бросающееся в глаза русское и, скорее, русско-еврейское направление, причем в нем русская народная, несколько лубочная яркость и русский лиризм смешиваются с еврейским трагизмом и религиозной фанатичностью. Таковы Сутин, Шагал, таков и Ларионов, хотя он и чисто русского происхождения». Парадокс в том, что многие из этих парижан вовсе не были бы польщены определением «парижская школа».

Ī ēlōm̄ Eōm̄ āl ū Ī ādēæ. Yēōæāāā āāōī ŷ ē ēīēām̄ īāīōdāī ēŷ.

Nīrādāī ēā Ī ādēē Nāēēī tē ē Nādāī Eōēāī ēāāāā

Ī ĀDÈÆ Ī Ā ŌDĀĪ ŌÈB?

Они ехали в Париж, чтобы завоевать мир. Париж и был синонимом мира. По крайней мере, мира артистического и художественного. Как минимум с конца XIX века до второй мировой. Потом разноязыкий вдохновенный народ, рисовавший дни и ночи, с жаром обсуждавший в кафе кубизм, супрематизм и дадаизм, устраивавший благотворительные балы и дебоши, окрестят «парижской школой». Но что это такое, вряд ли внятно могли объяснить даже критики Роже Аллар и Андре Варно, первыми использовавшие этот термин в 1924–1925 годах.

Термин «парижская школа» был придуман, чтобы не определить, а отделить всех этих немцев и скандинавов, американцев и выходцев из Восточной Европы, испанцев, мексиканцев, чилийцев, оккупировавших Монмартр и Монпарнас, от настоящих французов. В 1920-х Париж противопоставляли традиционной Франции точно так же, как сегодня Москву или Петербург — российской глубинке.

Одни досадовали, что «деньги французских любителей живописи уходят в карманы этим иностранцам, в то время как нашим художникам живется так плохо». Другие, не признаваясь, что причина ксенофобии — банальная конкуренция, апеллировали к сохранению культуры. Восхищаясь «неоспоримыми талантами Кислинга, Маркусси, Паскена, Саббага, Цадкина, Липшица, Эрнандеса, Экегарта», критик сетовал, что «на Монпарнасе полно людей, которые все еще не ассимилировались». Третьи видели в них угрозу «добродетелям французской школы». В конце концов разразился скандал. В 1923 году Салон Независимых под руководством Поля Синьяка принял решение, что на следующий год художники будут располагаться по национальностям и по алфавиту. Петиция возмущенных (среди них были и французы) не заставила себя ждать. В итоге из Салона вышли Леже, Цадкин, Кислинг, Сюрваж, Ван Донген... В 1932-м один из залов нового музея Жё-де-Пом посвящается парижской школе, в нем выставляют художников не-французов, долго живущих во Франции, отделяя их и от своих национальных школ. Ван Донген отказывается там выставляться. Кислинг не причислял себя к парижской школе, замечая в письме к Липшицу: «Мне смешно, что везде в Париже мы приезжие. Смешно наблюдать, как Баслер, Мейер и прочие Розенберги, Канвейлеры и т. п. борются с иностранцами, евреями и иноверцами...»

Как быстро меняется ситуация! Еще в 1922-м даже намек на ксенофобское высказывание поставил крест на идее Парижского конгресса, которую лелеял Андре Бретон. Бретон считал, что «кубизм, футуризм и Дада — в сущности, <...> элементы одного, более общего движения, ни сути, ни размаха которого мы пока в точности не знаем». И предлагал художникам всех этих направлений встретиться на конгрессе. Конгресс не состоялся не потому, что Тристан Тцара отказался в нем участвовать: Бретон,

задевший отказом Тцара, в коммюнике для прессы описал его как «зачинщика движения из Цюриха», уверял, что термин «дада» придуман не им, и прошелся по поводу «алчных рекламных лгунов». Позже Бретон признает это «оплошностью». Вместо того чтобы собраться на конгресс, его потенциальные участники пришли в «Клозри де Лиля» (среди них были Ман Рей, и Эрик Сати, и Поль Элюар, и Осип Цадкин, и Сергей Шаршун). И приняли резолюцию, в которой, в частности, говорилось, что «слова “приехавший из Цюриха” производят неприятное впечатление независимо от того, был или не было умысла упрекнуть кого-то в иностранном происхождении».

Аэе Оаіеді. Ааоііідооаіо аі аіоааіеіе. Еіі ао 1920-о ааіа

Њаааі еа І аооо Њаеіі е е Њаааі Еооаі оааа

«ХАДАС» АААА «ОААД»

На фоне нарастающего стремления разделить «французов» и «парижачьих» (по выражению Ильи Зданевича) последние начинали обращать взор в советское «далёко». Прежде всего «левые» художники группы «Через» писателя Ильи (Ильязда, как он звал себя) Зданевича. Неугомимый тифлисец, поклонник «зауми», в кафе «Хамелеон» устроил «Университет 41 градуса — Русский факультет» с лекциями на русском и диспутами. Там же в 1921-м они с Сергеем Шаршуном попробовали устроить свой дадаистский вечер, на котором звучали стихи Арагона, Бретона, Элюара, Супо и выступал поэт и хореограф Валентин Парнах, который когда-то на Салоне Дада исполнил танец «Чудесной домашней птицы». В 1923 году Ильязд создал группу «Через», в которую помимо Шаршуна, Парнаха, Поплавского вошли Давид Какабадзе, Ладос Гудиашвили... Вместе с Тристаном Тцара группа устроила вечер «Бородатое сердце», закончившийся потасовкой с сюрреалистами, которых возглавил Бретон. На этом существование «Через» завершилось. Но они успели поддержать не только дадаистов, но и гастролы Камерного театра, а также созданный Сергеем Ромовым журнал «Удар», в редколлегии которого числились Луначарский и Эренбург. В журнале публиковали свои работы и Пинхус Кремень, Жак Липшиц, Оскар Мещанинов, Серж Фера, Адольф Федер, Осип Цадкин, Виктор Барт, Леопольд Сюрваж, Константин Терешкович...

Создатель журнала Серж Ромов приехал в Париж в 1906-м из Каменец-Подольска, где звался Соломоном Роффманом. Он был писателем и считался меценатом. Жорж Шаренсоль упоминает, как «в тяжелые времена Терешкович и Минчин приносили ему свои холсты» и «если бы не он, многие из его соотечественников жили бы в ужасной нищете». Как и Зданевича, его влекли акции дадаистов. Как и Ильязд, он был не лишен организаторской жилки: в 1921-м основывает «Общество бродячих художников и скульпторов» и выпускает журнал «Удар». В 1928-м Ромов едет в СССР, где продолжает переписку с сюрреалистами. Его ждет арест в 1933 году. Освобождение в 1938-м. Расстрел в 1939-м.

ЛЕХАИМ ЯНВАРЬ 2012 ТЕВЕТ 5772 – 1(237)

ЕЩЁ ПОСМОТРИМ!

יְאֵא נִי עֵבֵא. נְאָא יְאִי בֹעֵ

עֵי יְאִי, אֲנֹדֵעֵנֵעֵ עֹעִוֹדִי עֵ עֵי עֵי, אִי 22.01

МЕЛА ХАРТВИГ-СПИРА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «ДРОШЛ».

ГРАЦ, АВСТРИЯ

Судьба актрисы и писательницы Мелы Спиры (1893–1967) — классический пример того, как изгнание лишает человека судьбы. Надежда австрийской литературы в 1920-х годах, после эмиграции в Лондон Спира так и не раскрыла свои таланты.

Дочь социолога Теодора Герцля (после перехода в католичество тот стал Хартвигом), Мела начинала как актриса, в том числе в берлинском «Шиллертеатре». Выйдя замуж за еврейского адвоката Роберта Спиру, она переехала в Штирию, до аншлюса Австрии жила вблизи Граца. В конце 1920-х ее прозу оценили такие мэтры, как Альфред Дёблин и Стефан Цвейг, ей присудили Венскую премию в 1929 году. Но эмиграция в Лондон покончила с публикациями, даже поддержка Вирджинии Вульф не помогла. Спира писала «в стол», ее романы напечатали после ее смерти. После войны семья вернулась в ставший родным Грац, но прием оказался слишком холодным, чтобы остаться здесь навсегда. Зато в 1990-х, когда возродился интерес к прозе Спиры, тексты из ее архива публиковали как раз издатели Штирии.

На выставке жизнь Спиры документируется с разных сторон. Показаны ее картины, живопись ее учителя Альфреда Викенбурга. Такова судьба талантливого человека в XX веке: актриса, писательница, художница, но во всех областях творчества самореализация лишь намечена, нигде она не приблизилась к своему пику.

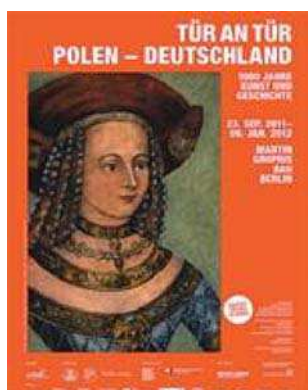
Спасибо, как говорится, что хоть умереть дали в своей постели.

ΑΙΕΙ ΑΙΕ

ΑΑΦΕΕΙ, Ι ΑΒΟΕΙ-ΑΔΙ Ι ΕΟΝ-ΑΑΟ, ΑΙ 901

Альфред Вукенбург. Желтый дом. Около 1950 года. «Новая галерея». Грац, Австрия

Афиша выставки «Бок о бок. Польша—Германия: 1000 лет искусства и истории»

Мегавыставка насчитывает 19 больших залов, 22 главы, 780-страничный каталог и 800 экспонатов. Как еще обозначить хотя бы в общих чертах тысячелетнюю историю соседских отношений Польши и Германии? Как многие соседи, эти страны жили по принципу отношений кошки и собаки, попавших в один дом: и деться некуда, и любви особой не видно.

Куратор выставки «Бок о бок. Польша — Германия: 1000 лет искусства и истории» не избегает острых вопросов, особенно очевидных, когда речь заходит о последнем столетии. Здесь и войны, и жестокое подавление Варшавского восстания 1944 года, и движение «Солидарность»... Никуда не деться и от еврейской истории. На выставке показывают памятник 1203 года с еврейского кладбища, хранящийся ныне в музее Вроцлава, — старейший в Польше. Его датировка уточняет хронологию, это самый ранний документ, свидетельствующий об особой роли Польши как пристанища для стремившихся сюда со всей Европы преследуемых евреев.

Среди других свидетельств — рукопись переведенной в 1814 году на иврит шиллеровской «Оды к радости», портрет изобретателя счетной машинки Авраама Штерна (он был первым евреем, принятым в Варшавское общество друзей науки), живопись XIX века, в том числе Мауриция Готлиба, множество экспонатов в последних разделах экспозиции. Это и антисемитские плакаты межвоенной поры (антисемитизм в Польше существовал давно, но послевоенная бедность всякий раз обостряла диагноз), и мультфильм классика еврейского видеоарта Яэль Бартаны «Дегенеративное искусство живо», посвященный печально знаменитой выставке конца 1930-х, изничтожившей искусство модерна. Выставлен черновик финального хора Арнольда Шёнберга из его вокально-симфонического произведения о гетто «Уцелевший из Варшавы». С темой войны связаны и деревянные скульптуры Фрэнка Стеллы «Polish Villages». Цикл из

более чем сотни работ создан на основе фотографий 1920-х годов, запечатлевших деревянные синагоги Польши, исчезнувшие в годы второй мировой, — и места, где они стояли. Представлено и творчество пережившей Освенцим Алины Шапошников (о ее выставке в Брюсселе см.: Лехаим. 2011. № 12).

ÑP ÐÐÁÀÈÈÇÌ . ÊÎ ÈÈÁÈÒÈВ ÈÀÌ ÈÀÌÁ

ÁÁÌÁ, ÀÈÛÁÁÐÛÒÌÁ, ÄÎ 15.01

Ман Рей. Большое расстояние (из вращающихся дверей). 1926 год.

Коллекция Джилберта Каплана. Нью-Йорк

Одновременно с выставкой Рене Магритта венцы показывают графику сюрреализма — от Дали и Миро до Пикассо и Танги. Есть здесь и работы Ман Рея (1890–1976), сына Мейлаха Рудницкого и Мани Лурии из Ковенской губернии, уехавших в Америку в конце XIX века (лишь в 1912 году они поменяли фамилию на Рей из-за постоянных антисемитских нападков в Нью-Йорке).

Вся графика — из коллекции нью-йоркского журналиста и дирижера-любителя Джилберта Каплана. Владелец автографа Второй симфонии Малера, Каплан специально научился дирижировать, чтобы исполнять это сочинение. Его записи ценит скорее публика, чем профессионалы, зато их тиражи бьют рекорды.

Ì ÀÐÈ ÀÌ ÒÌ ÈÌ ÈÛÑÈÈÈ

Ì ÌÑÈÀÀ, ÒÐÀ ÒÛÐÈÌ ÀÑÈÀÐ ÆÆÈÁÐÁÐ, ÁÌ 6.02

Марк Антокольский. На дальнем плане: Мефистофель, 1883 год; на ближнем плане: Иван Грозный, 1871 год; обе скульптуры из собрания Третьяковской галереи

17 из 26 хранящихся в Третьяковке работ — такова статистика выставки, занявшей один зал. Музей можно понять: скульптура не пользуется особой любовью публики. Хотя Антокольский (1843–1902) — явление чрезвычайное, это самый известный скульптор в истории русского искусства.

Уроженец Вильно (в семье говорили только на идише), Антокольский вряд ли бы стал художником, хотя с детства рисовал всюду и в любую минуту. В религиозной семье неодобрительно относились к изображению людей. К счастью для искусства, талантливого ребенка заметила жена генерал-губернатора. По ее ходатайству Антокольского приняли вольнослушателем в Академию художеств в Петербурге. Он стал известен как резчик по дереву, автор горельефов: в 1864 году получил серебряную медаль за «Еврея-портного», год спустя — уже золотую за «Скупого». Еврейских сюжетов у Антокольского множество: здесь и «Спор о Талмуде» (1868; воск, дерево), и «Нападение инквизиции на евреев» (1863—1869; воск), тема, к которой он обращался не раз. Но слава настигла его после создания скульптуры «Иван Грозный» (1870). Награды так и посыпались — от звания академика (для вольнослушателя редкость) до внимания со стороны императора Александра II, купившего «Грозного» для Эрмитажа. Поддерживали Антокольского и еврейские меценаты — на выставке показывают его портреты членов семьи «короля железных дорог» Самуила Полякова.

Антокольский уезжает в Европу, иногда возвращается в Россию, где его экспозиции неизменно сопровождают антисемитские выпады прессы. То ли дело Париж: здесь и орден Почетного легиона, и множество заказчиков, и участие во Всемирных выставках. Правда, к 1890-м Антокольский стал выходить из моды. Виной тому и его увлеченность заказами, и глухота к новым тенденциям в искусстве. Такое ощущение, что скульптор жил не в «столице мира», а где-то в глухом углу: в эстетическом отношении он мало на что реагировал, всю жизнь доверял главному трубадурю передвижничества В. В. Стасову. Тот считался «семифилом», защищал друга от черносотенных нападков, но как автор идей быстро себя исчерпал.

Антокольский тоже занимался журналистикой — писал не о себе (был на удивление скромн и робок), но о товарищах по искусству. Перед смертью он работал над романом-хроникой из еврейской жизни «Бен-Изаак». Где хранится рукопись — известно, а вот где был напечатан хотя бы фрагмент — нет.

Àèàèèè Ì òèòòòà

Èεεπνò δαόεγ' ἰ ἀετῆ Ἰεεῖα ε δαπνεαοῦ Ἐγδῖε Ἐαδδ «Ἄσῖ ἀαὸά, γοῖ ὁ ἀαῖ ἰαῖ δεγὸ ἰπὸε?»

Ἐἰς τὴν δὲ αἰὼν ἐὶ δὴν τὴν ἀποκατάστασιν τῆς πατρίδος ἡμετέρας ἡμεῖς οἱ Ἰσραηλῆταις.

Denit ee Ee eee Aadan i pe e Ai oem Oremate

И действительно, что же собой представляет еврей в нашу космическую эпоху? «Еврей» — понятие фантастическое. Самоидентификация самоидентификацией, но юмор, он всегда чувствовал себя в еврейской литературе как дома, а благодаря сочетанию языка, карикатурности и стиля способен прорасти даже сквозь пыльные дорожки далеких планет. Пусть корни тщательно замаскированы, пусть связи со старым миром кажутся разорванными, следы культуры предков невольно обозначатся сами собой, пусть в четвертом поколении. Милая еврейская пара, к своему ужасу, узнает, что их дочь вышла замуж за марсианина, но, прибыв на Марс, родители обнаруживают, что цветная капуста, то есть собственно зятек, — местный раввин. И теща, таки да, его признает. Кстати, чтоб вы знали, на Марсе тоже справляют бар мицву и делают обрезание. Дибук вселяется в инопланетянина, пушистого кентавра — кунивара, представителя коренного населения планеты Мазлтов-IV. Мальчик, простой телемастер с Венеры, обнаруживает у себя в ванной коричневые морщинистые подушки с пятнами, из которых растут серые щупальца. Это «Бульбы», делегаты Первой межзвездной неосинистской конференции, прибывшие с четвертой планеты звезды Ригель, они утверждают, что тоже евреи. В кухонное окно квартиры Гарри Коэна на Первой авеню влетает чернявая длинноногая птица с всклокоченной головой и тусклым взглядом, заговаривает по-еврейски, представляется Шварцем. И тому подобная фантастика. В общем, надо читать. А чтобы продлить удовольствие от знакомых оборотов и хохм, «Эшколь» объявил конкурс иллюстраций. Из тринадцати рассказов было выбрано только три, но таких, которые создают для иллюстраторов максимальные возможности. Это «Голем» Авраама Дэвидсона, «Думаете, это у вас неприятности?» Кэрол Карр, «Дибук с Мазлтов-IV» Роберта Силверберга.

«Особенно интересно было посмотреть, как самые разные художники визуально трактовали еврейские темы — ведь далеко не все из них хорошо представляют, что такое “дибук” или “талит”, к примеру. Это видно и по рисункам, присланным на конкурс: к одному и тому же рассказу — абсолютно различные иллюстрации», — вспоминает Ольга. За главный приз (а это слава + 300 долларов) боролась добрая сотня претендентов с весьма широкой географией: Москва, Петербург, Воронеж, Иркутск, Уфа, Саратов, Екатеринбург, Рязань, Тюмень, Дмитровград, Владивосток, Пенза, Ижевск, Челябинск, Днепропетровск, Ульяновск, Курск, Краснодар, Красноярск, Нижний Новгород. Причем по условию конкурса вовсе необязательно было быть профессиональным художником. Работы принимались с 26 сентября по 16 октября. Слабых среди них не оказалось. Шорт-лист уважаемое жюри (при поддержке портала Citycelebrity.ru) составило с трудом. 30 октября были названы победители. Специальный приз получила Анастасия Белашова из Краснодара за иллюстрацию к рассказу «Думаете, это у вас неприятности?», абсолютным победителем — и по итогам зрительского голосования, и по мнению участников проекта «Эшколь» — стал Эдуард Сайфульмулюков из Хотьково. Он прислал иллюстрацию к рассказу «Дибук с Мазлтов-IV». «Все рисунки, присланные на конкурс, оказались чрезвычайно разнообразными по технике исполнения. Некоторые — настоящие произведения искусства. Но, на наш взгляд, иллюстрация-победитель должна быть не только техничной и эмоциональной, но и в первую очередь динамичной, сюжетной, она должна рассказывать историю, — комментирует Морозова. — Мы проводим такие конкурсы, потому что это интересно, наши победители получают призы и участвуют в мини-выставке. Что же касается их дальнейшей судьбы — тут мы повлиять не можем. Но нам приятно доставить удовольствие участникам и зрителям. Как написал один из участников конкурса: “Спасибо вам за вдохновение, ведь мне самому никогда не пришлось бы в голову изобразить еврейскую разумную брокколи”».

ПОТОП

Î eöäëé Áíäöëéé

Æèèà-áúèà îáí à áááà

Ðæèññäð Áí äöäé Ñì èðí îâ

Ðíññèÿ, 2011

Смирнов снял реалистический фильм с богатой фактурой, историческая драма, 1909–1921, деревня со всеми ужасами той единственной Гражданской, житие бабы одной в нечеловеческих обстоятельствах, Лесков незримо присутствует, судьба деревенской женщины как судьба России.

Фильм этот часто называют антикоммунистическим. Ну не знаю. Вообще это такая зашоренность, редуционизм, сведение богатства жизни к готовым идеологическим штампам, к простому, к квадратному. Россия, которую мы потеряли. Гармония и лад деревенской жизни. Прилетели марсиане, всё порушили.

Марсиане тоже появляются, не без этого. Проверка документов чекистами в поезде: еврей с китайцем, братья навек, в вагоне, переполненном селянами. Своеобразный черный юмор. Но они на обочине сюжета, фантомы. Ветром революции надуло. Не в них дело.

Грубость жизни, общая вражда, постоянное насилие, насилие как естественный быт, как ожидаемое поведение, как неизбежность, готовность к насилию, нацеленность на насилие, неуважение к личности, к человеческой жизни, грош ей цена, множит сцены. Насилие, порождающее новое насилие.

Мама, за что Боженька нас так не любит.

Во мраке — проблески милосердия. Цветные рыбки в пучине.

Пьют — все. Секс неразрывно связан с насилием. Секс только что обвенчавшихся героев похож на кошмарную сцену у Амоса Гитая в тех же обстоятельствах. Но много, много хуже.

Если так со своими, что ж о врагах говорить. Большевиков еще и в заводе не было. На здешней грядке родились — не в германском Генштабе. Вот о чем фильм.

Жиды во всем виноваты, — это один из героев. Другой: жиды-то тут при чем? И действительно: при чем? Тот ему сразу в глаз. С ненавистью. С надрывом. Так ты за жидов?! Так ты Россию не любишь?!

Это они то ли на богомолье идут, то ли с богомолья. До «жидов» о святом граде Китеже беседовали. И то: костерок на берегу озера.

доцентами на деньги спонсоров, не вызывала у него доверия. Тем не менее в комедии досталось не только антисемитскому окружению профессора, но и ему самому. По крайней мере, критики-современники хоть и проводили параллели с «Врагом народа» Ибсена, увидели в Бернарди и высокомерие, и пассивность. Самой же интересной фигурой в пьесе многие сочли министра Флинта (Николас Офчарек), образец вечной политической лабильности. Выступая в парламенте, он начинает вроде бы в защиту Бернарди, но, услышав гневные выкрики депутатов, меняет по ходу речи свою позицию. Вчера он лучший друг, сегодня отрекается, завтра, обнимая, говорит: «Ничего личного!»

25 января 1913 года пьесу запретило австрийское МВД. Подобное случалось: в 1912 году в немецкоязычных странах было 19 цензурных запретов, из них 7 — в Вене. С «Бернарди» обошлись жестко: запретили даже закрытые показы, для специально приглашенной публики. Как заметил один из цензоров, антисемиты и крещеные евреи изображены в пьесе куда негативнее, чем некрещеные евреи. Тем не менее сам текст обществу был известен. Проходили публичные читки пьесы, ее играли не только в Германии, но и в самой Австро-Венгрии, например в Будапеште, причем играли венские театры. Успех был, хотя и не единодушный. Врачам комедия не понравилась. Грозил, что отец автора, Юлиус Шницлер, больше не получит профессуры. Драматург получил письмо от некой фрау Бернарди, просившей переименовать героя. Дескать, мы, настоящие Бернарди, антисемиты, и некоторым членам нашей семьи стыдно за такое совпадение. Не зря один из исследователей писал, что это «комедия как общественно-политический микрокосмос».

На венской премьере 1918 года, после падения империи, ждали скандала. Но ни скандала, ни беспорядков не было. Могло показаться, что Европа выздоровела на фронтах первой мировой. Она же просто взяла паузу.

[1]. *Sylvia Boening. «Buerger zweier Welten». Juedische Identitaetsmodelle in Arthur Schnitzlers Roman «Der Weg ins Freie». Saarbruecken, 2008. S. 120.*

[2]. *См.: Nikolaj Beier. Vor allem bin ich ich. Goettingen, 2008. S. 180.*

ВИКТОРИАНСКИЙ СНИМОК

Èðèíà Ì àé

ÀÓÂÄÐÍÀÌ ÒÈÀ

ÐÀÆÈÑÑÀÐÑÀÌ ÀÐÀ ÆÌÈÄÄÀÒÕÄ
ÀÆÈÈÌÀÐÈÒÀÌ ÈÈ, 1998

Джентльмены не опускаются до расизма. Если, конечно, речь идет не о евреях. А фильм «Гувернантка» снимался как раз о них.

Красавица Розина да Сильва, потерявшая отца, вместо того, чтобы вступить в брак со старым облезлым торговцем рыбой, находит менее противный способ обеспечить себя и мать с сестрой: идет в гувернантки. «Хорошая христианка ищет место в семье джентльмена», — придумывает она себе легенду. Ищет — и находит, только не в Лондоне, где жили многие поколения ее семьи и была самая многочисленная еврейская община в Соединенном Королевстве, а в Шотландии, на безлюдном острове Скай.

В семье, где ей предстоит жить, трое: Чарльз Кавендиш, изобретатель, его бестолковая жена и юная дочь Клементина, в первую же ночь подложившая гувернантке дохлых мышей в постель. Позже к ней присоединился старший брат Генри, изгнанный из Оксфорда за курение опиума с проституткой. Розину, наделенную, подобно ее тете-певице, артистическим даром и безграничной любознательностью, не то что не пугает, а, напротив, приятно возбуждает перспектива перевоплощения в христианку.

— Мне надо подучить математику, прочесть Новый Завет, подготовиться к приключению... К тому же 20 фунтов в год... Но, кажется, слово «еврейка» написано у меня на лбу — как мне выдать себя за Мэри Блекчерч?

«Вы же не католичка?» — спрашивают ее. «О нет, никак не католичка», — отвечает гувернантка, ничем не выдав истинного смысла этих слов. Она никого не обманывает, но слегка лукавит, разъясняя воспитаннице тексты Евангелия и называя Рождество праздником рождения младенца Иисуса. И выглядит она не дочерью древнего народа, но посланцем из будущего, случайно посетившим унылый аристократический дом. Пуританская обстановка, закрытые до подбородка невыразительные наряды, неизменные букли хозяйки — и на этом тоскливом фоне тоненькая Розина в черном платье, из которого выступают нежные, едва прикрытые прозрачным шифоном плечи. И тут же мы видим таинственный дом ее родителей — трудно поверить, что так все выглядело меньше 200 лет назад и путешествие мы совершаем не во времени, а в пространстве. Хотя евреи, вынужденно замкнувшиеся в своих гетто, действительно жили в Англии обособленно, их обряды и традиции не менялись веками.

В любом случае, в картине есть прямое указание на дату — 1840-й, через год после изобретения фотографии и демонстрации дагерротипа. В действительности Дагерр сам нашел закрепитель для отпечатков — раствор поваренной соли. В фильме изобретатель Кавендиш бьется над секретом сохранения снимков, выцветающих за 24 часа. Розина, для которой эти опыты — единственная отрада в однообразной островной жизни, случайно делает открытие. Ночью, пока все спят, она устраивает на постели в своей

комнате пасхальный седер. И, перекаывая в соленой воде вареное яйцо, случайно проливает воду на свежий отпечаток. А с утра видит четкое изображение, сохранившееся навсегда.

— Вам есть чем гордиться, — говорит она своему патрону, — теперь вы сможете запечатлеть человечество. Сохранить память о тех, кого нет с нами.

Милорда это не интересует — ему важен процесс. Но он бессилен сопротивляться напору красавицы. Эта история скорее из Серебряного века: девушка из ортодоксальной семьи, соблазняющая иноверца. Она ведет себя как первопроходец и ученый, исследуя жизнь во всех ее проявлениях и потакая собственным художественным устремлениям. Ее возлюбленному в голову не может прийти, как далеко может зайти страстная натура в поисках смыслов и впечатлений. Розина всегда в игре: в доме она, нацепив очки, учит воспитанницу азам французского и распевает Шуберта под клавикорды. В лаборатории она бесстыдница, следующая за своими фантазиями и пытающаяся запечатлеть с помощью камеры обскуры живую натуру, телесную наготу.

Розину легко было бы обвинить в смертных грехах, если бы на защиту ее не встал режиссер. Сандра Голдбахер — во всем адвокат своей героини, а фильм — приговор, которым его автор поквиталась со своими обидчиками, считавшими, что женщина, тем более еврейка, должна знать свое место.

В момент съемок Голдбахер не исполнилось и 40. Она была преуспевающим режиссером рекламы, автором успешных роликов известнейших фирм, от водки «Абсолют» до «Филипс», «Эвиан» и «Обсервер», ставила документальные фильмы для Би-би-си и искала деньги на съемки первого полного метра. Им и стала «Гувернантка», за которую Голдбахер в Британии удостоилась награды «Золотой Хичкок» и ежегодной кинопремии газеты «Ивнинг стандарт», а на фестивале в Карловых Варах получила сразу два приза, в том числе за лучший дебют. Что неудивительно: фильм невероятно красив, снят по отличному сценарию (написанному тоже Сандрой Голдбахер), актеры превосходны и непредсказуемы. Том Уилкинсон, блестящий характерный актер, некогда одна из звезд Королевского театра в Лондоне, здесь чуть ли не впервые в кино выступил в не свойственном ему амплуа, сыграв истеричного самовлюбленного героя. А роль Розины Голдбахер отдала Минни Драйвер, к тому моменту уже весьма знаменитой, причем не только благодаря кинематографу (хотя «Умница Уилл Хантинг», ее на тот момент самый известный фильм, тогда уже вышел в прокат). Драйвер много выступала еще и как джазовая певица. И — нет, она не еврейка.

Объединившись, предки актрисы — ирландцы, шотландцы, французы и итальянцы — дали удивительный интернациональный компот с ярко выраженным семитским колоритом. Опробовав себя в 1998-м в «Гувернантке», только что Минни Драйвер повторила успех в фильме «Версия Барни» (о нем можно прочесть в материале Майи Волчек в этом номере «Лехаима»). Национальный колорит усугубляет музыка — песнопения в исполнении знаменитой израильской певицы Офры Хазы: фильм был снят за пару лет до ее гибели, и ее голос почти все время звучит за кадром.

А в целом эта картина — такой оммаж еврейству, который, кажется, никто больше никогда не снимал. И достойный ответ британским антисемитам, еще недавно, каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад скрытым, но в последнее время все чаще поднимающим голову и открывающим рот. Тому есть многочисленные свидетельства и факты, подтверждающие их. Есть и реакция на них евреев: достаточно вспомнить, как пианист Евгений Кисин, долгое время живший на два дома — в Лондоне и Нью-Йорке, покинул Англию, написав открытое письмо директору Би-би-си, в котором, в частности, осуждал антисемитскую пропаганду на главном информационном ресурсе страны.

Сандра Голдбахер, дочь еврея и католички, принявшей иудаизм, в этой стране выросла. В одном из интервью она поделилась чудовищным фактом из своей биографии: «В моей школе была квота на количество еврейских девочек, к ним относились как к низшему классу». Учитывая, что речь идет о современной эпохе, я не могу воспринимать эти слова буквально — скорее всего, речь о закрытой частной школе, в которой, разумеется, не были узаконены подобные ограничения, но руководство следовало традиции. Де-факто. По привычке, унаследованной от дедов и отцов.

Эта история стара как мир. Сегодня многие удивляются, когда находят в британских новостях скрытые или явные антиеврейские и антиизраильские намеки, когда слышат на улицах Лондона антисемитские выкрики или узнают, что во время второй мировой войны Британия не приняла еврейских беженцев из захваченных Гитлером стран. А ничего странного: можно еще вспомнить, что Эдуард I изгнал евреев из Британии много раньше, чем католические короли Изабелла и Фердинанд из Испании, еще в 1290 году. И в классической английской литературе, к которой явно апеллирует Голдбахер, от Джейн Остин до сестер Бронте, евреи фигурировали чаще всего в образе мерзких ростовщиков, клонов Шейлока.

Ростовщичество, как известно, было одним из немногих дозволенных английским евреям занятий, даже медицина была доступна редко кому из них.

Сандру Голдбахер всегда занимала история британских евреев, она стала вести вымышленный дневник молодой еврейки, жившей в раннюю викторианскую эпоху, с тем, чтобы впоследствии превратить ее в сценарий: «Я ничего не знала о евреях, живших тогда, мне казалось, будет интересно увидеть этот мир глазами моей героини».

Героини, открывающей для себя мир и совершающей открытие для других.

Розина еще только-только радуется открытой ею возможности сохранять фотоснимки, а зрителям уже очевидно, что лорд Кавендиш присвоит себе ее изобретение. Демонстрируя свои успехи ученому мужу из Королевского научного общества, он искренне полагает, что колдунья-еврейка, забравшая в плен его душу и тело, не могла прийти своим умом до того, что не под силу ему.

Исключительно актуальная точка зрения: многие до сих пор так считают, отказывая евреям в праве на первенство во многих областях и даже в праве на достойную жизнь. Не веря в их добрую волю... Вспышки немотивированного антисемитизма — реальность, как всегда. Но сегодня им можно противостоять. За них есть кому пристыдить. Можно не обращать на них внимания. И даже снимать на эту тему кино.

АВТОРЫ НОМЕРА

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ (Р. 1961)

филолог, литературный критик, журналист, ведущий программ на телеканале «Культура» («Разночтения», «Порядок слов») и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

ИРИНА БАУЛИНА

историк, политолог, менеджер академических программ Русского общества друзей Еврейского университета в Иерусалиме.

ВИКТОР БЕЙЛИС (Р. 1943)

прозаик, этнограф, литературовед, критик. Автор книг: «Реабилитация Фрейда. Бахтин и другие. Завтрак на пленэре. Актеон», «Смерть прототипа, или Портрет», а также ряда монографий по проблемам традиционных культур Африки.

ЖАННА ВАСИЛЬЕВА

арт-критик, обозреватель журнала «Итоги». Сотрудничает в изданиях: «Литературная газета», «Сегодня», «Искусство кино», «Персона».

ЙЕУДА ВЕКСЛЕР (Р. 1946)

композитор, музыковед, писатель и переводчик. В его переводах издано более 40 книг.

МАЙЯ ВОЛЧЕК

журналист, кинокритик. Публиковалась в изданиях «Цветной телевизор», «GQ», «Труд».

ЕВГЕНИЯ ГЕРШКОВИЧ

историк изобразительного искусства и архитектуры, арт-критик, журналист. Автор книг «Высокий сталинский стиль», «Агитлак».

ЛИНОР ГОРАЛИК

прозаик, поэт, переводчик. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2003). Автор ряда художественных выставок и проектов.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (Р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик.

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (Р. 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

МАРИНА КАРПОВА

преподаватель, переводчик, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

МАРИЯ КАСПИНА

преподаватель Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ. Специалист по еврейскому фольклору и этнографии.

БОРИС КЛИН (Р. 1970)

журналист, специальный корреспондент «ИТАР-ТАСС». Лауреат премии ФЕОР «Человек года — 2006».

ЗОЯ КОПЕЛЬМАН

филолог, переводчик (Ш.-Й. Агнон, Й. Амихай, Й.-Х. Бреннер). Автор работ по ивритской литературе, преподаватель Открытого университета Израиля.

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИН (Р. 1973)

журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

МИХАИЛ ЛИПКИН (р. 1966)

переводчик с английского и иврита, преподает иврит в московской школе.

ИРИНА МАК

журналист, публиковалась в «Известиях», «Vogue», «Time Out», на сайте «OpenSpace» и др.

АФНАСИЙ МАМЕДОВ (Р. 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010).

ВЛАДИМИР МЕДЕМ (1879—1923)

один из лидеров и идеологов Бунда. Ведущий сотрудник и редактор бундовских изданий «Наше слово», «Наша трибуна», «Последние известия», «Ди фолксцайтунг», «Ди хофенунг», «Дер моргенштерн». Основные литературные псевдонимы: Марк, М. Веницкий, Г. Раф, Бен-Довид. Публиковался в русских изданиях «Вестник Европы», «День». В США сотрудничал с «Форвертс». Автор сборников «Воспоминания и статьи», «Из моей записной книжки» и др.

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (Р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости». Арт-обозреватель «Известий».

ГРЕЙС ПЕЙЛИ (1922–2007)

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников рассказов, стихотворений, бесед.

МОРДЕХАЙ РИХЛЕР (1931—2001)

канадский писатель. Автор более двух десятков книг, в том числе нескольких романов, книг эссе, книг для детей. На русский переведены его романы: «Кто твой враг», «Версия Барни», книга рассказов «Улица».

ВЛАДИМИР ХАЗАН (Р. 1952)

филолог, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг и публикаций, посвященных различным аспектам русско-еврейских культурных связей.

СЕМЕН ЧАРНЫЙ (Р. 1977)

журналист, историк, член международного общества «Мемориал».

ВЛАДИМИР ШЛЯХТЕРМАН (Р. 1924)

журналист («Московский комсомолец», «Советский спорт» и др.). Лауреат премии им. Артема Боровика (2010).

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль» и др.